

825568

От земли

С. В И К У Л О В
В. Е Л Е С И Н
В. Ш У Л Ь Г И Н
С. Б А Г Р О В
В. С Т Е П А Н О В
Д. К У З О В Л Е В
В. К О Р О Л Е В
А. Р О М А Н О В

СЕВЕРОЗАПАДНОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 9 7 6

От земли

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

С. В И К У Л О В

Е. Е Л Е С И Н

В. Ш У Л Ъ Г И Н

С. Б А Г Р О В

В. С Т Е П А Н О В

Д. К У З О В Л Е В

В. К О Р О Л Е В

А. Р О М А Н О В

Нечерноземье — обширный край нашей страны, обладающий огромными возможностями. Их реализацию предусматривает постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР». Для осуществления намеченных мер нужны усилия всего народа. Велика в этом деле и роль писателей, публицистов. Авторы книги «От земли» внимательно исследуют явления, характерные для нынешнего дня вологодской деревни, трудности и перспективы развития. Знание жизни, острота постановки вопросов, публицистическая страсть и чувство ответственности за дела на земле — вот то главное, что объединяет разные по характеру и творческим особенностям очерки, собранные под одной обложкой.

0412—20

157(03)—76

БЗ-3-13-76

ГОРИЗОНТЫ НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР» намечена долгосрочная программа ускоренного развития сельского хозяйства обширного района нашей страны, в том числе и Вологодской области. В соответствии с этим постановлением сельское хозяйство области должно уже в десятой пятилетке обеспечить значительный рост производства и продажи государству зерна, льна, молока, мяса и других сельскохозяйственных продуктов.

По всем категориям хозяйств к 1980 году объем валовой продукции должен возрасти на 21 процент, а в общественном хозяйстве — на 30 процентов. Для решения этой задачи выделяются крупные материально-технические ресурсы. Капитальные вложения возрастут по сравнению с предыдущим пятилетием в 1,8 раза, более чем вдвое увеличатся поставки минеральных удобрений и объемы мелиоративных работ.

Предусматривается осуществить крупные меры по развитию жилищного и культурно-бытового, дорожного строительства, электрификации, газификации и телефонизации села. Дальнейшее развитие должны получить отрасли, представляющие сельскому хозяйству различные услуги. Намечено наращивание мощностей заготовительных организаций и предприятий перерабатывающей промышленности. Принимаются меры по укреплению колхозов и совхозов кадрами специалистов, механизаторов, животноводов и других профессий.

Все это, конечно, радует, вселяет уверенность в том, что в ближайшие 10—15 лет богатства вологодской деревни раскроются в свою полную мощь, преобразится труд и быт, да и сам облик труженика села. Самое важное сегодня — включить коллективы колхозов и совхозов, строительных и мелиоративных организаций, всех трудящихся области — ибо подъем сельского хозяйства был и остается делом всенародным — в конкретную работу по практическому осуществлению выработанной партией комплексной программы дальнейшего подъема сельского хозяйства Нечерноземной зоны.

Решающее значение приобретают вопросы улучшения использования земли, повышения урожайности сельскохозяйственных культур, развития мелиорации, применения в возрастающих размерах минеральных и органических удобрений, улучшения всей культуры земледелия.

Необходимо осуществить крупные меры по повышению продуктивности скота и птицы, увеличению поголовья и выхода приплода. Требуется в десятой пятилетке обеспечить ежегодный рост удоев молока на 80—90 кг, поголовья дойного стада — на 3—4 процента, улучшить племенную работу на фермах, организацию откорма скота.

Одним из главных путей дальнейшего развития сельского хозяйства является концентрация и специализация производства на базе широкой межхозяйственной кооперации. Предстоит широким фронтом развернуть работу по реконструкции производственных помещений, строительству крупных комплексов, внедрению прогрессивной технологии и организации производства в животноводстве и растениеводстве.

В настоящее время неизмеримо возрастает роль специалистов сельского хозяйства. Все мероприятия должны осуществляться в опоре на специальные знания, достижения науки и передового опыта. Дело в том, что в области имеется большая группа колхозов и совхозов, которые уже на сегодня вышли на рубежи 1980 года. Надо освоить их опыт во всей массе хозяйств, отобрать по крупицам все ценное и передовое, что создано в наших вологодских условиях.

Объективной необходимостью является повышение

уровня организаторской работы органов управления сельским хозяйством, совершенствование планирования и материального стимулирования производства сельскохозяйственной продукции.

Дальнейшая работа по осуществлению аграрной политики партии — это сумма взаимосвязанных направлений и мер. Она немыслима без активной целеустремленной работы партийных, советских и хозяйственных органов, профсоюзных и комсомольских организаций, всех тружеников села.

Большие задачи встают перед работниками промышленности, транспорта и других отраслей народного хозяйства. Они должны своевременно выполнить все заказы сельского хозяйства, настойчиво изыскивать возможности для дополнительной поставки сельскому хозяйству материально-технических средств. Следует всемерно развивать шефскую помощь города селу.

Примечательной особенностью системы мер, определенных в постановлении по Нечерноземью, является то, что она охватывает весь комплекс факторов, влияющих как на само сельскохозяйственное производство, так и на социальные изменения в деревне. Труд, быт и культура крестьянства рассматриваются в едином взаимоувязанном процессе. В этом заложены большой смысл, огромные возможности для гармонического развития производительных сил в сельском хозяйстве.

В меру своих возможностей содействовать реализации огромных резервов социалистического сельского хозяйства — долг каждого советского человека, писателя — в первую очередь. Наша публицистика всегда шла в ногу со временем, активно вмешиваясь в развитие хозяйственной и общественной жизни. У авторов сборника «От земли» разные творческие судьбы, неодинаков и подход к проблемам северной деревни. Но всех их объединяет любовь к земле, к ее людям, радуется забота партии и правительства о развитии огромного района нашей страны, называемого Нечерноземьем.

*С. А. ОСМИНИН,
секретарь Вологодского обкома КПСС*

ВТОРАЯ ЦЕЛИНА

І. ЗЕМЛЯ ГОВОРИТ: «МОГУ!»

От Москвы до Вологды медленным поездом восемь часов езды. Отходит он близко к полуночи, и я, укладываясь на нижней полке, никак не отделаюсь от волнения, рожденного ожиданием скорого свидания с родиной...

Начинается оно, это свидание, задолго до того, как последний раз лязгнут буфера и поезд остановится у приземистого, старинного вокзала; нет, он еще всю грохочет на стыках

рельсов, вагон мотает из стороны в сторону, а справа, по ходу, в окна ослепительно бьет уже поднимающееся из-за леса солнце, недолгая июньская ночь бесследно и быстро растворилась, как капля чернил в реке, и земля вдруг открылась глазам во всей своей красоте начала лета.

Я люблю этот первый миг свидания с родиной, когда весь вагон еще спит, а ты, забывшись, прильнул к окну и глядишь на леса да речки, поля да деревни, глядишь — и не наглядисься, возвращаясь памятью то в детство, то в юность, которые прошли здесь, среди вот таких же, как эти, полей...

Они небольшие, поля моей родины, сжаты со всех сторон то лесами, то мокрыми лядинами, то болотами. Впрочем, как и луга... Правда, луга чаще на низинах, на берегах рек, утыканы стожарами, закиданы лохма-

тыми шапками кустов. Зеленое и желтое бьет в глаза: всю цветут лютики и запоздавшие в этом году купавы.

А вот и речка. Она прихотливо извивается среди лугов, еще полноводная, но уже вошедшая в берега, то там, то здесь поблескивает гнутым сабельным лезвием на зеленом бархате берегов. Тихо смотрится в речку какая-то деревушка, одна из тысяч, еще дымящих по утрам двумя-тремя трубами... Неперспективная... Есть у нашего времени такое слово. Избы поредевших ее посадок разбродны, кривобоки, серы — редко которой не за полвека, каждая почти помнит революцию и совсем хорошо — коллективизацию...

Чуть на отшибе, но тоже на берегу то ли коровник, то ли телятник — по нынешним меркам, маленький, так и не дождавшийся механизации — не случайно нет к нему ни дороги, ни тропинки, глазницы окон пусты, а вместо крыши — не упавшие еще стропила.

Не устояла деревушка (интересно, как ее имя?), не сдюжила даже тут, у железной дороги... Что уж говорить о тех, в глубине лесов, за тридцатью тремя волоками. Все меньше и меньше остается их, некогда шумных и многолюдных. «В праздник было не протолкнуться», — обязательно вспомнят в такой деревне.

И диво — всем хватало дела: и взрослым, и ребятишкам... А ребятишек было в каждой избе — хоть в две шеренги выстраивай. И это вполне понятно: земля, которой кормились деревушки, требовала рук да рук, и мужики не тужили, если в избе скрипел и скрипел очеп, раскачивая зыбку. Помощники росли. Ну и, само собой разумеется, — наследники!

Было все это... И на всю жизнь осталось в твоей памяти. Да и в твоей ли только? Сколько таких, как ты, едут, плывут, летят из далекого далека к своим деревушкам, в разных чинах и званиях, но с одинаковым грузом дорогих воспоминаний о своей малой родине, рубленой избе, о тропинках и полевых дорожках, сбегаящихся у ее крыльца. Приезжают — и не узнают свою деревушку: совсем крохотной стала и почти безлюдной. И это особенно удручает: ведь помнят, что в тридцатых годах в деревне был колхоз, и не такой уж маленький... Теперь же в нескольких ее избушках доживают свой век старики — и все.

Где те люди — пахари, пахарей сыновья? Разъехались? Да. Но одним этим словом случившееся не объяснишь. Уехали те, кто помоложе, те, что выросли уже после войны. На Череповецком металлургическом гиганте, взметнувшем трубы в вологодское небо в послевоенные годы, куда ни пойдешь, встретишь выходца из такой вот деревушки. А где отцы этих парней, их старшие братья? Погибли. В моем родном сельсовете, например, объединявшем в войну всего 6—7 маленьких деревушек, убитых — 112 человек. Учительница А. И. Столярова со своими учениками составила точный список погибших и сейчас хлопочет о памятнике героям-землякам, пилит с ребятами дрова, откладывает понемножку на памятник... Трех деревушек в нашем сельсовете уже нет, оставшиеся сильно поределели... Впрочем, как и в соседних сельсоветах. Не диво, что далекие гости вздыхают, видя такое, хотя умом и понимают, что старой деревне пришел конец, что само время, так сказать, подвело черту под ее многовековой историей, а сердцем никак не могут примириться с этим. Болит сердце, грызут его сомнения: а ладно ли все это? Не преждевременно ли? Что будет с землей, когда этих деревушек не станет, дотянутся ли до нее руки из тех, перспективных сел, центров современных крупных колхозов? А если дотянутся, то скоро ли?

Ведь лес — извечный противник северного крестьянина — не дремлет. Чуть отвернешься — он уже по пашне — топает, а по лугам бегом бежит... И далее: сколь многолюдны будут они, перспективные села, смогут ли они собрать под свои крыши всех тех, кто им сейчас дозарезу нужен (в Вологодской области сейчас насчитывается 10,5 тысячи деревень, а должно остаться тысячи полторы), или эти люди снимутся с места и прямым ходом, минуя центр колхоза, в котором пока еще не построено ни одного современного дома, отправятся на поиски счастья в другой стороне?

А животноводство? Коров тоже, выходит, надо собирать в кучу. Вместо десятков помещений на 50—100 голов (и это считалось достижением), разбросанных по нынешним деревням, должны появиться современные механизированные комплексы на 400—1200 голов. В том, что будущее за ними, едва ли кто

сомневается. Но ведь их еще надо построить... И при всем при том не допустить снижения надоев.

Честно говоря, обо всем этом не без тревоги думал и я, глядя через окно вагона на мелькавшие передо мною поля, луга, леса и деревни родного края. И еще я думал: как хорошо, что партия и правительство приняли это, взволновавшее моих земляков постановление «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР». За предстоящие 10—15 лет обширный край извечно нелегкого земледелия, край тысяч деревушек и хуторов, отрезанных друг от друга бездорожьем, должен в корне преобразиться. Шире должны стать поля (и, конечно, плодороднее!), проезжими дороги, а мелкие деревушки — наследие исчерпавшего себя единоличного и немеханизированного поначалу колхозного землевладения — должны исчезнуть, чтобы возродиться в виде крупных сел, в которых было бы все для нормальной жизни человека, для удовлетворения его материальных и культурных потребностей.

Области Нечерноземья — это, как всем известно, самая сердцевиная часть России, да и не только России — всей нашей Родины. Так уж исторически сложилось, что именно эти области наиболее густо застроены большими городами с бурно развивающейся в них промышленностью. А заводы и фабрики — это не только станки, это — люди. Их надо кормить. Одно дело — везти в Ленинград или Череповец продукты сельского хозяйства из Крыма, например, или с Северного Кавказа, и совсем другое — из примыкающих к этим городам колхозов и совхозов. Кто-то скажет: «Хорошо бы так-то... Но что вырастет под Ленинградом и Череповцом? Что ни говори, а это все-таки и не Крым, и не Кавказ».

Что ж, сомнения вполне резонные. Речь идет, по сути, о возможностях земель Нечерноземья. Каковы они? Этим вопросом в первую очередь задался и я, приехав снова на родину.

Итак, земля, ее возможности.

Да, нечерноземная, да, нелегкая: поля, как я уже говорил, мелкоконтурные, неровные, сплошь да рядом — каменистые... Не странно ли: ни одной горы на тысячи верст кругом — и камни... Это, как говорит

наука, следы ледников. Они притащили нам эти «подарочки» со Скандинавии в, так называемый, «ледниковый период».

Нелегкая земля, что верно — то верно. Но в смысле плодородия не безнадежная. И это не просто слова, это реальность, многократно подтвержденная, доказанная самой же землей. Именно на этой доказанности и основано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Конечно, наша земля более трудоемкая, чем земли Кубани, например, или Украины, но это тоже временно, потому что по мере освоения этой земли, окультуривания ее (о чем речь пойдет ниже), трудоемкость ее будет постепенно выравниваться, приближаться к средней по стране.

Об этом говорит опыт передового на Вологодчине колхоза «Родина», которым вот уже многие годы руководит Герой Социалистического Труда М. Г. Лобытов.

Поля этого колхоза вплотную примыкают к Вологде, центр его расположен всего в 12 километрах от города и связан с ним асфальтом. Ничего необычного, сверхъестественного в этом колхозе не делается, он просто побольше, чем другие колхозы, получает помощи от областных организаций — не сверх всякой меры, а приблизительно столько, сколько должны были бы получать (и наконец получают!) все колхозы. С этой точки зрения, колхоз «Родина» — хозяйство, как говорят, не типичное для Вологодчины, и нет ничего удивительного, что председатели других колхозов, когда им ставят в пример «Родину», не особенно смущаются: «Дайте нам столько же техники, удобрений, кредитов — и мы не хуже «Родины» сработаем».

Лично меня такие ответы не только не огорчали, а, наоборот, радовали. Они еще и еще раз подтверждали, что земля наша таит в себе огромные потенциальные возможности и намеченная партией гигантская комплексная программа ее обновления даст — обязательно даст! — свои результаты. Наглядным подтверждением этому — поля колхоза «Родина». Урожай зерновых в этом колхозе достиг 38,3 центнера с гектара! Те, кто хоть немного смыслит в сельском хозяйстве, знают, что это хорошо даже для Кубани. Вот вам и Нечерноземье.

За счет чего колхоз достиг такого неслыханного в наших местах урожая? Ведь еще в пятидесятых годах большинство колхозов, и «Родина» в том числе, собирало по 5—7 центнеров с гектара.

В первую очередь за счет мелиорации земель — основного звена намеченной программы ускоренного развития сельскохозяйственного производства Нечерноземной зоны, как подчеркивается в постановлении. На землях этого колхоза раньше, чем на других, сразу после майского (1966 г.) Пленума ЦК КПСС были начаты мелиоративные работы. И уже к 1969 году в «Родине» к севообороту приплюсовывалось 535 гектаров ранее пустовавших земель. К концу 1973 года эта площадь увеличилась уже до 1119 гектаров, из них 893 гектара были осушены закрытым дренажем и 226 — открытым.

Если до мелиорации эти гектары давали в общей сложности 8 980 рублей дохода (использовались под пастбища), то после мелиорации, в 1973 году, они дали уже 263 тысячи рублей, то есть почти в 30 раз больше. Затраты, сделанные на мелиорацию, окупились через 4 года.

Известно, что аппетит приходит во время еды. Колхоз присмотрел еще ряд площадей; пригодных для мелиорации, а это ни мало, ни много — 900 гектаров, и, таким образом, в скором времени в «Родине» будет 2000 гектаров мелиорированных, то есть приплюсованных к имевшейся пашне новых земель, что составит 33 процента всех сельскохозяйственных угодий колхоза.

И вот что интересно: мелиорированные земли, оказывается, — это не только прибавка к посевной площади и к урожаю, но и... Впрочем по порядку. Все знают, какая была в этом году весна. Дожди, заморозки и даже снег — чуть не до конца мая. А на Вологодчине все это вылилось в сущее бедствие. Кончались самые оптимальные сроки сева, а на поля нельзя было не то что заехать с сеялкой, даже ступить ногами. И это на старые поля, традиционно расположенные на холмах. А на мелиорированных, как это ни парадоксально, можно было сеять! Мелиорация показала себя с самой лучшей стороны даже в таких тяжелейших, как нынешней весной условиях.

М. Г. Лобытов пригласил меня посмотреть на мелиорированные поля, благо, до них подать рукой; нужно лишь спуститься от центральной усадьбы (она на холме) вниз к железной дороге Москва — Вологда, и там, за переездом, они сразу и начинались. Я помнил эту низину, вечно неприглядную, покрытую кочкарником, кустами, мелколесьем, зажатую между железной дорогой и торфяным болотом, на котором вот уже десятки лет город добывает торф на топливо. Самое бóльшее, что там можно было увидеть еще 6—7 лет назад, — это небольшое стадо коров и телят, скучно передвигавшихся по набитым между кочками торфянистым тропкам. Зато теперь...

Мы вылезли из машины. Справа и слева — высокая, густая, вот-вот готовая зацвести — тихо шелестела рожь.

— 536 гектаров! И все — вот такая! — с гордостью, как счастливый родитель о любимом чаде, сказал председатель. — Ну, конечно, минеральными подкормили... Пока только минеральными, навоза этому полю еще ни грамма не давали. И вот — любуйтесь!

Он поглядел с хитроватым прищуром на меня и спросил:

— Сколько, вы думаете, даст эта ржица?

Я не очень умею на глаз определять урожайность и, помедлив, неуверенно ответил:

— Центнеров двадцать пять, пожалуй...

— Не продадим! — решительно бросил Михаил Григорьевич. — Тридцать пять возьмем — не меньше! Приезжайте осенью — увидите...

— Да, тридцать пять будет, — согласился секретарь парткома Трифионов, он тоже был с нами.

Следующее поле — ячмень «отра». Раннеспелый. Михаил Григорьевич поясняет:

— Сеяли седьмого мая, когда ни на одном поле сеять было нельзя, — и многозначительно добавляет: — Понимаете? Только здесь! — и поворачивается к полю:

— А это — ячмень сорта «приекульский», тоже раннеспелый. Посмотрим, который лучше себя покажет, тот и получит прописку. — И опять: — Сколько дадите?

— Центнеров тридцать пять, — говорю я,

Михаил Григорьевич снова торжествующе отвечает:

— Не продадим! Сорок пять возьмем! Со всех 64 гектаров!

«Фантастика!» — думаю я про себя. И это на нашей земле! А Михаил Григорьевич, кажется, привык уже к таким цифрам, хотя, вижу, доволен и до ликования влюблен в это поле — ровное, широкое, по-молодому сильное...

— Вы посмотрите, какой простор! А ведь два года назад лес тут был. Коричневая торфяная жижа хлопала под ногами.

За полем ячменя шли многолетние травы — клевер с тимофеевкой. Затем — лен. Ровные, хотя и робкие еще строчки всходов, но и по ним председатель определяет далеко не рядовой урожай тресты и льносемян:

— 250 гектаров льна у нас в этом году. Но мы теперь не дрожим за него, как раньше. Теперь основные доходы у нас не от льна, как было (лен мы даже могли бы теперь забросить), а от животноводства. Один миллион восемьсот тысяч рублей получили в 1973 году. Это результат того, что привели в порядок землю. Одними из первых в области, если не первыми, оборудовали долголетние культурные пастбища, частично орошаемые, стали выращивать капустно-брюквенный гибрид, а он дает нам в среднем 460 центнеров с гектара сочного корма. Что это значит, вы поймете, если я скажу, что средний урожай картофеля, и то не везде, 150—200 центнеров с гектара. Почти в три раза уступает картофель капустно-брюквенному гибриду!

Сейчас мы держим около 1000 коров. В следующей пятилетке можем увеличить стадо до 1600 голов. Можем, если решим проблему пастбища.

На такое стадо нужно иметь не менее 800 гектаров культурного пастбища из расчета 50 соток на корову. И вообще, если у нас — я имею в виду все колхозы — не будет заранее подготовленных культурных пастбищ, крупные животноводческие комплексы могут принести нам не радость, а слезы. Но где взять столько земли? Именно вокруг центральных поселков, на которых будет сосредоточен молочный скот? Выход один — мелиорация и ввод в строй новых земель! И плюс орошение культурных пастбищ.

В колхозе «Родина» этот «козырь», как я понял, уже брошен на стол... А как в других хозяйствах?

На следующий день я побывал в совхозе «Красная звезда». Здесь мелиорировано 2200 гектаров. Получено по 26,7 центнера зерна с гектара, почти в два раза больше, чем в среднем по области. Кроме минеральных удобрений, совхоз вывез на мелиорированные поля по 20 тонн торфа на гектар. Как и в «Родине», здесь тоже большое стадо коров айрширской породы, вывезенных из Финляндии. Жирность молока у айрширов достигает 6 процентов против 3,5 процента у местных, черно-пестрой породы коров. Как обстоят дела с пастбищами здесь?

— Поедемте посмотрим, — ответил директор совхоза.

И вот что мы увидели. Коровы паслись в одной из «клеток» культурного пастбища. На полевой дороге, у открытого прохода в «клетку», стояли две цистерны с автопоилками. Коровы, когда им вздумается, одна по одной подходили к автопоилкам, неторопливо пили и сами, без понуканий пастуха, возвращались в «клетку» на траву. А трава в «клетке» росла отменная. Пастбища это, оказывается, не простое — поливное. В первый раз видел я подобное на Вологодчине и, естественно, попросил директора совхоза рассказать об этом подробнее.

— Пастбище, как видите, разгорожено на «клетки». Коров в «клетку» запускаем на три дня. Потом траву подкашиваем, вернее, выравниваем, так как коровы ее выедают неравномерно. Тут же эту площадь подкармливаем минеральными удобрениями и поливаем. Вот трубы для полива. Они очень легкие, быстро собираются и разбираются, так что их нетрудно перебросить с одного участка на другой. А воду берем из ручья. Он небольшой, и, чтобы создать запас воды, соорудили земляную плотину. Вот и вся премудрость. Однако за счет ее вместо трех стравливаний за пастбищный период мы делаем пять. А это на полторы-две тысячи кормовых единиц больше, чем на обыкновенных культурных пастбищах.

Позже я выяснил, что в области есть и еще ряд хозяйств, имеющих значительные площади мелиорированных земель. Так, в колхозе «Заря» Шекснинского

района только закрытым дренажем осушено 900 гектаров. И именно мелиорированные поля дали и здесь самые высокие урожаи — 24 центнера с гектара. «Заря», убедившись в силе мелиорации, составила проекты на осушение еще 1500 гектаров. Кроме того, путем раскорчевки кустарников и мелкокося с одновременным выравниванием кочек она введет в оборот еще 3500 гектаров. С прибавлением этих площадей колхоз рассчитывает увеличить производство молока в 5 раз.

Вот что такое мелиорация для вологодских колхозов, вот какие резервы таит она в себе!

Однако, отдавая должное мелиорации, я не могу не сказать в связи с ней и несколько горьких слов. Как и всякое новое дело, мелиорация требует к себе и внимания, и заботы. Она сама по себе еще ничего не решает, она лишь создает благоприятный фон для использования всех факторов повышения урожайности. И тот, кто считает, что улучшенный, мелиорированный гектар ни в чем больше не нуждается, что он будет родить и так, глубоко ошибается. Ему, как и другим площадям, нужны удобрения! И, может быть, даже в первую очередь, потому что отдача здесь будет более полная.

И самое главное: нужен уход за осушительной системой — и открытой, и закрытой. Там, где это поняли, мелиорированные гектары «работают» с полной отдачей, и, наоборот, «бастуют», где об их «внутренней» системе забыли, едва засыпали ее землей. И вот результат: в ряде районов Вологодчины с осушенных площадей урожай зерновых получают ниже среднеобластного... Это очень тревожный факт. Ведь мелиорацию мы считаем основным звеном намеченной программы улучшения земель Нечерноземья, и если это звено не сработает, что же тогда получится?

Таким образом, хлопоча о мелиорации все новых и новых площадей, руководители хозяйств прежде должны научиться ухаживать за осушительными системами, должны подготовить для этой цели специальные звенья. Иначе огромные затраты, которые производит государство, осушая земли Нечерноземья, не принесут нам ожидаемых результатов.

Чтобы дать представление о размахе предстоящих работ по мелиорации, приведу некоторые цифры.

За весь 1973 год в Вологодской области было введено в оборот 10 тысяч осушенных гектаров. За десятую пятилетку предстоит мелиорировать 120 тысяч гектаров. Каждый год придется осушать уже не 10, а 24 тысячи гектаров. Это немало, если учесть, что мощность мелиоративных отрядов, работающих сегодня на землях Вологодчины, пока невелика, в чем я убедился, побывав в одном из самых средних районов области — Белозерском.

Из общей площади сельскохозяйственных угодий в районе две трети занимают луга и пастбища. Но поскольку до 1966 года мелиоративные работы, можно сказать, не проводились (у колхозов не было ни мелиоративной техники, ни средств для оплаты работ), то более половины сенокосов, например, избыточно увлажнены и заросли лесом и кустарником. Заросли лесом и значительные, не поддающиеся учету площади пастбищ, в том числе бывшие пашни вокруг исчезнувших или исчезающих (неперспективных) деревень. Пашни эти, как правило, мелкоконтурные и потому неудобные для обработки современной техникой. К тому же нет к ним в большинстве случаев никаких дорог: трактор гусеничный, может быть, еще как-то и проберется, а машина — нет... Комбайн — тем более...

В общем, можно было бы и не сокрушаться по поводу зарастания мелких полей вокруг бывших отдаленных деревень, если бы... если бы другие поля были не такими. А между тем бесстрастная статистика говорит вот о чем: средний контур пашни до 1966 года составлял 2,3 гектара при значительной засоренности камнями. За 8 лет после майского (1966 года) Пленума ЦК КПСС в районе было мелиорировано закрытым дренажем только 473 гектара, а на старых полях проведены кое-какие культуртехнические работы. Однако эти, очень незначительные по своим масштабам работы, пока не изменили существенно качественное состояние сельскохозяйственных угодий. По состоянию на 1 ноября 1973 года размер контурности увеличился лишь до 3 гектаров. За этой средней цифрой кроется следующее: 2240 контуров пашни имеют площадь до 1 гектара, 3311 контуров — от 1 до 5 гектаров, 483 контура — от 6 до 10 гектаров, 189 контуров — от 11 до 25 и только 47 контуров — от 26 до 50 гектаров.

Хочу обратить внимание читателей на первые две цифры: 2240 и 3311... В общей сложности 5551 поле размером от полугектара до пяти. Можно ли при такой контурности полей говорить об эффективном применении техники? Нельзя. Вывод напрашивается сам собой: нужно провести срочные работы по увеличению размеров контурности. Мелкие поля здесь, как правило, разделены то ли сырой, залесенной лядиной, то ли болотистой луговиной, то ли межой, на которую крестьяне испокон складывали камни. Топором или лопатой тут ничего не сделаешь. Зато бульдозеру, канавокопателью, камнеуборочной машине тут, по сути, только начать да кончить. Но если бы они были! То есть они вообще-то есть, наша промышленность эти машины выпускает, но в белозерских колхозах их пока очень мало, а объем предстоящих работ огромен: на 14,5 тысячи гектаров сельхозугодий нужно провести осушение, на 18 тысячах — корчевку и уборку набравшего уже силу леса и кустарника, на 12 тысячах — уборку камня и на 6 тысячах гектаров — увеличение контурности полей.

Если эти работы будут производиться такими же темпами, как до сих пор, если не будет резко увеличено количество мелиоративной техники, то осушение земель в районе завершится лишь через 50—70 лет, а культуртехнические работы — через 25—28 лет. Добавлю, что одновременно с этим придется выделить немало техники на известкование кислых почв и особенно на заготовку и вывозку на поля торфа или торфонавозных компостов.

А между тем в связи с селением многие поля как бы отдаляются. И чтобы попадать на них с торфом ли, с сеялкой ли, с комбайном, нужны внутриколхозные дороги, хотя бы грейдерные, хотя бы по главным направлениям. Колхоз имени Ленина, убедившись в этом, строит их, уже построил 16,5 километра, вложив в каждый километр по 30 тысяч рублей.

Обо всем этом мне удалось переговорить с работниками руководящих и планирующих организаций области. Меня порадовало уже одно то, что они вполне представляют себе трудности, которые по всей неотвратимой реальности встают сейчас перед хозяйствами области в связи с программой мелиорации. В расчете

на дополнительно поставленную технику область планирует создать 6 мощных опорных баз для мелиоративных передвижных механизированных колонн (ПМК). Но уже одно название этих колонн — передвижные — выдвигает еще одну, не менее острую проблему — организацию быта механизаторов. Находясь в отрыве от семьи, мелиораторы нередко не обеспечены ни достаточно удобным жильем, ни нормальным питанием. В результате — огромная текучесть кадров. Ее надо избежать. Над этим сейчас думают и областные организации, и районные.

Думают в Вологде и о технической оснащенности ПМК. Планируется увеличение мощностей Вологодского завода по ремонту мелиоративной техники и Сокольского завода по производству керамических трубок, без которых невозможен закрытый дренаж полей.

В общем, мелиорация, как основное звено, заставляет думать и думать и не только деревню, но и город. И это вполне закономерно: только общими усилиями всего народа, всей страны можно решить эту нелегкую, но давно назревшую задачу облагораживания земель Центра России.

II. НА ЗЕМЛЕ ИЛИ НАД ЗЕМЛЕЙ!

Итак, на повестке дня деревень Нечерноземья (в первую очередь северной его части) — сселение и, как следствие, строительство новых современных по всем параметрам сел. Надеюсь, сегодня все понимают, что эта, историческая по своему значению перестройка деревни — не самоцель. Крестьяне этих областей России веками жили в своих рубленых избах и, если бы понадобилось, пожили бы, наверное, и еще... Но в том-то и дело, что такой образ жизни, такой уклад ее пришел в непримиримое противоречие с уровнем механизации сельского хозяйства, с духовными и культурными потребностями самих людей и сдерживает дальнейший рост сельскохозяйственного производства.

Таким образом, сселение диктуется в первую очередь интересами производства, которое сейчас поднялось на качественно новую ступень, ранее деревне недоступную.

Сселяться или не сселяться? — таким вопросом сейчас даже никто не задается: ответ слишком очевиден...

Поэтому и я свой разговор с одним из областных работников, ведающих строительством на селе, начал с таких слов:

— Какой была деревня — я знаю. Какой она будет — хочу знать. — Мой собеседник вскинул брови, округлил глаза:

— А что тут, собственно, знать?! Будут не деревни, а села — одно-два на колхоз или совхоз... Квартиры со всеми удобствами.

— В каких домах?

— В новых, разумеется...

— Вот о новых домах в новых селах мне и хотелось бы кое-что узнать: какими они будут — кирпичными, панельными, деревянными? Одноэтажными или двух- пятиэтажными? Кто будет их строить: каждая семья свой дом или колхоз (совхоз) для каждой семьи? Будет ли житель новой деревни держать корову, заниматься огородничеством, как испокон, или захочет в квартире «со всеми удобствами» жить по-городскому? А если все-таки будет, то где вы думаете поставить сарайку для его скота, выделить участок для сада-огорода? Наконец жителя деревни невозможно представить без запасов впрок. Где он будет хранить картошку, бочки с капустой, огурцами, грибами, банки с соленым и вареным? И еще — простите за дотошность — где он будет сушить одежду и обувь, вернувшись с поля в ненастье?

К сожалению, ведающий строительством товарищ обо всем этом достаточно ясного представления не имел, и я решил попытаться на сей счет саму жизнь. Но и жизнь — скажу заранее — однозначных ответов на мои вопросы не дала, она лишь предложила варианты их, предоставляя выбирать лучший.

Начну свой рассказ опять-таки с колхоза «Родина», что под Вологдой. Здесь, в центре колхоза, в деревне Огарково, за последние полтора-два десятка лет вырос многоэтажный поселок городского типа. Есть, правда, в нем улочка деревянных домов — с них поселок начинался, — но в основном тут двухэтажные (по 12—16 квартир) дома, есть один пятиэтажный (на 70

квартир) и один четырехэтажный (на 53 квартиры). В ближайшем будущем начнется строительство еще пяти многоквартирных домов.

Кроме жилых домов, в поселке уже построено большое здание, в котором разместились и клуб с библиотекой, и правление колхоза. Рядом с ним — школа, детский комбинат, магазин, столовая, спортивный комплекс, котельная...

Квартиры во всех домах, кроме деревянных, со всеми удобствами.

Колхозники, по словам председателя М. Г. Лобытова, вполне довольны таким жильем, хотя, оговорился он, не отказались бы и от индивидуальных домов, если бы в них были все те удобства, какими располагают многоквартирные дома.

Скот в новом поселке держат в основном пожилые люди («Привычка!»), молодые же о коровах не хотят и слышать. Однако свиней и овец держат многие, но, откормив, продают государству (закупочные цены почти равны рыночным), мясо же для себя покупают в магазине: выгодно!..

Зато от земли не отказывается никто: каждая семья за чертой поселка имеет 3 сотки — это садовый, или, как здесь уже можно услышать, дачный участок. На нем ягодники (клубника, смородина, малина, крыжовник), яблони и, по примеру горожан, домик, в котором можно не только сложить садовый инвентарь, но и переночевать, если захочется, «на свежем воздухе».

Картофель, капуста — на общем для всех участке, который пашется трактором — для экономии времени.

М. Г. Лобытов уверяет, что в многоэтажные дома просятся даже те, кто живет пока в избах, порой даже не очень старых. «И мы хотим жить по-человечески», — говорят заявители.

Таким образом, этажность, как мы видим, здесь колхозников не пугает. Не пугает и возникающее в связи с нею неудобство в ухаживании за скотом, потому что все здесь накрепко уверовали в магазинное молоко.

Что касается хранения картофеля и овощей, приспособляются кто как может. Некоторые роют погребки на дачных участках, другие — ямы в сараях, третьи — пользуются подвалами... Неудобно. Но

зато не возиться с дровами. Но зато — горячая и холодная вода, теплая уборная...

Примерно такой же поселок — центр совхоза «Дубки» — показали мне под Ярославлем. Правда, здесь, в отличие от вологодской «Родины», строительство началось не с деревянных домов, а с кирпичных двухквартирных, но кончилось тем же — 8—16-квартирными домами — их в поселке большинство, — а сейчас готовятся к заселению уже два 80-квартирных дома.

Сарайки здесь построены между домами или сзади них. Выделенная для каждой семьи «клетушка» под общей крышей явно мала: если в нее поставить корову или поросенка, то некуда девать картошку, капусту, огурцы. Большинство в этих клетушках, как и в «Родине», роют ямы, бетонируют их и таким образом получают нечто вроде погреба. Для скота же пристраивают рядом закутки из самых разных, добытых где попало, материалов, и сейчас первоначальные сарайки совсем пропали среди нагромождений закутков для скота, загоронок для кур.

Садовые (дачные) участки, и тоже с домиками на них, как и в «Родине», — за чертой поселка. Любопытная деталь: хотя все они за общим забором, тем не менее огорожены друг от друга. Зачем? Пояснили бабушки: «Ребятишки балуют... Кабы перед глазами — не посмели, а там разве углядишь?»

Мелочь? Да. Но не такая уж безобидная, чтобы не портить человеку настроение...

Но вот мы вышли на улицу, с которой начинался поселок. Справа — посад одноэтажных кирпичных домов. Перед каждым домом — палисадник, в нем — две калитки к двум крыльчкам. Крыльчко — три ступеньки. С нижней нога ступает прямо в сад. Я не оговорился: именно в сад, потому что здесь все, как в саду, и плодовые деревья, и ягодники, и цветы, и даже улы. В глубине сада, уже за его границей, — деревянный сарай, как и дом, на две семьи, значительно более просторный, чем те, из кирпича... А главное, его не видно, он скрыт зеленью сада. В сарае есть место и для скота, и для всякого скарба, а погреб здесь не проблема: дом одноэтажный, под полом — земля. Устраивай что хочешь.

Еще раз оглядываюсь кругом. Замечательно! Как приятно, наверное, возвратясь с работы, посидеть вот на той скамеечке, в тени деревьев, поостыть, выкурить сигарету, потом босиком пройти между грядками, порадоваться пружей из земли зелени, потом взять вон тот шланг, присоединенный к торчащему из стены крану (удобно, не надо ведрами таскать), и полить огурцы, помидоры, цветы). После пройти с дымарем к пчелам, достать тяжелую рамку и отведать свежего меду...

«Тут, как говорится, живешь в свое удовольствие», — сказал мне хозяин садика в ответ на мой вопрос: переехал бы он в новый, 80-квартирный дом, если бы ему предложили? И продолжил: «Не только я, никто не поедет! А из тех, многоквартирных, только свистни — любой!»

И, однако же, как я уже говорил, в новых селах, особенно пригородных, дома строятся преимущественно многоэтажные — пока не выше пяти этажей... Таковыми домами застраиваются центральные усадьбы расположенных под Вологдой совхозов «Красная звезда», «Плодопитомнический», колхоза «Передовой», двух птицефабрик...

К сожалению, ничего сельского в облике этих поселков нет: те же стандартные городские дома-коробки, только поставленные среди полей и лугов. Не издали, ни вблизи они не радуют глаз, не смотрятся: как будто взяли современный городской квартал и перенесли целиком в поле. Невольно недоумеваешь: за чем?

Видимо, это недоумение посетило не только меня. И в самом деле, ведь эти городские кварталы в полях не на десять и не на двадцать лет, и будущие землеробы (а они не переведутся пока люди будут есть хлеб!) едва ли будут удовлетворены ими. Селянин захочет — и будет прав! — воспользоваться преимуществом, которое дает ему это звание — жить на земле, а не над землей.

С этим соглашаются все. Но тут же добавляют: дорого и долго.

Веский аргумент, и не считаться с ним нельзя: квартиры в пятиэтажном доме, конечно, значительно дешевле коттеджей и даже двухквартирных домов... И во времени тоже выигрыш — кто станет спорить!

А строить — жизнь требует — надо быстро, потому как, если есть квартиры, то, значит, есть и люди в колхозе. Это уже доказано самой жизнью.

Спрашивается, где же выход? Может быть, в некоем компромиссе? Что ж, возможно. А это означает: надо искать, экспериментировать, создавать проекты жилых домов специально для села, и не только домов — целых архитектурных ансамблей.

В Вологде — да и не только в Вологде, как я слышал, — так и поступили. Для эксперимента был выбран колхоз «Заря» Грязовецкого района, расположенный, как говорят, на асфальте, то есть на дороге (в данном случае Вологда—Ярославль). Дорога — первое условие подобного строительства: слишком много строительных материалов надо завезти!

Стройка близится к завершению. И я ее видел. Со стороны экспериментальное село смотрится неплохо. Дома в нем в основном двух-трехэтажные, с лоджиями, два — в центре — в виде башенок — четырехэтажные. Образованные ими улочки удачно расположены по отношению к школе, клубу, дому быта, административному зданию и образуют в центре просторную и красивую площадь.

Пытались проектировщики решить и другие, связанные со спецификой сельской жизни проблемы: для личных коров, например, они предложили общий двор с отделением для приготовления кормов. Насколько это приемлемо, покажет жизнь. Для хранения картофеля и овощей предусмотрели более глубокие и благоустроенные подвалы в жилых домах, хотя и неизвестно, будет ли в них нужный температурный режим.

Рядом с экспериментальным селом, в 1,5—2 километрах, стоят две, еще довольно многолюдные деревни: подгородние — они все такие. Председатель «Зари» не намерен сносить их — наоборот, думает расширять, потому что в кирпичных домах квартир для всех не хватит. А, кроме того, хочет еще посмотреть, как оно и что...

Знакомясь с поселками городского типа, отдавая им должное, я ни на минуту не забывал, что их существование в известной мере объясняется близостью к городу, что строили их мощные подрядчики из Вологды и Ярославля, каких ни в одном глубинном

районе (а Вологодская область, например, с запада на восток раскинулась на 700 километров) нет еще и, наверное, в ближайшее время и не будет.

Надо было поехать в «глубинку», и я поехал, выбрав средний по всем показателям Белозерский район.

Строительство здесь, как и в других районах, ведет только «Межколхозстрой». Его мощность — 2 миллиона рублей в год. Много это или мало — станет ясно, если я скажу, что сметная стоимость одного животноводческого комплекса — 3 миллиона рублей, а таких комплексов уже теперь, безотлагательно, в районе должно быть построено два. Белозерскому «Межколхозстрою», если он ничего больше строить не будет (ни одного дома ни в одном колхозе!), этой работы хватит на 3 года, а может, и на 4, так как на сегодняшний день техникой он обеспечен на 80 процентов (не хватает экскаватора, 4 самосвалов, 2 грузовых машин), а рабочей силой — на 50 процентов. Если бы не бригады «шабашников» из Закарпатья, Грузии и других южных краев, строительство вообще было бы вести невозможно.

Для того, чтобы Белозерский «Межколхозстрой» мог наряду со строительством комплексов вести и жилищное строительство (а строить еще нужно и школы, и клубы), он должен увеличить свою мощность минимум в 2—3 раза. Соответственно должно увеличиться и снабжение строительными материалами, и в первую очередь цементом и шифером, которых «Межколхозстрой» и по нынешним мизерным нормам из года в год недополучает. Кирпич, правда, у него скоро будет: в этом году вступает в строй межрайонный кирпичный завод в Вашках мощностью 10—12 млн. кирпичей в год.

А жизнь не ждет. Все острее необходимость переселения людей из мелких деревень в центры колхозов, где и дворы, и техника... А главное — школы! В обезлюдивших деревнях (в большинстве!) школы, даже начальные, уже закрылись или будут закрыты в ближайшие годы. В Белозерском районе, например, осталось всего 33 начальные школы (на 6 деревень — одна), и в каждой в новом учебном году будет в среднем по 14 учащихся, т. е. по 5 учеников в классе. Семьи, в которых есть дети школьного возраста, спешат пере-

ехать в село: беспокойно все-таки отправлять ребят за 3—5 километров по осеннему бездорожью или зимой, когда метет, в школу. В самый бы раз отвезти их на лошадке или на мотоцикле, но не в каждой деревне теперь есть лошадь, а мотоцикл (как и бензопилу) не купишь, промышленность, к сожалению, не учитывает нужды селян северных деревень... Одним словом, люди переезжают. И строятся на новом месте. Но как?

Покажу это на примере белозерского колхоза имени Ленина.

Не имея возможности обеспечить жильем всех переезжающих, колхоз, как может, поощряет индивидуальное строительство. Переезжающему выдается безвозвратно 450 рублей (подъемные!), выделяются трактор для перевозки дома — тоже бесплатно, кой-какой строительный материал (цемент, кирпич, шифер, вагонка, половая шпунтованная доска...) и люди — для помощи. Время, затраченное ими и самим переезжающим на строительство, засчитывается как работа в колхозе.

Воспользовавшись указанными льготами, за последние два года переехали на центральную усадьбу 12 хозяйств.

В это же время шло строительство жилья и за счет колхоза. Строились деревянные двухквартирные дома. Снаружи они более чем непривлекательны — это приземистые, барачного типа постройки; по торцам — маленькие верандочки, через них — вход в квартиры, состоящие из трех маленьких комнат. Дом, видимо, проектировался для лесных поселков, в нем ни грана от архитектурной эстетики, от северорусского национального стиля, а главное, в нем не чувствуется основательности, капитальности, расчета на долговечность (а ведь обшитый тесом рубленый дом может простоять сто и даже более лет!).

За четыре последних года колхоз построил 6 таких домов. И хотя они похожи на временки, все же на центральной усадьбе прибавилось еще 12 хозяйств, и на сегодняшний день их стало здесь 55. Остальные 371 хозяйство находятся пока на своих местах в 43 деревнях, раскиданных по всей территории колхоза.

Не все хозяйства, вероятно, будут переезжать в центр, потому что не в каждом из них есть трудоспо-

собные (из 1147 человек, числящихся в колхозе, трудоспособных только 306, а пенсионеров 411), но большинство все же должны будут переехать.

По генеральному проекту центральный поселок колхоза имени Ленина будет иметь несколько домов и в кирпичном исполнении, правда, небольших: один 12-квартирный, один 8-квартирный и два 4-квартирных, в общей сложности на 28 квартир.

Такой дом (8-квартирный) мне довелось посмотреть в колхозе «Приволжье» Ярославской области. Построили его там несколько позже, чем улочку небольших щитовых домиков («завезли откуда-то из Архангельска»), но интересно, что, как и в «Дубках», никто в кирпичный дом не рвется. И, наоборот, любой, если бы предложили, переехал из 8-квартирного дома в отдельный, хотя, повторяю, что это всего лишь небольшой щитовой домик. Интересно, чем он привлекает селян? Видом? Но какой же у него вид?! Обшитый вагонкой «теремок» с двумя окнами его фасаду. Окна без привычных для деревни наличников, отчего дом кажется подслеповатым. Немножко веселит его небольшая веранда, рябинка под окном... И все.

Но перед домом и сзади него — огород, или приусадебный участок размером 48 соток. Нашлось на этом участке место и для овощей, и для ягодных кустов, и даже для клевера: хозяин держит корову.

Сарайка — сзади дома, за огородом. Она разгорожена пополам: в одной половине корова, поросенок, куры, в другой — кладовая, в которую свалено все, что в старом крестьянском доме хранилось на чердаке, в чулане, на повети, в том числе обязательные для деревни березовые веники.

Дом, небольшой снаружи, кажется довольно просторным внутри: три комнаты и кухня. Это, видимо, потому, что русская печь, обязательная в старом деревенском доме, здесь заменена небольшой «столбнячкой» с плитой и духовкой. Отопление паровое. «Котельная», если можно так назвать небольшую железную печку с идущими от нее трубами, расположена на кухне, где, кстати, нашлось место и для холодильника...

— А где вы храните картофель и овощи? — спрашиваю хозяина С. Ф. Кантонистова.

— А вот... — Сергей Фомич чуть отступил в сторону (мы стояли в прихожей) и приподнял квадратный щиток. — Все там... — И добавил: — Нельзя пока что деревенскому жителю без погребка.

Нельзя. А по проекту домики эти должны были стоять на кирпичных столбиках, очень низко над землей. Погребка, таким образом, не планировались. Колхозники подивились такому проекту, посокрушались и решили сделать по-своему: поставить дома на фундаменты, да повыше, чтобы не на карачках под полом ползать...

— Ну, а где держат капусту и огурцы те, что в кирпичном доме живут?

— А кто где... На лестничных площадках, в сарайках...

Сергей Фомич явно невысокого мнения о восьмиквартирном доме и убежден, что его дом лучше. Единственно, что плохо, — это вынесенный на улицу туалет. «Для себя бы планировали, — упрекает он архитекторов, — наверное, придумали бы что-то... Сосед мой, видите, уже придумал, к веранде пристроил, и не скажу, что плохо...»

Попрощавшись с С. Ф. Кантонистовым, идем с секретарем парткома колхоза А. М. Проничевой в восьмиквартирный дом. Интересно все же, как там... Зашли в квартиру на нижнем этаже. Первое, что бросилось в глаза, — это железная печка-временка с толстой ржавой трубой под потолком. Оказывается, батареи зимой еле дышали... И во всех восьми квартирах обогревались с помощью вот таких блокадных «буржук».

На кухне, и без того маленькой, сложена печка-плита. «Пойло корове готовим», — пояснила хозяйка...

И так во всех квартирах.

Помещение для скота — кирпичный сарай под односкатной крышей — здесь почему-то оказалось почти напротив подъезда, в промежутке между домом и коллективным огородом. Навоз из-под коров кучами набросан напротив каждой из восьми дверей сарая... Вот и еще одна проблема.

И я, в который раз, задаю себе вопрос: какой же дом лучше для селянина? И все больше склоняюсь к тому, что лучше все же одноэтажный (пусть даже двухквартирный!), с огородным (садовым) участ-

ком возле него. Это, на мой взгляд, два обязательных, основополагающих требования к жилью селянина.

Что касается отопления, водопровода, канализации — желательно!.. Но если их нет — тоже не беда. Центральное отопление вполне можно заменить индивидуальным (паровым, электрическим), водопровод — колодцем и элементарным электронасосом, ванну — общественной баней с парилкой и душем...

Хорошо бы, конечно, иметь канализацию. Но давайте на минуту представим себе, что все новые села в ближайшие 2—3 года начнут проводить канализацию и, тогда уж обязательно, и водопровод? Хватит ли у нас для такой огромной стройки оборудования? Ну, хотя бы тех же труб?

Короче говоря, решая принципиальные вопросы сельского строительства, мы должны мыслить реально, не отрывать от земли как в прямом, так и в переносном значении этих слов. Поэтому мне особенно приятно было узнать, что проект одноэтажного на две квартиры дома уже существует — снимок этого дома я видел в Ярославле. Дом будет собираться из готовых блоков, производство которых должно быть освоено в ближайшие годы специальными домостроительными комбинатами.

Хорошо, что такие комбинаты планируются и будут построены. Но ни в Вологде, ни в Ярославле никто даже словом не обмолвился, что наряду с такими комбинатами будут пущены в дело деревообрабатывающие заводы, рассчитанные на производство домов из деревянного бруса. Не таких, какие я видел в колхозе имени Ленина, а более просторных, красивых внешне. Уверен, что спрос на добротные вполне современные деревянные дома был бы практически неограниченным. Да и кому, как не Вологде и Ярославлю, строить деревянные дома, где столько леса! Но, поскольку производство типовых деревянных домов пока не налажено, может быть, стоит предложить селянам, строящимся на новом месте, несколько (на выбор!) проектов рубленого дома, в котором были бы учтены как традиционные особенности уклада сельской жизни, так и современные возможности (паровое отопление, электричество, газ, новые отделочные материалы и т. п.).

К сожалению, таких проектов нет. В кирпичном исполнении — пожалуйста... Но кирпич — огромный дефицит. В Белозерском районе даже Домов культуры кирпичных только два из 9, а клубы — все 46 — деревянные, как, впрочем, и школы, детсады, больницы, магазины, столовые, дома быта...

Говоря все это, я отнюдь не отвергаю блочные дома. Но попробуйте-ка завезите по бездорожью эти блоки в отдаленные районы! Деревянные брусья все-таки легче.

А главное — завод, производящий их, скорей можно пустить в дело, да и стоять он будет дешевле, чем завод железобетонных блоков.

Найдутся, наверное, хозяйства, которые все же будут строить многоквартирные дома: дешевле и быстрее... Но разумно ли? Кстати, и зарубежный опыт тоже говорит в пользу индивидуальных домов (коттеджей). Да и у нас, в средней полосе России, колхозники строят себе, как правило, одноэтажные, теперь чаще кирпичные дома.

Смотришь, как они утопают в садах, и радуешься: хорошо! Так и должен жить селянин. В этом его преимущество перед горожанином. И пусть он на здоровье пользуется им!

«Многоэтажными домами, — сказал мне один ярославский журналист, — мы окончательно убьем в крестьянине крестьянина». Его опасение мне кажется не безосновательным. В самом деле, многоэтажные дома волей-неволей подталкивают селян к городскому типу жизни — не только с точки зрения культуры (что, несомненно, хорошо!), но и с точки зрения ее уклада, быта. Неудобно с пятого этажа таскаться к корове, к поросенку, к овцам, ну и ладно, и не станем заводить их. Будем покупать молоко в магазине, благо колхоз продает его по потребности. Хуже с мясом, но если не поленишься съездить в город, то...

В колхозе «Родина», в совхозах «Красная звезда» Вологодской и «Дубки» Ярославской областей, как о чем-то решенном самой жизнью и не подлежащем обсуждению, говорят о том, что «молодежь не хочет держать коров и не будет держать их...» Речь идет о той самой молодежи, которая живет уже в пятиэтажных домах.

Руководители этих хозяйств такое настроение молодых считают вполне нормальным. А нормально ли? Давайте посмотрим на него с разных точек зрения. С воспитательной, например. Скажите, разве человек (особенно подросток) не становится нравственно выше, совершенней, если он вырастит живое существо — теленка, например, или ягненка, поросенка?.. Человеку доставляет радость даже обыкновенный огурец, обыкновенный помидор, куст смородины, за которым он ухаживал с первого зеленого росточка, а тут — бычок с белой звездочкой во лбу, смешно взбрыкивающий на не окрепших еще ножонках...

Ну, что это за селянин, если он не будет знать такой и подобной ей радости? Окружающая природа человеку открывается глубже при активном, деятельном, а не созерцательном, не потребительском к ней отношении. Преображая ее, умножая ее богатства, человек преобразуется и сам, становится богаче.

И, кроме того, ведь мы хотим, чтобы наши дети не были белоручками, чтобы, став взрослыми, они не боялись никакой работы. Правда, в этом благородном желании мы порой целиком полагаемся на школу, на ее «уроки труда». Но что может быть лучше ежедневных «уроков» на своем дворе, огороде, садовом участке? Ведь эти уроки неоценимы еще и с воспитательной точки зрения. В. А. Грибанов, секретарь Вологодского обкома КПСС (ныне председатель Вологодского облисполкома), Герой Социалистического Труда, сказал по этому поводу: «Подросток, вырастивший свое дерево, никогда не сломает выращенное другим. А если дерево не сломает, то и на человека руку не подымет». С этим нельзя не согласиться.

«Молодежь не хочет...» — повторяли мне, как факт, с которым, дескать, ничего уже не поделаешь. А, собственно, почему? Молодежь есть молодежь. Как ее воспитаешь, чему научишь — такой она и будет. Для страны, по крайней мере, сейчас было бы куда легче, если бы каждая сельская семья в отношении молока, молочных продуктов и мяса рассчитывала не только на магазин. Можно себе представить, сколько потребуется построить в колхозах и совхозах дополнительно животноводческих комплексов, если все селяне пойдут

за молоком и мясом в магазин. А они уже идут. И горожане это все больше ощущают.

Я обращаю внимание на этот факт потому, что он имеет прямое отношение к жилищному строительству на селе. Селянин, кем бы он ни был — механизатором, животноводом, агрономом, счетным работником, служащим — должен оставаться селянином, не отрываться от земли, выращивать не только картошку, но и фрукты (яблони прекрасно чувствуют себя и у нас, на Вологодчине!), держать корову (проблема сена должна быть, наконец, решена) или хотя бы овец, или поросят (по крайней мере, кухонные отходы не надо будет, как в городе, выбрасывать в помойку). А раз это так, то и жить селянин должен не в пятиэтажном доме, а в одноэтажном, с прилегающим к нему приусадебным участком.

И еще об одной, очень важной проблеме в связи со строительством нового села — о дорогах...

Конечно, было бы хорошо, если бы все эти села (идея — центры колхозов и совхозов) были связаны с районными городками асфальтовыми или хотя бы грейдерными дорогами. Когда-то, наверное, так и будет. Но сейчас... сейчас пока даже сами эти городки не имеют выходов на асфальт, ведущий к областному городу. И тем не менее машины ходят. И не только летом, когда грунтовые дороги подсыхают, но и весной, и осенью, когда непролазная грязь, и зимой, когда сугробы... По старинке, сельские дороги навывлет «простреливают» деревни и села. И кто ни разу не видел деревенскую улицу в пору бездорожья, ранней весной или глубокой осенью, тот при всей своей фантазии не сможет представить ее, как говорят, в натуре. Взрослому человеку, если он не в резиновых броднях, улицу не перейти, а детей и выпустить страшно — утонут...

Когда деревня ездил на телегах, эта беда не была столь страшной: колея от тележного колеса не то, что от скатов машины или колес и гусениц трактора... Но теперь-то, при такой-то технике! Старой улицы ей явно не хватает. В поисках хоть какой-нибудь возможности проехать, тракторы и машины лезут к самым избам, сворачивают углы, вминают в грязь палисады... Неприглядная картина, что и говорить.

Невольно напрашивается мысль: улицы новых сел

надо асфальтировать в первую очередь или... Боюсь даже сказать: или прокладывать дороги в объезд новых сел. Пока такого случая я не знаю, потому так робю и говорю об этом. Но уверен, что жизнь заставит нас поступать именно так. Ну, а пока следовало бы руководителям хозяйств ввести хоть какие-то ограничения в передвижении сельскохозяйственной техники по деревенским улицам. Сейчас об этом никто даже и не задумывается, тем более что ни в одну графу отчета благоустройство деревенской улицы пока не включено.

А механизаторы, которые больше всех улицу коржат, на свой трактор смотрят порой как на личную лошадку: отработал в поле смену — и домой, под самое крылечко. Ну, а если захотелось выпить, а бутылки в запасе не оказалось, опять же гонят трактор, будь до магазина хоть десять километров.

И дело тут не только в несознательности трактористов, а еще и в том, что нет возле деревень гаражей или хотя бы элементарных навесов с хорошими подъездами к ним, с минимальными удобствами для ухода...

Вот и коржат деревенскую улицу тракторы и машины. А если бы они останавливались у околицы?! Совсем бы иначе выглядели улицы. На них, может быть, травка росла бы. Пройтись по ней — одно бы удовольствие. А справа и слева — за домами — сады бы зеленели, огороды...

Таким в перспективе и должно быть наше новое — социалистическое — село.

ВАСИЛИЙ ЕЛЕСИН

МЫ ЖИВЕМ ОТ ЗЕМЛИ

Вспоминается мне давняя история с письмом. Было оно не в меру сердитым, автор — горожанин — возмущался газетой, которая писала об успехах одного из колхозов района, приводил неприятные факты: треть полей и пастбищ заросла в этом хозяйстве кустарником, зерна получают меньше, чем раньше, люди из деревни уходят...

Во многом он был прав и отвечать на это письмо

никому в редакции не хотелось.

Вспоминаются и разговоры с пожилыми колхозниками. Одни с удивлением, другие с прямой обидой выговаривали районным представителям:

— В войну одна наша Олеховская (Серегинская, Митинская, Поповка и т. п.) больше хлеба давала, чем сейчас укрупненный колхоз. И работали только бабы да ребятишки. И техники не было...

Что верно, то верно. Посчитали однажды Вологодскую область чисто животноводческой и планы продажи хлеба установили такие, что многие колхозы без усилий перевыполняли их даже в неурожайные годы. В такой политике была, по-видимому, своя логика. Считалось, что хозяйства, не связанные напряженными планами производства товарного зерна, смогут больше производить зерна на фураж и тем самым спо-

собствовать дальнейшему развитию животноводства. Но не всегда благие намерения оборачиваются благими последствиями. Вопреки ожиданиям внимание к зерновому хозяйству стало постепенно ослабевать, а вслед за тем начало лихорадить и животноводство — дорого и солоно молоко на привозных кормах. Ведь коровам мало одного сена да силоса — им подавай концентраты. И получался порочный круг: «вытягивая» животноводство, забывали о зерне, а эта забывчивость больно била по животноводству.

Порой все беды села объясняли утечкой рабочей силы в город. Теперь исследователи как будто пришли к одному мнению: утечка людских ресурсов из деревни — процесс закономерный и чуть ли не положительный. Думается, такое мнение справедливо, когда обобщаются процессы миграции в целом по стране. Для Северо-Запада с его специфическими условиями, с мелкоконтурными полями, небольшими фермами, короче говоря, с условиями, требующими по сей день больших затрат ручного труда, утечка рабочей силы из деревень сказывается очень болезненно. Не оттого ли растет в Вологодской области число районов, в которых осталось по одному-два колхоза, а остальные преобразованы в совхозы? Практически государство полностью взяло на себя развитие сельского хозяйства в Вологодском, Череповецком, Кадуйском, Грязовецком и некоторых других районах. Но и по сей день ночи не спят председатели колхозов, ломая голову, где взять доярку, как найти замену заболевшей телятнице?

Вологодчина издавна славится своим маслом, мясом. Но выпадают годы, когда своей, вологодской говядины не сыскать даже в областном центре, случаются перебои в снабжении населения вологодским маслом.

В далеком Тарногском районе одна из доярок сказала мне:

— Все хорошо, когда год удачный. А выдастся сухой год, либо «сеногной» — беда. Зимой из кожи бы вылезла, чтобы коров досыта накормить, а где возьмешь?

Особенно трудным для животноводов стал засушливый 1972 год. Подбирались все остатки, которые

могли бы пойти в корм скоту, ехали вереницы уполномоченных в далекие южные районы, чтобы «выбить» хоть вагон комбикормов...

Случайность? Неудачный год? А где гарантии, что такие случайности не будут повторяться? Гарантии даны в решениях XXIV съезда КПСС и в постановлении ЦК КПСС о развитии Нечерноземья. Это — концентрация, специализация, комплексная механизация, а в перспективе — перевод сельского хозяйства в целом на промышленную основу. Теперь уже абсолютно ясно, что этот путь, предсказанный в свое время В. И. Лениным, единственно верный и перспективный. Кстати сказать, его преимущества выверены в наши дни самой жизнью, практикой.

Много лет работают в Вологодской области крупные птицефабрики — в полном смысле слова фабрики по производству яиц и мяса. Мне довелось несколько раз побывать на Череповецкой птицефабрике. Переходишь из цеха в цех, и кажется, будто птицы растут на глазах: от маленького пушистого цыпленка до красавца петуха. Как школьники из класса в класс, переходят птицы из цеха в цех, пока не станут взрослыми. А масштабы производства? Более 60 миллионов яиц в год, тысячи тонн мяса птицы. Около 40 миллионов штук яиц в год дает государству птицефабрика Ермакове, что под Вологдой. Прибыль на крупных птицефабриках исчисляется миллионами рублей.

Да, предвестники будущей сельской индустрии уже появились. Планируется построить комплексы по производству молока во многих колхозах и совхозах области, в ряде хозяйств их строительство уже развернуто. Концентрируется и специализируется возделывание и заготовка полевых культур.

Специализация позволяет внедрить более прогрессивную технологию, механизировать процессы комплексно. Но и специализация, и концентрация производства, и комплексная механизация — не самоцель, а средство резкого повышения жизненного уровня народа. Попутно же решится и другая важная задача: приближение специфики, а значит, и условий труда на селе к упорядоченным городским условиям.

При переходе на индустриальные методы ведения сельского хозяйства придется (и уже приходится) ре-

шать целый комплекс проблем. Но наиболее сложные из них — три: экономическая, техническая и психологическая.

Пожалуй, не стоит долго толковать о том, что любое большое новое дело требует больших же материальных затрат, централизованных капиталовложений. Этот вопрос в большой степени решен постановлением ЦК КПСС по развитию Нечерноземья: на развитие сельского хозяйства Северо-Запада страны отпускаются колоссальные, по сравнению с прежними временами, средства. Если они не будут распыляться по мелким объектам, то несомненно принесут добрую отдачу. Как показала практика создания птицеводческих и свиноводческих комплексов, затраты на них рациональны и окупаются быстро. Могут возразить, что государство и без того год от года наращивает объем капиталовложений в сельское хозяйство. Но если у общества возникает потребность, она рано или поздно будет удовлетворена, какие бы силы и средства для этого ни пришлось приложить. Создание высокоразвитого, не зависящего от капризов погоды сельского хозяйства — потребность именно из таких, давно назревших, причем не только в масштабах Нечерноземья.

Не вызывает сомнения и техническая сторона дела, хотя по этому поводу высказываются разные мнения. Каким быть аграрно-промышленному комплексу, чтобы не дискредитировать новое направление в организации сельскохозяйственного производства, а весомо и убедительно доказать его необходимость на ближайшие десятилетия?

Недавно мне довелось встретиться с человеком, всю свою сознательную жизнь посвятившим кормопроизводству. Мы ходили с ним по роскошному парку древнего города Никольска, и он в буквальном смысле открывал мне глаза на окружающий мир. Не было на земле, которую мы попирали ногами, ни одного растения, о котором он не сумел бы рассказать увлекательную историю, причем о каждом говорил любовно и просто, как о близком друге. Я спросил его мнение о животноводческих комплексах, тем более, что по роду своей деятельности он тесно связан с их созданием.

— То, что мы строим сейчас, — ответил мой собеседник, — еще очень далеко от идеала. Мы привыкли к созданию крупных промышленных предприятий, заводов, вокруг которых в короткие сроки возникают большие города. Настоящий аграрно-промышленный комплекс мыслится мне не меньшим по масштабам, чем, скажем, Череповецкий металлургический завод, со своими основными и вспомогательными цехами, научными лабораториями, железнодорожными путями, с тысячами рабочих. Только в этом случае можно, на мой взгляд, ожидать высокой экономической отдачи. Пока же наши комплексы напоминают лишь укрупненные в несколько раз животноводческие фермы со всеми их плюсами и минусами.

Это говорил не поэт, не мечтатель, а специалист сельского хозяйства. Пусть пока его замыслы кажутся неосуществимыми. Но ведь когда-то казалось невозможным поточное производство свинины и птицы. Однако сегодня такое производство стало реальностью.

Особенно важно для животноводства будущего создание... кормодобывающей промышленности, что ли? Видимо, не за горами те времена, когда фабрики кормов избавят фабрики молока и мяса от тысячелетней угрозы бескормицы и падежа, создадут условия для безграничного наращивания производственных мощностей, то есть для создания изобилия продуктов животноводства. С этой точки зрения кажется необходимой возможность создания новой (даже принципиально новой) мощной сельскохозяйственной техники. Кстати сказать, она уже рождается на наших глазах.

Во многих хозяйствах Вологодской области все более широкое применение в последние годы находят агрегаты по приготовлению витаминной травяной муки АВМ-0,4. Преимущества их перед другими видами кормозаготовительной техники трудно даже перечислить. Агрегаты позволяют вести заготовку травяной муки с момента появления зеленой травы до глубокой осени, независимо от погодных условий. Снабженные грануляторами агрегаты сохраняют в миниатюрных зеленых гранулах каротин и витамины, содержащиеся в свежей траве, в течение целого года.

Пока еще ограничена производительность этих умных машин, но дальнейшее ее увеличение — чисто конструкторская задача.

Кстати сказать, крупное специализированное хозяйство предъявит счет конструкторам и заводам сельскохозяйственного машиностроения, и платить по этому счету заставит сама жизнь.

На берегу Белого озера в вашкинском колхозе «Путь Ленина» познакомился я с железных дел мастером Василием Ивановичем Шиловым. В свое время, когда в колхозе не хватало техники, и в полеводстве, и в животноводстве работали не хитрые, но облегчающие труд приспособления, созданные руками кузнеца Шилова. Частенько выручал он механизаторов, сбившихся с ног в поисках дефицитной запасной части. Подумает, помудрит и заменит ее самоделкой. Конечно, не лучше фабричной деталь получается, да ведь машина-то работает. Работает!

Мечтой Василия Ивановича была машина-универсал. Впрочем, это мечта многих сельских механизаторов. Да и понятно: обидно, когда купит колхоз, скажем, роторную косилку, поработает она на силосовании месяц-полтора, а все остальное время стоит, как на выставке. Может быть поэтому ни в одной отрасли так не развита рационализация, как в сельском хозяйстве. На основе старых зерновых комбайнов чего только не сооружают сельские умельцы! Вплоть до комбайна, который убирает брюкву (есть и такой). На первый взгляд, это хорошо, а с другой стороны свидетельствует, что конструкторская мысль и заводы сельскохозяйственной техники отстают от запросов современной деревни. В самом деле, разве можно себе представить подобную самодеятельность в угольной промышленности или в металлургии?

В этой связи вспоминается недоумение еще одного старого механизатора, Николая Михайловича Михайлова, о котором речь пойдет ниже.

— Дело к тому идет, чтобы на наших северных землях получать урожаи зерновых не меньше, чем на юге. Но южные комбайны к нашим каменистым да лесным полям не приспособишь. А как быстро взять большой хлеб с малых площадей? Новые машины нужны. Ведь смогли же конструкторы сделать комбай-

ны для горных районов, а наши, северные земли, недооценивают...

Как видим, «счет» уже предъявлен к оплате.

Машину-универсал в колхозной мастерской не сделаешь. А мечта остается. Вот и создают ее прообраз сами механизаторы в кустарных, разумеется, условиях. Когда Шилов показал нам свою «тележку-самокат», меня поначалу охватило недоумение. На остовете конной косилки громоздился движок, по бокам шли какие-то цепи, сверху торчали старые непонятного назначения приспособления. Но оказалось, машиной, собранной кузнецом из утиля без всяких схем, чертежей и расчетов, можно: 1) распилить дрова; 2) накачать воды из колодца; 3) перевозить на небольшое расстояние те или иные грузы; 4) косить траву.

Конечно, примитив. Но какая большая мечта стоит за этим неказистым сооружением! Мечта об умных и сложных машинах, умеющих выполнять десятки сельскохозяйственных операций.

То же в животноводстве. Комплексная механизация, а может быть и автоматизация, — его будущее. Пока же хороших машин и механизмов для животноводства крайне мало. Существующие доильные установки либо слишком дороги, либо далеки от совершенства. Председатель колхоза «Сигнал» Тотемского района В. А. Жданов как-то рассказывал:

— Был я на одной показательной ферме. Доярка там сто коров одна доит. А посчитали мы: есть у нее помощница, два скотника, механик по оборудованию, да корма подвозят люди, да сторож, да еще... А коров-то всего-навсего сто. И, выходит, молоко у них от этих коров — золотое. Нет, таких экспериментов мы заводить не будем.

Мне кажется, он совершенно прав. Подобная «обслуга» была бы оправдана, если бы вместе было сконцентрировано около тысячи коров, иначе дальше показухи не уйдешь.

Большие надои молока требуют постоянного улучшения кормления коров по научно сбалансированным нормам, а значит, и совершенствования кормоприготовительного оборудования. Пока же «последнее слово» науки и техники на северных фермах — громоздкие запарочные и дрожжевальные установки, которые обслу-

живаются, как правило, вручную. Ясно, что ученые и конструкторы здесь не превзошли самих себя. Между тем отечественное машиностроение могло бы обеспечить животноводство прекрасными автоматическими установками, но опять же при условии значительно большей концентрации животных в одном месте.

Несмотря на все попытки механизировать раздачу грубых кормов и силоса, эта проблема в широких масштабах тоже не решена. Вот и выходит, что тяжелого ручного труда на фермах пока предостаточно. Справедливы претензии животноводов. И в то же время бессмысленно ожидать, что мощная техника придет на мелкие полукустарные фермы. Так что вывод о необходимости максимальной концентрации производства напрашивается сам собой.

Вернемся к кормозаготовительной технике. Современный высококалорийный корм для скота, как уже доказано практикой, можно получить только на окультуренных землях. Когда встала задача наведения должного порядка на северных полях и лугах, когда появились крупные мелиоративные организации, в их руках в считанные годы скопилась мощная техника, позволявшая в короткие сроки осушить тысячи гектаров земель.

Вот пример. За последние десять лет в колхозе «Родина» Вологодского района проведены мелиоративные работы на площади около 1400 гектаров. В результате продуктивность этих земель удвоилась и утроилась. Если до мелиорации и проведения культуртехнических работ собирали 13—15 центнеров зерна с гектара, то после — по 35 и даже 50 центнеров с гектара. Сена с естественных сенокосов получали 8—10 центнеров, с культурных же стали получать 30—35 центнеров с гектара. Сегодня в колхозе частично решена проблема создания орошаемых пастбищ, чтобы до минимума сократить зависимость хозяйства от погодных условий.

Мелиорация — только один из путей создания запасов кормов. Второй — строительство крупных механизированных комбикормовых заводов. Один из таких заводов вошел в строй в Устюженском районе. По отзывам животноводов, комбикорма, которые производит завод, отличаются высоким качеством и питательностью.

А взять агрегаты по приготовлению витаминно-тра-

вяной муки. Появились они совсем недавно и стремительно распространились по всем хозяйствам области. Понятно: высокая производительность, возможность запастись корм впрок в любую погоду в течение всего лета, возможность практически круглый год обеспечивать скот калорийным зеленым кормом.

Промышленное производство кормов будет осуществляться не только в поле. Например, на Кавказе созданы экспериментальные установки по производству микроскопической водоросли — хлореллы, питательные свойства которой высоко оцениваются учеными.

Как видим, и технические задачи промышленного производства сельскохозяйственной продукции поддаются решению.

Старая деревня неминуемо должна уйти в прошлое, уступив место сельскохозяйственному производству на основе комплексной механизации и автоматизации. Это потребует, конечно, организационной ломки, более того, изменения самой психологии сельского жителя, которое, впрочем, тоже давно началось независимо от чьей-то отдельной воли. Но о психологической стороне проблемы хочется поговорить подробнее.

Я бы выделил три категории сельских жителей, в чьих руках находятся сегодня судьбы сельскохозяйственного производства. Это, — во-первых, руководители хозяйств и специалисты, во-вторых, — механизаторы и, в третьих, — животноводы. Как смотрят они на техническую революцию, со всех сторон подступающую к деревне? Задумываясь над подобными вопросами, я вспоминаю сельчан, с которыми сталкивала меня журналистская судьба.

В частых поездках по Вологодской земле я встречал разных руководителей. А память отбирала немногословных, умеющих заставить подчиниться не окриком, не штрафом или угрозами, а скорее внутренней убежденностью в собственной правоте. Убежденностью, которая обезоруживает собеседника. Таков Василий Сергеевич Басников.

Его знают в области многие: Герой Социалистического Труда, председатель лучшего в Бабаевском районе колхоза имени XXI съезда КПСС, он лишь не-

давно ушел на пенсию, но из родного колхоза не уехал, остался в деревне. Угодья этого хозяйства раскинулись по самому краю Вологодчины, в холмистых Борисово-Судских местах. Вроде бы глушь, окраина, бездорожье, а колхоз из года в год крепнет, у него такая усадьба и такой машинный парк, что любому крупному совхозу в пору. О Басникове в районе, да и в области, говорили, что он отличается умом, простотой, удивительной интуицией. Любое новшество в сельском хозяйстве он обдумывает всесторонне, мысленно прикидывает во всяких вариантах к своему колхозу, а потом либо отвергает начисто, либо с недюжинной энергией внедряет в производство.

В погожий мартовский день мне не повезло: председатель уехал на совещание в район. Зато я вдоволь наговорился с колхозниками. И что характерно: из десятка людей, с которыми встретился, не было ни одного, кто бы хоть на минуту задумался, характеризуя Басникова.

— При нем мы цену земле узнали, — с подкупающей искренностью говорил бригадир. — Раньше, бывало, тракторист вспашет как-нибудь, да если не заметят, ему и горя мало. А сейчас механизаторы работают комплексными звеньями (заметьте: комплексными, то есть имеют полный набор машин) и оплату получают с урожая. Попробуй схалтурить — от своего брата-тракториста не скроешься. Это одно, а потом и марку надо держать, как-никак к нам люди учиться ездят.

— Он спокойный, — отозвалась о председателе передовая льноводка, награжденная орденом Ленина. — Придешь — выслушает, как бы занят ни был, поможет. У нас по один год лен надо было со стлищ снять враз. Одним нашим звеном не управиться — где же! Ну знаю, что людей в колхозе не густо, а пошла к Василию Сергеевичу. Думаю, не добьюсь ничего, так хоть душу отведу: боялась — перележит лен. Только сказал слово Василий Сергеевич — два воскресника тут же провели.

— Многодельный он, — охарактеризовала Басникова лучшая доярка Бабаевского района. — Везде успевает. Колхозу без него было бы худо, да и ему, поди, без колхоза не прожить.

Жизнь подтвердила правоту ее слов. Мог бы Герой Социалистического Труда, инвалид Великой Отечественной войны, персональный пенсионер рассчитывать на покойную пенсионную старость в благоустроенной квартире районного, а то и областного центра. Мог бы, но не прожить ему, видно, без родного колхоза, которому отдал все силы.

Как добиваются люди типа Басникова высокого авторитета? Василий Сергеевич достиг глубокой, органичной слитности с делом. Но увлеченность любимой работой — не такое уж редкое явление. Авторитет — это нечто особое, дорогое. Это — доверие сотен людей, отданное руководителю всерьез и надолго. Люди надеются на тебя, ждут от тебя умных решений. Более того, уверены, что если даже решения эти, как говорится, не лежат у тебя в кармане, так ты ночь не будешь спать, но выход найдешь.

Издавна люди ценили личность, которая хорошо ориентируется в жизненной обстановке, умеет принять единственно верное решение. Подобные личности выдвигались из массы, им верили, за ними шли. Руководитель современного предприятия, колхоза, совхоза обязан быть личностью, максимально увлеченной делом, умеющей выделить перспективу.

Да и как иначе? Председатель отвечает за все. К нему идет механик жаловаться на недостаток запчастей. Идет покинутая мужем жена в надежде, что председатель поможет ей наладить семейную жизнь. Спешит доярка, которой показалось, что коров ее обделили комбикормами. Прибегает женщина в слезах с просьбой утихомирить запившего не ко времени мужа... Бесчисленные звонки из района, «накачки» не на столь уж редких совещаниях разных рангов...

«Мы живет от земли», — услышал я на одном из колхозных собраний. А ведь это непросто — жить от земли. И знать надо много, и уметь. И не падать духом, когда земля в ответ на твои старания иногда обойдет тебя своей щедростью: не даст ни зерна, ни кормов.

Неисчислим круг вопросов, которые сегодня приходится решать сельскому руководителю. Недаром, как говорится, за председательскими постами в очередь не стоят и по сию пору.

Председатели отлично понимают, что куда легче и

прибыльней руководить упорядоченным, крупным хозяйством со строгим циклом производства и организации труда. Так что психологически они, безусловно, подготовлены к той крутой ломке, которую сулит селу научно-техническая революция. Подготовлены и повседневно стремятся разглядеть конкретные пути подхода к созданию нового типа производства. Они твердо убеждены, что главное направление развития современного села — специализация, концентрация производства и комплексная механизация, иначе говоря, перевод сельского производства на промышленную основу.

Председатель колхоза «Сигнал» Тотемского района, о котором я уже упоминал, Владимир Анатольевич Жданов, стал председателем вскоре после войны, в голодные годы, когда большинство вологодских колхозов кормились зерном, «которое с елок падает», то есть попросту продавали лес в южные районы страны, чтобы хоть как-нибудь свести концы с концами. Пережить председателю пришлось немало. И всегда на первом плане для него были две заповеди: рассчитаться с государством и «дать вздохнуть» своему брату-колхознику.

Очень скоро Жданов понял, что на посту председателя надо быть не только хозяйственником, но и политиком, неотрывно и пристально следить за перспективами. В те времена, когда на Севере усиленно внедрялась кукуруза, в Тотемском райкоме партии недоуменно пожимали плечами: что случилось с «Сигналом»? Колхоз всегда в передовых ходил, председатель один из самых «крепких», а не растет там кукуруза, да и все тут. Посыпались проверки, и за выговором дело не стало. Зато потом, когда предпочтение снова стали отдавать травам, «Сигнал» резко вышел вперед. Сумел-таки Жданов сохранить золотые клевера!

...Мы чаевничаем с ним за широким крепким столом.

— Заливных лугов в колхозе много, а сена с них снимаем — слезы. Кормить наши луга надо. Удобрений не жалеть. Я вот прикидывал: до шести тонн сена с гектара можно брать. Техника нужна, комплексная техника и удобрения, в них — все. Тогда кормов будет вдоволь.

«Сигнал» — хозяйство большое, хорошо налаженное. Почти все механизаторы обзавелись личными мотоциклами, а кое-кто и машинами. Веселее стало в деревнях колхоза по вечерам: с каждым годом прибывает молодежь. Ей есть к чему приложить руки — машинный парк в колхозе один из крупнейших в районе. А развитие Нечерноземья принесет все, о чем мечтает председатель: и комплексную механизацию, и полный набор необходимых минеральных удобрений.

Надо ли уточнять, что авторитет председателя в колхозе непоколебим? И завоеван он повседневным трудом, любовью к делу, а главное — умением широко мыслить, видеть перспективу развития своего хозяйства, согласовывать ее с перспективой общего развития села.

Вряд ли, конечно, все руководители, все специалисты колхозов и совхозов ждут не дождутся грядущей манны небесной во образе индустриализации села. Я помню одного председателя колхоза (не буду называть здесь его фамилию), который «в штыки» встречал каждую новую машину, которую предлагала «Сельхозтехника». И все городил, городил маленькие скотные дворики, кустарные гаражи и сушилки на манер старой деревянной риги. Это было ему знакомо, он знал, как все это надо делать. А взяться за новое, за большое — надо же переучиваться, лишние волнения, лишние хлопоты... словно жизнь заново начинать. Это не каждому по плечу и по сердцу.

Однако определяют размах развития, идут в ногу со временем не такие, как он, а совсем другие люди. Такие, как В. А. Жданов, В. С. Басников, такие, как Герой Социалистического Труда председатель лучшего на Вологодчине колхоза «Родина» Михаил Григорьевич Лобытов, который уже внедряет комплексную механизацию на всех участках сельхозработ. Веление времени!

Руководители хозяйств видят в концентрации и специализации два очень привлекательных момента. Во-первых, на смену привычной для многих сельской свободе выбора, а порой и неразберихи (сеем по погоде, коров пасем, как понравится, строим, что хотим), придет строгий и четкий ритм полупромышленного производства, а вместе с ним рабочая дисциплина труда,

устойчивые и высокие заработки людей. Во-вторых, не надо будет приобретать целые парки самых разнообразных машин, из которых многие действуют весьма ограниченное время, хотя исправно требуют амортизационных отчислений. При специализации число машин сократится, а мощность их увеличится.

Механизатор... Селянин с психологией рабочего, причем рабочего социалистического типа: с широким кругозором, с заботой не только о своем домишке и своей машине, но и о судьбах родной деревни, района, страны. В России такой тип сложился не так уж давно, пожалуй, лишь после войны.

Как-то я побывал в устюженском совхозе «Подъем». Контора его разместилась в старой переоборудованной церкви рядом с усадьбой, в которой часто и подолгу жил писатель Куприн. В одной из клетушек совхозной конторы мы разговорились с комбайнером Николаем Михайловичем Михайловым. Меня поразила широта взглядов старого комбайнера. В совхозе он сладит с любой машиной, обстоятельно изучил каждое поле, не хуже агронома знает, где, когда и как надо подкармливать землю. У него четкое представление о путях развития зернового хозяйства на Севере.

— Раньше мы обязательства брали: сжать зерновые с площади, скажем, 300 гектаров. Теперь такие обязательства ни к чему. Можно, конечно, и с 500 гектаров убрать, ежели там колосок с колоском за версту перекликаются, да не велика радость от такого «рекорда». Поднять урожайность центнеров до 50, как в колхозе «Родина», выпустить новые мощные машины, чтобы не терять выращенный хлеб, а убрать его в несколько дней, — вот и станем мы, северяне, хорошим подспорьем для хлебного цеха страны.

О комбайнах Николай Михайлович отзывается бережно, как о детях. После войны он «износил» всего три комбайна, работал на каждом примерно по десять лет. Подсчитать всю экономию от любовного отношения его к машине — получится многозначная цифра.

Бережливость вообще в характере современного механизатора. Несколько лет назад тракторист колхо-

за «Родина» Поляков предложил всем механизаторам области работать на своей машине так, чтобы за пятилетку сэкономить средств на новый трактор. Почин передового тракториста широко подхватили на Вологодчине. Девятая пятилетка прошла для механизаторов области под девизом: «На сэкономленные средства — новый трактор!» Не всем удалось добиться задуманного, но сумма механизаторской экономии стала серьезным подспорьем в экономике колхозов и совхозов области.

Настоящий механизатор от души радуется каждой новой удачной машине. С каким удовлетворением был принят, например, появившийся недавно комбайн «Нива»!

Получил этот, желанный для многих комбайн и механизатор совхоза «Мяксинский» Череповецкого района Сергей Киселев. На одном из собраний перед началом уборки 1975 года он выступил и сказал:

— В совхозе «Рабочий», который с нами соревнуется, комбайнер Белов взялся на «Ниве» намолотить 450 тонн зерна за сезон. Таких намолотов в нашем совхозе сроду не бывало. Так ведь и комбайнов таких раньше тоже не было. Хорошие в «Рабочем» механизаторы, верно. Но и мяксинцам приbedняться нечего. Берусь намолотить «Нивой» пятьсот тонн зерна за сезон.

Обязательство сперва встретили недоверчиво: хвастает парень! Уборка показала, что у Сергея все было рассчитано точно. День ото дня увеличивался вес намолоченного зерна, приближаясь к заветному. И другие механизаторы старались не отставать. Уборку закончили раньше намеченных сроков. На счету у Сергея Киселева оказалось 620 тонн зерна.

Если председателем колхоза человек часто становится по необходимости, то механизатор выбирает свою судьбу сам. Ребята в деревне редко раскаиваются, став трактористами, комбайнерами, шоферами. Видимо, играет определенную роль психологический момент: в наши дни механизатор в почете, у него и заработки, и уважение, на нем держится хозяйство. Вот и зреет с малолетства мечта в мальчишеских головах, и воплощается со временем, если ее не вытеснят другие.

Каюсь, я люблю задавать механизаторам стереотипный вопрос: «Нравится ли работа?» И часто вспоминаю грубоватый, но искренний ответ одного двадцатилетнего тракториста: «Не нравилась, так не работал бы...»

И хотя выбор профессий сегодня велик, влечет мальчишек механизаторская судьба, несмотря на то, что удобств для тракториста припасено немного. Пора бы, кажется, конструкторам подумать не только о наращивании мощностей тракторных двигателей, а и о том, как уберечь водителей от оглушающего рева, от изнурительной вибрации.

Итак, Механизатор с большой буквы, каков он? Мне представляется невысокий крепыш с умными, чуть озорными глазами. Он гордится своей техникой и тем, что знает, ее как свои пять пальцев. Ценит острое словцо, и сам не прочь пошутить.

Вижу механизатора за книгой. Читает он много, особенно зимой. В сельской библиотеке одного вожегодского колхоза мне показали формуляры трактористов. В них вписаны Гоголь и Чехов, Шолохов и Дорош, сельскохозяйственные и технические книги. Жизнь заставляет учиться, и люди учатся.

Не валится из рук тракториста или комбайнера топор. Без него не проживешь. Никто, кроме хозяина, не перекроет крышу, не срубит хлев или баню, не наколет дров. Только не надо думать, что все это он делает по старой крестьянской привычке, без которой для него жизнь не в жизнь. Любой из механизаторов не откажется от благоустроенной квартиры, но не близкий еще путь до таких квартир, особенно в отдаленных колхозах.

Механизатор до некоторой степени универсал. Он центр, становой хребет деревни семидесятых годов, психологически он, пожалуй, ближе всех других категорий сельчан подошел к приятию научно-технической революции в деревне. Его радует грядущая индустриализация, потому что в познании сложной техники, в овладении искусством «жить от земли» механизатор занят общественно-необходимым делом, стал чуть ли не главным участником и вершителем мощного социального сдвига, который происходит на наших глазах в деревне.

Это — почти сформировавшийся характер, тип сельского индустриального рабочего, ему присущи лучшие черты представителей славного рабочего класса.

Как сотни лет назад, стучит летним утром на деревенской улице пастушеская «барабанка», одна за другой выплывают в прогон круторогие коровы. Проходили века, а крестьянская «буренушка», поилица и кормилица, все так же неспешно ходила на выгон, все так же одаривала хозяек парным молоком. Глянешь июльским днем на травянистые пригорки, на кудрявые завитки облаков, что отражаются в светлом лезвии речки, и подумается: вот оно, исконное, вечное, неизменное...

Полно, неизменное ли?

Вон целый животноводческий городок пригрелся в низине, и настойчиво рвет тишину летнего полдня рокот работяги-трактора...

Могут возразить, что нельзя приравнивать коров к машинам, а ферму — к цеху, что в условиях комплексов, двухсменной работы потеряется одна из главных черт деревенской психологии: привязанность людей к животным, и в чем-то ущербной станет жизнь полуробочих, полусельчан...

Вспоминается один случай. У доярки К. не ладилась личная жизнь. В деревне ее жалели, считали несчастной. А на ферме, где она работала на пару со своей подругой, надои из года в год росли, хотя там не было элементарной механизации. Признаться перед встречей с К. я рисовал себе ее желчной, измученной, нервной. Она оказалась словоохотливой, с мягкой грустной улыбкой, с большими синими глазами.

— Почему надои растут? — раздумчиво спросила она. — Я на дворе всякую корову знаю наособицу, да и они всякая по-своему меня любят. Бывает, что и заночую на ферме, особенно, когда отелы пойдут.

Несмотря на свою, из ряда вон выходящую любовь к животным, К. была очень довольна, когда ее группу коров перевели из маленького, предназначенного на снос двора в просторный механизированный коровник, а там распределили среди других доярок. Да и наивно было бы думать, что можно предпочесть тяжелый, изнурительный труд в сумраке старого, ветхого помеще-

ния труду в коллективе животноводов на новой ферме. Нет, не жалела доярка, что ее коров переместили в новый двор, что за ней закрепили стадо «чужих», незнакомых животных. Не будет она возражать и против крупного механизированного комплекса, потому что главное в ее характере — трудолюбие — останется при любой организации производства.

Трудолюбие в современной деревне — единственный путь к уважению, почету, славе. Кто до революции был самым приниженным, забитым, самым бессловесным человеком в селе? Пастух и скотница. Кто получал гроши за каторжный труд? Скотница и пастух. Перемена отношения к труду в годы Советской власти особенно заметна на отношении к доярке и пастуху, которые стали вровень с самыми уважаемыми в деревне людьми, пользуются большим почетом и славой. В любом колхозе, совхозе доярки — орденосцы, Герои Социалистического Труда, депутаты Советов, члены правлений, парткомов и комитетов профсоюзов. И думает сегодняшняя доярка о деле, общем не только для ее колхоза, а, пожалуй, для всей страны. Нет, ее не отпугнут фабрики-фермы, на которых будут стоять и давать продукцию тысячные стада коров. Не случайно все больше бывших десятиклассниц просят работу на молочных и откормочных комплексах. Там, разбираясь в сложных механизмах, во взаимодействии машин и биологических организмов, есть над чем подумать. Там интересно, там труд приобретает элементы творчества...

Мне довелось разговаривать с главным зоотехником колхоза «Родина» Вологодского района, лауреатом Государственной премии 1975 года за высокие достижения в труде Софьей Николаевной Стоговой.

— Животноводы сейчас далеко не те, что были хотя бы лет десять назад. Все больше привлекательности приобретает эта профессия из-за элементов творчества, поиска. Вот, скажем, мы полностью заменили стадо черно-пестрой породой скота. Но и у этой породы одни особи высокопродуктивные, дают по 5 и более тонн молока в год, другие — гораздо хуже. Отчего зависят жирномолочные свойства скота внутри одной породы? Как отобрать животных с лучшими свойствами, а главное — сохранить эти свойства у потомства? Этот воп-

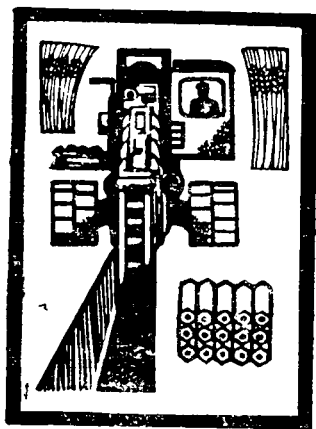
рос сейчас не только привилегия ученых-зоотехников, над ним всерьез задумываются сами доярки. А то, что стада стали больше, что все шире внедряется механизация — так это же хорошо! Больше времени остается именно для экспериментов, для творческой работы.

Как видим, индустриализация подошла вплотную и к самому сложному виду сельскохозяйственного производства — к животноводству, но никакой угрозы нравственности, психологии людей она с собой не несет, скорее наоборот — расширяет духовные возможности и горизонты животноводов.

Пройдут годы, и во всю ширь расправят могучие крылья аграрно-промышленные комплексы. В них — будущая сила деревни, в них — не гибель ее, а второе рождение.

ВЛАДИЛЕН ШУЛЬГИН

НИВА МЕЛИОРАТОРОВ

Каждый любитель-грибник знает точный и верный адрес рыжика-подъеловика: старая, отслужившая свое пашня, поросшая ершистой сосново-еловой молодью. А горожане из Вологды укажут и направление: поезжайте, мол, в Харовский район, в Шевницы. Отменные места.

— Что правда, то правда, — рассказывает председатель колхоза «Победа» Рафаил Николаевич Титов. — Наши перелески бы-

ли богаты рыжиками. До поры, до времени. Только теперь-то грибникам придется считать их бывшими. Распахали мы эти земли, возродили их былую силу. По двести пудов хлеба собираем на рыжичных массивах.

Действительно, кто не был в этом хозяйстве последние три-четыре года, тот немало удивится переменам. За пятилетие пахотный клин здесь возрос на двести гектаров. Там, где шумел молодой сосняк, на ста гектарах раскинулось долголетнее культурное пастбище с поливом. Недавно председатель показывал его многочисленным ходокам за опытом из других колхозов области. Те только многозначительно поддакивали друг другу, переглядываясь, засыпая коллегу вопросами.

— Ответ на все ваши «как» и «почему» в двух-

трех словах, — улыбался Титов. — Мы очень дружим с мелиораторами, а еще больше — любим землю.

Днем позже мы беседовали с начальником Харовской ПМК объединения «Вологдамелиорация» Н. И. Филиным.

— Работать в контакте с такими руководителями, как Титов — одно удовольствие. Наши механизаторы едут в это хозяйство с большим желанием: правление заранее побеспокоится и о хорошем жилье для них, и питание организует лучшее. А самое главное в том, что мелиораторы чувствуют, как нужен их труд колхозникам. Из «Победы» мои ребята приезжают в приподнятом настроении и при каждом удобном случае не замедлят напомнить: Титов говорил, Титов рассказывал, Титов всем руки на прощание пожал.

Особенность во взаимоотношениях мелиораторов и колхоза — не делить между собой обязанности, облагораживать землю сообща. Мелиораторы раскорчевывают и осушают новину, колхоз дискует почву, убирает камни, помогает вносить удобрения. Мелиораторы приступают к вывозке торфа, колхозные механизаторы туда же везут навоз. Совместными усилиями вносят компосты в почву. По тридцать тонн органики на гектар пашни приходится. Вот почему здесь уже несколько лет не оставляют ни одного гектара под чистый пар, а в занятый вносят двойную норму удобрений. Благодарная земля даже в два прошедших засушливых года дала на каждом гектаре по двадцать центнеров хлеба. Если во многих остальных хозяйствах еще решают, создавать или не создавать собственные мелиоративные звенья, то в «Победе» такое звено действует уже несколько лет. Оно имеет на вооружении тяжелый трактор с корчевателем, камнеуборочные машины, болотный плуг.

Совместными усилиями угоды колхоза неузнаваемо изменены: мелкие поля — островки среди рыжичных перелесков — превратились в массивы на тридцать — сорок, на сто гектаров. Механизаторам есть где развернуться, не случайно себестоимость обработки гектара здесь самая низкая в районе, а выработка — наивысшая.

...«Мы очень дружим с мелиораторами» — эти слова в тот день я услышал еще раз, но уже в другом

харовском колхозе, «Россия». Здесь трудился один из четырех отрядов ПМК.

Трактористы покинули кабины, в осушительную сеть положены последние трубки. Готово к сдаче в эксплуатацию еще одно многогектарное поле.

— В апреле мы здесь начали работу, — рассказал начальник ПМК Н. И. Филин. — Теперь вот сдаем в эксплуатацию. Завтра, на пятнадцать дней раньше срока, комиссия примет его. Однолетние на зеленую подкормку к осени как раз наберут силу.

Особенность работы харовских мелиораторов состоит в том, что они не распыляют технику по многим объектам, а используют ее четырьмя крупными отрядами. Это позволяет даже на трехсотгектарных массивах проводить мелиоративные работы в течение года. Ни один гектар не выводится из севооборота, продолжая давать продукцию.

...Знакомимся с мелиораторами. Гурий Александрович Метелки. Орденоносец. Работает по личному пятилетнему плану: пятилетку — за четыре года. Федор Афанасьевич Потапов. Задания девятой пятилетки перевыполнил, в связи с чем партийная организация ПМК прислала ему теплое поздравление. Сын Потапова идет по стопам отца — учится в институте на механика. Молодой тракторист Виктор Кораблев был делегатом областного слета механизаторов-ударников коммунистического труда и вернулся с памятным подарком — радиоприемником. Для этих механизаторов, как и для многих других, земля, которую они облагораживают, — родная. На ней они родились, выросли, стали специалистами.

Председатель колхоза «Россия» В. П. Соболев, приветствуя каждого крепким рукопожатием, спрашивал:

— Ну как, теперь в другой колхоз, или вам новый объект отдать?

— Да мы бы не против, но ведь и другим надо помочь.

— Что верно, то верно, — согласился Соболев.

Можно понять руководителя хозяйства, в котором больше тысячи гектаров осушенных земель, в том числе шестьсот — закрытым способом.

Токаревские земли до осушения давали в самые благоприятные годы по сто пудов хлеба на каждом из

270 гектаров. После осушения продуктивность гектара ниже двадцати центнеров не опускалась. Многолетние травы, убранные на сено, на осушенных землях дают в два-два с половиной раза продукции больше. Денисовский выгон — это двести девяносто гектаров; шестьдесят гектаров из них было заболочено, и на остальных едва по шесть-семь центнеров сена заготавливали. Теперь вместо болота — культурное пастбище, десятки гектаров — культурный сенокос, позволяющий снимать с гектара по 25—30 центнеров сена из разнотравья.

Несколько позднее в конторе колхоза «Россия» мне показали любопытный документ: решение заседания областного Совета колхозов. В нем отмечена положительная работа правления по укреплению экономики хозяйства. Специалисты колхоза первыми в районе составили перспективный план специализации и концентрации производства. Многие пункты его уже выполнены. Животноводы хозяйства уверенно наращивают производство продукции. Пятилетка по всем видам заготовок выполнена за четыре с половиной года. Возведен новый комплекс на 400 коров с беспривязно-боксовым содержанием. Каждая доярка обслуживает по сто коров.

— План специализации и концентрации был бы неосуществим без помощи мелиораторов, — говорит экономист В. К. Комова. — В ближайшем будущем мы рассчитываем провести коренное улучшение сельхозугодий еще на 500 гектарах, на трехстах — создать еще одно пастбище с поливом.

Два харовских хозяйства — примеры того, как можно поставить дело в глубинке. А есть колхозы, с которыми работают более солидные и мощные партнеры из мелиораторов, — там еще зримее заметны выгоды от мелиорации. Вот колхоз «Родина» Вологодского района. За короткий сравнительно срок партнеры сдали земледельцам этого хозяйства больше тысячи обновленных земель, из них девятьсот осушены с помощью закрытого дренажа. По перспективному же плану, составленному в колхозе в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР по Нечерноземью, намечается иметь к 1980 году две тысячи гектаров мелиоративных земель, т. е. треть всех сельхозугодий будет улучшена.

А что это будет значить, можно показать в цифрах. Данные годовых отчетов свидетельствуют, что урожайность зерновых в колхозе за последние семь лет не опускалась ниже тридцати центнеров, среднегодовая урожайность картофеля составила сто шестьдесят центнеров, сена многолетних трав — двадцать восемь.

На этой базе успешно развивалось и животноводство. Производство молока на сто гектаров угодий приблизилось к шестистам центнерам, мяса — к шестидесяти, в расчете на каждого работающего получено в прошлом году почти четыре тысячи рублей денежных доходов.

Мелиорированные земли помогли колхозу не только удерживаться на достигнутых рубежах в труднейшие засушливые годы, но сделать еще шаг вперед. В результате пятилетнее задание по заготовкам всех видов сельскохозяйственной продукции выполнено за четыре года восемь месяцев. Среднегодовая рентабельность хозяйства в девятой пятилетке составила пятьдесят семь процентов.

И еще одна цифра: выручка от реализации продукции, выращенной на мелиорированных землях, в полтора десятка раз превышает стоимость той, что получали на этих площадях до мелиорации. Затраты на обновление земель окупаются за три-четыре года.

Прежде всего мелиорированные земли требуют полной дозы органики и минеральных удобрений. Если в первые годы на каждый гектар здесь вносилось по восемь тонн торфонавозных компостов, то теперь эта цифра доведена уже до двадцати. На участки высокого плодородия, гарантирующие обильный урожай независимо от погодных условий, вносится по сто тонн компостов в расчете на каждый гектар.

Земледелие в современных условиях предполагает комплекс агротехнических мероприятий. Высокая культура земледелия на мелиорированных землях требует особой прилежности земледельца. Вот почему к использованию таких площадей в колхозе подходят творчески, постоянно экспериментируют, берут на вооружение лучшее. С этих позиций подошли и к структуре посевов. Опыт показал, что наибольший выход кормовых единиц с гектара посевов зерновых дает ячмень. Вот почему за последние три года площади под ним уве-

личили с 600 до тысячи с лишним гектаров. С каждого в прошлом году получено по триста пудов зерна.

Валовые сборы зерна полностью обеспечивают потребности животноводства в сильных кормах. В текущем пятилетии колхозники обязались увеличить поголовье коров на пятьдесят процентов, довести продуктивность каждого животного до четырех с половиной тысяч килограммов молока в год. Чтобы и дальше животноводство не испытывало голода в фураже, планируется довести урожайность зерновых до сорока пяти центнеров.

Создание прочной кормовой базы в условиях Северо-Запада возможно только при сочетании кормопроизводства с интенсивным лугопастбищным хозяйством. При этом, в первую очередь, колхозники опираются на мелиорацию.

Все культурные пастбища, созданные в колхозе (350 гектаров), расположены недалеко от животноводческих ферм. Для обеспечения собственными семенами лугопастбищных трав заложены семенники овсяницы, ежи, мятлика и лисохвоста на площади в 35 гектаров. Семена клевера и тимофеевки получают в полевых севооборотах.

К сегодняшнему дню все дойное стадо колхоза обеспечено культурными пастбищами. Несмотря на то, что пастбищный период в полтора раза короче стойлового содержания скота, за эти месяцы получают в «Родине» больше сорока процентов годового производства молока при себестоимости центнера в 15—16 рублей.

Кроме прямой выгоды, культурные пастбища дали возможность концентрировать животноводство. Несколько лет назад дойное и мясное стада располагались в одиннадцати населенных пунктах, — теперь они сосредоточены в двух крупных хозяйственных центрах.

Выгоды концентрации несомненны. На мелких фермах животноводы лишь мечтали о механизации труда, теперь же все процессы механизированы, резко выросла производительность труда при снижении затрат на производство продукции. Нагрузка на доярку составляла по 12 коров, теперь за каждой закреплено по 22 коровы. Если раньше на подвозке кормов в

зимний период закреплялось до двенадцати тракторов, то нынче с этой работой справляется звено из шести трактористов. Если семь лет назад на производство центнера молока затрачивалось больше двадцати человеко-часов, то теперь затраты труда уменьшились в три раза, а на производство центнера мяса — в два с половиной раза. Каждый рубль, вложенный в развитие отрасли, приносит полтора рубля дохода.

Отметим при этом, что необходимым условием концентрации животноводства является мелиорация земель.

* * *

Примечательной особенностью современной аграрной политики на селе является то, что в решении проблем сельского хозяйства партия и правительство не ограничиваются отдельными частными мероприятиями, а рассматривают весь комплекс факторов, влияющих как на само производство, так и на социальные изменения в деревне. Примером такого комплексного подхода и является постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР». В нем намечена долгосрочная программа всестороннего развития огромного района нашей страны, четко сформулированы главные направления работы. В опоре на его положения председатели колхозов, директора совхозов видят главную потенциальную силу, которая движет вперед экономику села.

В постановлении подчеркивается, что мелиорация земель является основным звеном ускоренного развития сельского хозяйства Нечерноземной зоны. Признано необходимым завершить к 1990 году мелиорацию всех сельскохозяйственных угодий, резко увеличить объемы работ по орошению земель. В этих целях выделяются необходимые капитальные вложения, техника и другие материальные ресурсы. Особое внимание уделяется ускоренному развитию производственной базы мелиоративных организаций.

В области планируется уже в текущей пятилетке осушить 120 тысяч гектаров переувлажненных земель, в том числе 90 тысяч — закрытым дренажем,

провести орошение на площади 25 тысяч гектаров, выполнить культуртехнических работ на землях, не требующих осушения, площадью 250 тысяч гектаров, заготовить и вывезти 31,6 миллиона тонн торфа, произвести известкование 850 тысяч гектаров кислых почв, внести в почву 3,6 миллиона тонн минеральных удобрений. Для осуществления этой программы выделяется более 300 миллионов рублей капитальных вложений, или в два с половиной раза больше, чем было освоено в прошлой пятилетке.

Надо отметить, что и сегодня уже сделан определенный задел для развития мелиоративного строительства, укрепления производственной базы, подготовки кадров мелиоративных организаций. В составе объединения «Вологдамелиорация» действует больше двадцати передвижных механизированных колонн. Создано десять специализированных отделений в составе вновь организованного «Агрехимтреста».

При районных объединениях «Сельхозтехника» работает 17 механизированных отрядов. На вооружении мелиораторов — две тысячи тракторов, 200 одноковшовых и 160 многоковшовых экскаваторов, 800 бульдозеров и корчевателей, две тысячи грузовых машин.

Во многих районах построены опорные базы мелиоративных организаций. В Вологде введена в действие первая очередь завода по ремонту мелиоративной техники, идет строительство второй очереди. В Соколе действует завод керамических дренажных труб. В Шексне функционирует профтехучилище мелиоративного профиля. Открыты факультеты гидротехников при Грязовецком техникуме механизации и электрификации сельского хозяйства, в Вологодском политехническом институте. Возникают новые проектные организации: институт «Вологдагипроводхоз» и филиал института «Росгипрозем».

Планом развития производственной базы мелиоративных организаций предусматривается построить областную базу стройиндустрии в Вологде в составе: завода ЖБИ мощностью 80 тысяч кубометров в год; завода домостроения мощностью 70 тысяч квадратных метров жилья; деревообрабатывающего завода на 130 тысяч кубометров пиломатериалов и 200 тысяч квадратных метров столярных изделий; цеха монтаж-

ных заготовок мощностью 660 тысяч рублей в год, автогаража на 300 машин; базы производственно-технической комплектации на 30 миллионов строительно-монтажных работ; завода керамзитового гравия на 100 тысяч кубометров.

Общая сметная стоимость этой базы — 30 миллионов рублей. Строительство возлагается на трест «Вологдапромстрой». Намечено также первоочередное развитие опорных баз по мелиоративному строительству в Вологодском, Грязовецком, Череповецком, Шекснинском, Сокольском, Тотемском, Кичменгско-Городецком, Кирилловском, Устюженском и Великоустюгском районах годовой мощностью 4—5 миллионов рублей подрядных работ средней стоимостью 1,0—1,5 миллиона рублей каждая. В остальных районах планируется развитие существующих производственных баз ПМК и линейных участков с выделением капитальных вложений по 300—500 тысяч рублей. Кроме того, намечено построить производственные базы для двух общестроительных ПМК в Вологде и Череповце.

Из этого потока цифр следует один вывод: под мелиорацию подводится промышленная технология, она становится уделом не только агрономов и не столько агрономов, сколько строителей. И здесь появляется очень большая вероятность ошибок и просчетов, ибо строители чаще всего имеют дело с планом, с количеством сданных объектов, с суммой освоенных средств. Агроном же по натуре своей — природолюб, он борется не за сиюминутный эффект, он работает на перспективу. Волей-неволей увеличивается зазор между инженерностью мелиорации и ее природоведческой сутью, ибо природа не терпит постороннего вмешательства в ее процессы, если оно этим процессам противопоказано.

Любой объект для мелиорации — это прежде всего природный объект, результат сбалансированных за века условий. Мелиоратор, как и агроном, должен стремиться сделать только то, что не удалось сделать самой природе. Человек должен ей помочь, а для этого тщательно, очень тщательно поставить диагноз.

Выше уже назывались цифры: столько-то будет осушено, столько-то орошено. Так или иначе, дело свя-

зано с водным балансом. А ведь не секрет, что он в последние годы складывается далеко не положительно. Уже сегодня в городах области ощущается нехватка чистой воды. Для восполнения ее запасов планируется строительство искусственных рек, станций перекачки. Наши взоры обращены к крупным источникам — озерам Кубенскому, Воже и т. д. Но ведь и эти источники питаются теми маленькими ручейками и малозаметными речками, о которых и речи-то нет в планах проектантов-мелиораторов.

Надо учитывать, что потребление воды растет изо дня в день. И дело не столько в увеличивающемся населении, сколько в улучшающемся техническом оснащении нашего быта, нашей работы. Ведь даже сельский житель, который вчера потреблял речную воду лишь для банного котла и обходился несколькими ее ведрами, сегодня имеет в своем распоряжении тысячи тракторов, комбайнов, автомобилей, паровых агрегатов и много другой техники. Вся она тоже нуждается в воде, причем не только потребляет ее огромное количество, но и загрязняет источники.

Большое начинается с малого. Если запустить мелкие речки, не уберечь от истощения и крупных. Осуществляя на деле программу по охране природы, Министерство мелиорации и водного хозяйства Российской Федерации в 1974 год приняло решение о необходимости паспортизации речных бассейнов — на твердой научной основе. Министерство наметило провести эту работу в несколько этапов. Постоянная комиссия по охране природы Вологодского областного Совета депутатов трудящихся 26 декабря 1974 года приняла решение: «О сохранности режима малых рек, очистке их и восстановления плотин».

Комиссия рекомендовала райисполкомам с помощью соответствующих комиссий районных Советов депутатов трудящихся, обществ охраны природы, руководителей совхозов, колхозов, предприятий в трехмесячный срок подготовить и представить в областное управление мелиорации и водного хозяйства списки малых рек и водотоков, которые в первую очередь нуждаются в поддержании необходимого для сельского и рыбного хозяйства водного режима путем строительства простейших новых и восстановления старых плотин,

Областной госрыбинспекции, Вологодской гидрохимической лаборатории Северо-Западной бассейновой инспекции по охране и использованию водных ресурсов, Вологодской лаборатории Северо-Западной бассейновой инспекции по охране и использованию водных ресурсов, Вологодской ГосНИОРХа, обществу охраны природы, областной санэпидстанции поручено было изучить материалы, представленные райисполкомами, и представить областному управлению мелиорации и водного хозяйства заключения, предложения и рекомендации...

Обусловленный срок истек, но рекомендованная постоянной комиссией работа проведена лишь в немногих районах, да и то формально, ибо заявление, к примеру, начальника производственного управления сельского хозяйства Бабаевского райисполкома тов. Старкова: «Наши водоемы не нуждаются в регулировании, у нас воды с избытком», нельзя принять всерьез.

Реки и речки — наши помощники, бессловесные неутомимые труженики. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов» прямо сказано: «Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР осуществляет государственный контроль за рациональным использованием вод, за проведением мероприятий по охране водоемов... от загрязнения, засорения и истощения...»

Учитывать это положение — долг каждого мелиоратора, будь он проектантом или строителем, потому что задача сохранения водного баланса имеет отнюдь не меньшее, если не большее значение, чем расширение площади сельскохозяйственных угодий, повышение их продуктивности, ибо связана с перспективой жизни, труда и отдыха миллионов граждан.

Вопрос из вопросов в мелиорации — кто несет ответственность за осушительную систему, за ее правильную эксплуатацию? Сегодня, к примеру, в хозяйствах Харовского района, с которого мы начали рассказ, насчитывается больше двух тысяч гектаров осушенных земель, много разных гидротехнических сооружений. Все это рассчитано на десятки лет эксплуатации, но будет верно служить только при условии систематического ухода за построенными объектами.

Осушительная система — все равно что дерево, в котором непрерывно движется влага от корней к листочкам. Подрубил корни — дерево гибнет. Так и в осушении, только движение воды обратное. И достаточно «досмотреть» какое-либо разрушение водоприемника, как регулирующая система осушения покроется илом, и участку будет нанесен большой ущерб. В прошлом году весной в ПМК позвонили из колхоза «Большевик»: срочно приезжайте, система осушения отказала, разрушились смотровые колодцы, надо принимать срочные меры. Что же произошло? Паводок был сильным и шел валом по магистральным каналам. Естественно, устья коллекторов забило песком, илом и влага, ища выход из системы, нашла его.

— Если бы в колхозе был человек, которому поручили профилактику системы, аварии не было бы, — говорит начальник ПМК Н. И. Филин.

Между мелиораторами и колхозами до сих пор идет «урегулирование» вопроса: кто должен осуществлять контроль за мелиоративными системами после сдачи их в эксплуатацию? Такой вопрос мы задали и начальнику управления по эксплуатации осушительных систем облводхоза В. Т. Бедову.

— К сожалению, — сказал он, — даже хозяйства, имеющие большие площади мелиорированных земель, не хотят в штатные расписания вводить должности гидротехников. Из положенного количества ремонтников, в соответствии с нормами, в колхозах и совхозах не занято и половины.

Таким образом получается следующая картина: мелиораторы сдали объект, колхоз, совхоз принял. А система действует на износ, без контроля и ухода.

Правда, управление эксплуатации осушительных систем сделало попытку взять на себя, в порядке опыта, техническое обслуживание в нескольких хозяйствах, в частности в колхозе «Родина» Вологодского района. Но была запрошена такая сумма, которая даже бывалого экономиста в тупик поставила. Естественно, колхоз от услуг отказался, но правлением создано свое «эксплуатационное» звено во главе с техником-мелиоратором. Здесь не оставляют на зиму трубопереезд, не защищенный бетонной плитой, а устья коллекторов — без заглушек. Здесь не допускают пастьбы скота по

открытым каналам, не дают разбушеваться паводку, заранее расчищая магистральные водоводы.

— Я думаю, — делился своими мыслями председатель колхоза М. Г. Лобытов, — что хозяйства, которые систематически нарушают правила эксплуатации мелиорированных земель, надо вообще лишать права на проведение там работ. Это будет правильно и действительно.

В самом деле, в Устюженском, Грязовецком, Сокольском и ряде других районов на тысячи гектаров осушенных земель выделено в два-три раза меньше ремонтеров. В хозяйствах Тарногского, Нюксенского, Никольского, Верховажского вообще отсутствует какой-либо уход. Не случайно здесь мелиорированные земли дают урожай ниже, чем до мелиорации.

После майского (1966 года) Пленума ЦК КПСС объемы мелиоративных работ в области ежегодно возрастают. Если за всю восьмую пятилетку было введено в эксплуатацию осушенных земель 21 тысяча гектаров, то за девятую пятилетку эта цифра возросла в два с половиной раза. Соответственно увеличился удельный вес закрытого дренажа — с 60 до 80 процентов. Повышается эксплуатационная надежность и долговечность строящихся мелиоративных систем. В последние два-три года развертываются работы по созданию орошаемых пастбищ.

Построить мелиоративные системы — это лишь одна сторона дела. Вторая, не менее важная, правильно и высокоэффективно использовать вновь освоенные земли. Важно, чтобы каждый гектар давал урожай не ниже проектного и таким образом обеспечивалась быстрая окупаемость затрат. Это — общая задача мелиораторов и работников сельского хозяйства.

Мелиоративное хозяйство области уже в настоящее время представляет собой сложный комплекс инженерных сооружений, поддерживающих заданный водный режим на площади более 60 тысяч гектаров осушенных и орошаемых земель. Общая протяженность открытых каналов около пяти тысяч километров, закрытой коллекторно-дренажной сети — тридцать тысяч километров, созданы десятки насосных станций и комплектов поливного оборудования. Стоимость основных средств по внутривладельческим осушительным системам, на-

ходящихся на балансе колхозов и совхозов, равна 25 миллионам рублей.

К сожалению, до настоящего времени мелиорированный гектар работает на износ, и не ясно, кто ему окажет помощь?

По данным инвентаризации, проведенной в 1974 году, по 27 хозяйствам области выявлено 3116 гектаров земель, осушенных открытой сетью, на которых мелиоративная сеть практически уже вышла из строя, хотя строилась в 60-х годах. В настоящее время на 514 гектарах требуется проведение капитального ремонта, на 2600 гектарах — полное переустройство и реконструкция сетей, в том числе на площади более 1000 гектаров необходимы культуртехнические работы. В Шекснинском районе таких земель насчитывалось 610 гектаров, в Чагодощенском — 390, Устюженском — 305, Междуреченском — 315, Белозерском — 364 и т. д.

По положению, в соответствии с наличием осушенных земель, эксплуатационная служба представлена управлением осушительных систем (УОС), подчиненным облводхозу. В прошлом году на базе мехотряда УОС создана Сосновская ремонтно-строительная ПМК республиканского треста «Росводремстрой» с оперативным подчинением облводхозу.

На ПМК возложено проведение текущего и капитального ремонтов по межхозяйственной и внутрихозяйственной сети, а также техническое обслуживание по договорам с хозяйствами. ПМК установлен план по подряду в сумме 702 тысячи рублей против 206 тысяч, выполненных мехотрядом в прошлом году. Объем работ по капитальному ремонту возрастает с 93 до 192 тысяч рублей, по текущему ремонту — с 33 до 88 тысяч. Более чем в два раза увеличиваются физические объемы по очистке каналов и других систем.

Но эти объемы, хотя и возрастают они довольно быстро, в сравнении с тем, что требуется, — капля в море. А как быть руководителям хозяйств отдаленных районов, где пока не планируется создание ремонтных ПМК?

В этой связи заслуживает внимания существующая практика эксплуатации осушенных угодий в Ленинградской области и Карельской АССР, где принятые в хозяйственный оборот осушенные участки закрепляются

за бригадами и звеньями, которые в полной мере несут ответственность за эффективное их использование, получение проектных урожаев, за поддержание систем в исправном состоянии.

Опыт использования осушаемых земель в совхозе «Красная звезда» показывает, что закрепление осушительных систем за механизированными звеньями дает высокий экономический эффект и обеспечивает сохранность мелиоративной сети.

Успешное решение вопросов мелиорации зависит от обеспеченности мелиоративных организаций кадрами. Но во многих мелиоративных организациях подготовка и повышение квалификации механизаторов организованы плохо. Ежегодно не выполняются планы комплектования профтехучилища, недооценивается курсовая подготовка, индивидуальное обучение и наставничество. Мало уделяется внимания улучшению условий работы и быта мелиораторов. В прошлом году выделяемые на жилье капитальные вложения не были освоены. Не используются на эти цели и средства на строительство временных зданий и сооружений, заложенные в сметы объектов мелиорации. В результате в большинстве мелиоративных организаций велика текучесть кадров, допускаются нарушения трудовой дисциплины, прогулы и аварии. В прошлом году каждый третий покинул армию мелиораторов.

— Надо так поставить дело,— сказал как-то в беседе первый секретарь Вологодского райкома КПСС В. И. Верейкин,— чтобы мелиоративную технику давали в те районы, где уже есть полный комплект кадров. Вот тогда каждый руководитель любого ранга почувствует необходимость подготовки механизаторов. Иначе — трудно!

Очень разумное предложение.

При прочих равных условиях ход мелиорации по районам области выглядит довольно пестро. Если в Вожегодском, Вологодском, Грязовецком, Кирилловском и Устюженском районах задания пятилетнего плана по улучшению сельскохозяйственных угодий были выполнены досрочно, то в Вашкинском, Кадуйском, Сокольском, Тотемском, Череповецком и ряде других районов они, по существу, сорваны. Одни районы настойчиво оздоравливают свои земли, осваивают выделяемые госу-

дарством средства, другие топчутся на месте. А ведь во всех районах мелиорация начиналась в одно время, после майского (1966 г.) Пленума ЦК КПСС.

— Все дело в том,— рассказывает начальник облводхоза А. Р. Ридер, что в одних районах не только поняли важность этой работы, но и по-деловому, целеустремленно занялись мелиорацией земель, создали мелиоративные организации, укрепили их кадрами, а в других — все еще ведут разговоры о пользе и выгоде, не сумев создать правильных взаимоотношений между подрядчиками и заказчиками, сформировать работоспособные коллективы мелиораторов.

Речь идет прежде всего об улучшении использования мелиоративной техники. Только за счет устранения простоев машин, выполнения директивных норм выработки каждым агрегатом, лучшей организации работ можно увеличить объемы мелиорации минимум как на 25—30 процентов. Особенно плохо используются экскаваторы в Нюксенском, Сямженском, Тарногском, Тотемском и Череповецком районах. В Череповецкой ПМК при годовой норме 120 тысяч кубометров грунта выработано всего 42 тысячи кубометров в расчете на единицу емкости ковша. В целом по областному объединению «Сельхозтехника» тракторы используются только 150 дней в году, а в Бабаевском, Бабушкинском, Вытегорском, Междуреченском и Сямженском объединениях всего около 100 дней. В объединении «Вологдамелиорация» техника простаивает 36 процентов времени. Даже в напряженные периоды работ в прошлом году простаивало в мелиоративных организациях до 160—200 тракторов.

В большинстве районов, не в пример харовчанам, до сих пор мало уделяется внимания выбору объектов мелиорации, допускается распыление сил и средств по многочисленным мелким объектам. В прошлом году, к примеру, осушение велось на 228 участках при среднем размере объекта в 60 гектаров. В Бабушкинском районе при годовом плане ввода осушенных земель 295 гектаров мелиораторы работали на 9 объектах, в Верховажском — при годовом плане ввода 163 гектара — на 6 объектах. Аналогичное положение в Тотемском, Череповецком и ряде других районов.

Ошибки и недостатки в подборе и планировании

объектов мелиорации снижают эффективность мелиорации, усложняют использование техники и трудовых ресурсов и в конечном итоге приводят к затягиванию сроков строительства, росту незавершенного производства.

А ведь существующие положения обязывают мелиораторов направить усилия прежде всего на преимущественное улучшение существующих сельскохозяйственных угодий с высоким естественным плодородием почвы, создание необходимой кормовой базы строящихся животноводческих комплексов. Проект укрепления кормовой базы должен быть составной частью технической документации на строительство животноводческого комплекса, и его осуществление должно опережать, как правило, на два года ввод производственных помещений в эксплуатацию. Таковы требования ЦК КПСС и Совета Министров СССР по проектированию и строительству животноводческих комплексов.

К сожалению, эти требования почти повсеместно не соблюдаются. На сегодня на всех сданных и строящихся животноводческих комплексах допущено отставание в выполнении мелиоративных работ, кормовая база не обеспечивает потребностей животноводства.

Эффективность вложений во многом зависит от качества строительства. И здесь прорех хоть отбавляй. В прошлом году в целом по объединению «Вологдамелиорация» с оценкой «отлично» не было сдано ни одного объекта, одна треть объектов сдана с оценкой «удовлетворительно». О чем свидетельствуют эти цифры? О том, что большая часть объектов предъясняется к сдаче с серьезными недоделками, почти повсеместно отсутствует крепление откосов каналов, не убраны древесные остатки, не выполнена планировка. В совхозе «Политотделец» на участке «Сельца» дрены были уложены с обратным уклоном. Здесь, видимо, решили опровергнуть закон сообщающихся сосудов. В совхозе «Сухонский» предъясвлен к сдаче участок «Исаево» с незасыпанными дренами, без планировочных работ. Подобные факты не единичны, но принципиальной оценки им не дается ни со стороны службы заказчика, ни со стороны руководителей мелиоративных организаций. И прежде всего потому, что сданные объекты практически теряют хозяина.

Мелиорация в основном проводится на государственные средства, охотников на проведение работ сегодня хоть отбавляй. Смущает, однако, тот факт, что каждое хозяйство, планируя мелиоративное строительство, исходит из чисто территориальных, узковедомственных интересов. Взять два соревнующихся хозяйства в Шекснинском районе: колхозы «Шексна» и «Заря». Старые добрые соседи, а вот мелиорация их делит на две половины, дело доходит чуть не до ссоры. И то, и другое хозяйства заготавливают корм в пойме реки Шексны. Пойма одна, река одна, владения — рядом, а проектов на мелиоративные работы — два. И каждый сам по себе.

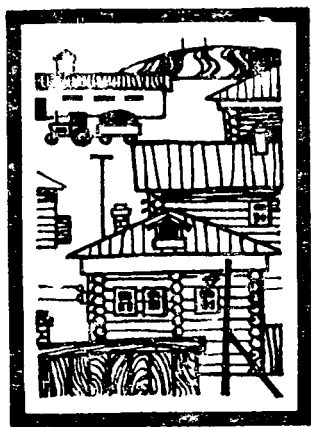
Понятно, что хозяйства стремятся к сохранению своих интересов, но почему же проектные-то организации не смотрят шире? Проектирование «кусочков» не только удлинняет сроки, но и удорожает строительство. Практикой водохозяйственного проектирования уже доказано, что территория объекта определяется прежде всего водосборной площадью, а не межами между хозяйствами. Только с этих позиций возможен комплексный подход к высокоэффективному освоению земель. К тому же этот подход внес бы ясность и в очередность работ. До сих пор она осуществляется, как уже указывалось выше, по принципу: «Всем сеграм — по серьгам».

Но ведь средства, выделенные государством на мелиорацию, нет нужды делить всем колхозам и совхозам. «Такой подход будет несерьезным, — говорил Л. И. Брежнев на совещании по Нечерноземью. — Никакого эффекта он не даст. Если пойти по этому пути, то все ресурсы разойдутся, а законченного ничего не выйдет. Надо пойти по пути концентрации».

Комплексная разработка любой проблемы предусматривает тесное сотрудничество людей самых различных профессий. Особенно это важно в мелиорации, ибо здесь человек вторгается в святая святых — в Природу. Вот почему нива вологодских мелиораторов должна стать нивой для приложения сил всех сельскохозяйственных служб.

СЕРГЕЙ БАГРОВ

ВЕЛИКИЙ ДВОР

Таких деревень, как Великий Двор, на Вологодчине много. Избы в четыре порядка. Под окнами ульи, черемухи и березы. По мураве между дворий бродят куры и овцы. В подугорье проулков—колodцы с высокими журавлями. Половина домов в тесовой опушке, многие окрашены. Огороды обнесены где тыном, где пряслами, а где и забором из штакетника. На каждой второй крыше по соседст-

ву с трубой — усики телеантенны. Народ, как и свойственно людям северных деревень, немногословен, скуп на улыбку, на работу нетороплив, но если примется за нее, тут уж глядишь на него с нарастающим уважением.

Разные люди в Великом Дворе. По характеру разные, по привычкам, по умению жить.

Деревня пробуждается ранним утром. Поля состогами соломы. Желтый убор лесов. Первый лучик зари, а вскоре по нескошенным нивам хлебов плывут широкие заливы света. Скрипят петли ворот.

Пастух Яков Иванович Холмогоров, конопатый мужик, в зимней шапке и пиджаке, длинноногий и большеносый, спешит прогоном к сжатому полю. В руках его серебряно блещет горн. Нашел когда-то его на свалке металлолома, починил, и, забросив дощатую

барабанку, стал пасти стадо с горном. Далеко, к самому горизонту, струится напев пионерской трубы.

Доярки в синих халатах, резиновых сапогах (поместному — грязнодавах), закончив первую дойку, идут на гибридное поле. В руках — ножи, топоры и плетюхи.

И бригадир уже на ногах. У многоумного, быстрого на ходьбу и работу Степана Попова в голове сто планов и сто заданий. Его басовитый голос летает по всем подворьям:

— Анна, е-е! Ты седни с бабами лен сымать!

— Олѣх! Не забыл? На ток подавайся! Будешь рожь семенную грузить!

К колхозной конторе, сея крупной шага, спешит белощекий и круглый, с маленькой плешкой на голове счетовод Селиванов. Под мышкой сжимает брошюры. Лицо важное, деловое.

— Чего рано так? — окликает его бригадир.

— Дела, Степан Аверьянович, дела. По общественной части...

Селиванов известен в колхозе не только как счетовод, но и как агитатор, как лектор, как политический информатор. Знают его во всех пяти деревнях как самого первого грамотея. Сегодня после работы вместе с сельской агитбригадой он выедет в Соловьево. Станет рассказывать о политике партии и правительства по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны страны. К лекции он готовился бы и дома. Но там четверо сыновей, три дочери, жена и все как один, с толстущими голосами. Потому-то он и спешит к конторе, где никто с утра не мешает, можно с мыслями подсобраться и сделать в блокноте краткий конспект.

Возле клуба слышится грохот. Киномеханик Игорь Иванович Зайцев вталкивает скамейку в кузов колхозной автомашины. Загрузил одну, побежал за второй. Кто-то спрашивает у него:

— Не со всем ли гамузом хочешь переселиться?

— Со всем! — улыбается Зайцев.

— А куда?

— За Внуково, на гумно.

— С каких это колачей?

— Да тамо народу боле. Хочу увеличить финансовый сбор.

— Ишь ты! План, что ли, не выполняешь?

— Угадал. С планом-то с этим я в лужу сел...

* * *

Над огородами тут и там прошивают воздух домашние пчелы. У пчел последние вылеты к поздним цветам. За деревней, где поле по внешнему контуру сжато, а в середине бурно и желто, волнуется рожь, краснеют комбайны.

На одном из них Иван Катеринин, плотный мужик с курносом лицом, на котором под сводом русых бровей не то наивно, не то восторженно голубеют круглые маленькие глаза. Ничего особенного в портрете. Таких, как Иван, можно часто увидеть где-нибудь на окраине поля в кабине кряхтящего трактора, на какой-нибудь конной косилке, под сломавшимся грузовиком, на дворах «Сельхозтехники», в рейсах с лесом или трестой.

Судьба Ивана, как и многих механизаторов, сложилась проще простого. Восемь классов закончил, подался в СПТУ, потом армия, из армии возвратился домой, стал постоянным работником поля.

Постоянным? Здесь надо оговориться. Однажды в его постоянстве случился намеренный срыв. По натуре Иван — человек простодушный и безотказный, не умеющий спорить и долго стоять на своем. Что попросят его — хорошее ли худое — ему уж не отказать. После смены на тракторе домой бы, на отдых. Однако и дома его находили то сосед, то родственник, то просто знакомый. Приходили с просьбами. Одному дров из лесу привези, второму — сена, третьему — кирпичей от разломанной церкви. Иван просьбам внимал, а после поездки — хочет того или нет — полагалось бражное угощение. Сегодня водка, завтра вино, послезавтра брага и снова водка. И так каждый день. Сколько может выдержать человек? Иван выдержал два с половиной года. В последние дни он такую усталость, такое бессилие ощущал, словно и жить-то ему уже надоело. Решил в конце концов бросить пить. Но как это сделать? На тракторе невозможно. И тогда

Иван со скандалом, бранью и скверненькой славой из трактористов ушел. Стал трудиться на разных работах. Сначала было легко: голова не болела, никому ничем не обязан, стали свободными вечера. Но потом с тяжелым напором привалилась к сердцу тоска: «Своим ли я занимаюсь делом? Ладно ли я поступил?» Да и жена запилила: мало денег стал приносить, она больше его получает. Пошел на попятную. Председатель колхоза, выслушав бывшего тракториста, уверенно пообещал:

— Ладно. Это наша забота. Убережем тебя от шабашек, а попутно и от вина. Взвалим это на бригадира, а уж он уследит.

Снова стал Иван трактористом. Разумеется, с просьбами вновь приходили, пореже, конечно, не каждодневно. В потемках зреющих вечеров, прицепив к трактору, волокуши, ехал он за строительным лесом, за сеном, за почтой, за кирпичами...

Сегодня Иван на жатве. Ветерок заплетает в колосьях длинные косы. Иван запускает мотор. Птичий гомон, шелест листвы, лай далекой собачки — все умирает в грохочущем гуле. Комбайн идет тяжело, вырезая в хлебах настоящий проулок. Сколько было таких проулков?! Сколько будет еще!

Ныне хлебных полей прибавилось в их колхозе на целых сто двадцать гектаров. Иван сам участвовал в раскорчевке поросших сорным кустом земель, сам распахивал и засеивал по осени рожью. Урожай пока получался пятнадцать центнеров. Иван мысленно подсчитал, что только за счет прирезанных к главному полю окультуренных площадей можно взять еще сто семьдесят тонн зерна. Что ж, для начала совсем неплохо. А на будущий год к колхозному полю прибавятся и участки земель, отвоеванных у болота, где работал отряд мелиораторов из райцентра. Так что будет где развернуться колхозному хлеборобу.

Подпрыгивает над головой металлический зонт. Из-под выгоревших бровей вприщур смотрят глаза — сторожат трясущуюся жатку, под которой толстым крутым жгутом ярятся сжатые стебли. Вдруг откуда-то сзади гулкой оклик:

— И-ва-ан!!!

Обернулся Иван. Возвышаясь над мостиком, в са-

модельном берете из носового платка, загорелый и долговязый, стоит и машет рукой Воронин. «Незалáдка стряслась!» — смекнул Катеринин и, спрыгнув в жнивье, поспешил к комбайну. Поломка была обычная: в жатке расплавился и дымил подшипник. Иван, естественно, подсобил, но укорил-таки напоследок:

— У самого-то чего? Али дыры в руках?

Михаилу пришлось признаться:

— Боялся, что меня запередишь, уйдешь далеко. А нагонять-то тебя умеет не кажжый...

Снова Иван под алым зонтом. Низовой теплый ветер поднимает с суглинистых комьев желтую пыль, что скрипит на зубах, забивает дыхание. Да еще солнце, неподвижное, сонное, как пришитое к небесам.

Невдали, за сжатым участком, от большой пятистенной избы вынырнул грузовичок. Сюда, за зерном, — понял Иван и ревниво взглянул назад. Комбайн Михаила шел по кругу не отставая. Красные планки жатки вращались так быстро, что казалось, лютует на них огонь. «Хорошо идет, споро, ни сколь не хуже меня. Кто, интересно, первый пустит зерно...» — размышляет Иван.

Грузовичок увеличился, превратясь в большую машину, у которой подплясывал кузов и визжали борта. В кабине — с дымящейся сигаретой моложавый Коля Титов, шофер с удивительно тонким чутьем, узнававший всегда, у какого комбайна бункер полнее. На шершавых губах Ивана закрутился победный смехок. Грузовик торопился к нему.

В теплой истоме поля желтел качавшийся на колосьях воздух. Уже трижды подъезжал за зерном Коля Титов. На четвертый раз в кабине рядом с шофером комбайнер рассмотрел своего восьмилетнего сына Сережу.

Сережа серьезен, хозяйствен, пытлив и очень любит работать. Да и не только Сережа, пожалуй, все дети в Великом Дворе постигают прелесть труда, управляя с коленок отца трактором или автомашиной, отвозя под приглядкой старшего брата телегу сена к стогам, обряжая с матерью колхозных коров на ферме.

Сережа вскарабкался на комбайн, взъерошенный, желтоволосый, похожий на залитый солнцем овсяный

сноп. Приятно отцу, что сынок растет не каким-нибудь там лоботрясом, а просужим заботливым мужичком. Спрашивает как можно серьезней:

— Чего глазешки разёл?

Сереже весело. Отвечает, как первый работник:

— Хочу хлебов покосить!

— Сумлеваюсь, сумеешь ли?

— А чего? Я, вон, даве рулил на машине.

— Ну, ежели на машине...

Две ладони улягутся на штурвал. Вздрогнет комбайн, покачнется на комьях и, срезая жаткой колосья, широко и мощно пойдет по кругу. Рожь расходится вправо и влево, будто ее раздвигают веслом. Смотрит Сережа вперед и, забывая себя, ощущает странную невесомость, точно он растворился в просторе полей, и вольготно ему, легко, и летит уже он над стожками соломы посвистывающим дроздом, и машет макушкой далекой березы, и льется запахом колосков.

До первых потемок пробудут отец с сыном в поле. А потом Иван внятно скажет: «Шабаш!», заглушит мотор и, закурив папиросу, станет жадно внимать тихим звукам природы. Да и кто из крестьян, много и с пользой поработав, не любит хотя бы на самый коротенький миг вспомнить свое самолучшее время.

Слышит Иван шорох слетевшего с ветки листа, плеск реки на гладких камнях, робкий-робкий велосипедный дальний звонок. Перед его глазами мелькают картины детства, и сердце его, ласково раскрываясь, ловит их с радостью и тревогой. Он видит себя маленьким и воздушным, как березовый легкий листок, который куда-то летит, а куда, об этом никто и не скажет. Обнимает Ивана то самое настроение, когда душа, сладко тоскуя, ищет, находит и трепетно держит в себе сокровенные думы былого. «Когда-то мечтал, — думает он, — стать большим человеком, чтоб не я завидовал людям, а люди мне. Интересно, какой я теперь? Тот ли, кем хотелось быть в детстве, или маленько не тот?».

Над логами и поймой красавицы Тóлшмы нависают волокна туманов. Пахнет соломой, отавой и дымом. Вечер устал, опустил сумеречные крылья, осторожно садится на землю. Идут Катеринины, маленький и большой к своему родному порогу.

Зеленая волглая тишина. Падают легкие листья. И вдруг в листопадную тишину, будто длинный серебряный нож, вонзается звук пионерского горна. По прогону, бегущему от сжатого поля, идет Яков Иванович Холмогоров.

Перед самой деревней пастух прячет горн под борт пиджака. Из-за этого горна были не раз неприятные разговоры. И секретарь сельсовета, и учитель начальной школы, и даже инспектор из районо пеняли ему, что он подрывает авторитет педагогов. Яков Иванович защищался:

— Ничего я не подрываю. Я гаркаю-то в лесу, Кто, кроме скотины, меня услышит?

— Мало ли кто,— отвечали ему,— многие могут услышать и слух нежелательный распустить.

Пастух после таких назиданий обычно нервничал и серчал:

— А мне ведь хуже не будет!

Его упрекали:

— Надо думать не только о себе. Педагогам краснеть за тебя придется. А хорошо ли до этого допускать? Сдай, Яков Иванович, инструмент. Тебе лучше будет.

— Как бы не эдак?! — упрямылся Холмогоров. — Мне с ним ловчей собирать стадо в кучу. Такоськое дело. Не сдам, да и все.

Ему обещали:

— Придется тогда общественность попросить, чтобы она на тебя повлияла.

Пастух усмехался:

— Коли общественность струмент заберет, дак пущай она и пасет моих холмогорок.

— Как же так?

— А так, объяснял пастух,— коровы мои на другие струменты ухом не правят. Им этот подай. Привычка. Дело такоськое...

От него отступались, на него махали рукой. А Холмогорову то и надо. Знай, кличет стадо звуками горна. Только кличет уже осторожно, с оглядкой: нет ли вблизи людей, что умеют делать запреты.

С оттопыренным пиджаком, под которым покоит-

ся горн, подходит Яков Иванович к ферме. Вслед за ним, сыто качая боками, ступают коровы. Доярки в голос:

— Где пас-то сегодня?

— На Замоських полях! — говорит Холмогоров и, сняв зимнюю шапку, стирает ею с лысины пот.

* * *

Возле клуба покойно бормочет автобус. Слышен провизг гармошки. В дверцу, тесня друг друга, с прибаутками, хохотком, влезают девчата и парни. Среди них — счетовод Селиванов. Лицо белое, даже в потемках, и на нем выражение трудной заботы. Мотор заревел, и автобус, сверкнув лучами, поспешил в сторону Соловьева. Через час он прибудет туда, подкатив к сельскому Дому культуры, где лектор-общественник Селиванов, пройдя под взорами зрителей, привычно встанет за покрытую синим сукном трибуну и, откашлявшись в белый кулак, шелестнет листками блокнота. Так начнется торжественный вечер, в котором будут и лекция по проблемам Нечерноземья, и концерт с коротким спектаклем, и, конечно, танцы под радио.

В воздухе веет осенним. Недвижимо и прохладно. Небо густо чернеет, и в нем, словно зерна пшеницы, проступают яркие звезды. Притихла в подворьях скотина. Проулки безлюдны. Кто — под крышей родного дома, кто — за Внуковым, на гумне, где идет сейчас фильм, а потом начнутся танцы и пляски. Лишь один бригадир Попов, в голове которого сто забот и сто планов, ходит с плоским фонариком от одной калитки к другой. Дает на завтра наряды.

Тем временем на внуковское гумно, где в самом разгаре веселье, заглянул председатель ревизионной комиссии Осовской, человек осторожный и строгий, привыкший все контролировать и проверять. Вызвал Зайцева за ворота и сурово спросил:

— Ты что вытворяешь? Это же, знаешь, чем пахнет? Это же пахнет плохими последствиями.

Игорь Иванович изумился:

— Я как лучше хотел. Ругают в районе, что план по сбору не выполняю. Да и как его выполнить? Ка-

бы клуб-то стоял, где гумно. А то вон на отшибе у всех деревушек.

Осовского это не занимало. Его занимало другое: в колхозе случилось сверхсамовольное, но все же усмехнулся:

— Каков получается результат?

Глаза Зайцева заблестели:

— Видите сами. Сегодня не люди в клуб, а клуб к людям явился!

— Чтобы это было в последний раз!

А если в районе одобряют как местную инициативу?

Осовской даже несколько растерялся и рассеянно пробубнил:

— Не уверен. Не знаю. Впрочем сами смотрите. Не мне отвечать, а вам...— И исчез в проулке.

Скрипят колеса велосипеда. Нащупывая глазами тропинку, Зайцев спешит к своему пятистенку. У него бодрое настроение. Затея с гумном удалась. Фильм прошел, как никогда. Зрителей было впятеро больше, чем собиралось в обычные дни. Киномеханику по душе, что после картины сельчане под наигрыш хромки устроили перепляс. Любо-дорого посмотреть! Плясали цыганочку, русского, ланчик и даже забытую шестеру. А сколько было частушек! Одно беспокоит Игоря: как отнесутся к его затее в районе? Он и сам-то пока не поймет: хорошее сделал или плохое?

Мчится Игорь Иванович по слепо белеющей тропке. На душе и весело, и тревожно. Вечер-то все-таки удался!

* * *

Поздний сентябрьский вечер. Те, кто умаялся за день, теперь отдыхают под кровом родной избы, в тепле и свете. Почти все избы в Великом Дворе из двух половин: просторной кухни и узкой горенки-боковушки. В кухне устьем к окну — русская печь, полати, дверца, ведущая в голбец, возлестенные лавка и коник. Если в передних углах справа на полочке истемна-золотая икона, то слева на полированном столике телевизор. Современное с древним словно спорят между собой: у кого жизнь длиннее и кто первый закончит свой век? Как ни странно, но к этому спору причаст-

ны старушки. Они внимают и телевизору, и иконе, и никак до сих пор не поймут, что крепче их за душу забирает.

Много есть в Великом Дворе любопытных старушек, чья жизнь, как тропинка в еловом сузёме, петлиста, длинна и полна поворотами, взлетами и нырками. Большинство из них малограмотны, привыкли о жизни судить по старому воспитанию и приметам. Может, поэтому старые люди и помнят сказки, бывальщинки и легенды, в которых обычно действуют нечистая сила и простоватый, неражий, но смелый и всепобеждающий мужичок.

Вечерами, забравшись на печь, ведут между собой разговоры старушки и внуки. Одним интересно узнать обо всем, что бывает на свете, вторым — даже если они не знают — лестно поведать рассказ. Так рождаются новые сказки, закомóры-загадки и небылицы.

Любопытны особенно закомóры. Стоит, к примеру, бабушка у устья печи, орудует в жарких углях кочергой, а потом помелом замечает горячий пепел. Взглянет таинственно этак на внука и скажет ему:

— Царица Клюковица по полю скакала, красно золото зобала. Пришел царь Космач: «Бог помочь, царица Клюковица, красно золото зобать!» Царица Клюковица в ответ ему: «Молчи-ко, царь Космач, и тебе тоже будет!»

Или печет старушка на угольях блины. Плеснет на сковородку жидкого теста и вдруг прискажет:

— Сунь да попарь, да по плещи ударь!

Бригадир Степан Попов помнит услышанную им от покойного председателя колхоза Дмитрия Дмитриевича Слободина загадку про лен:

— Сам жилиной, ноги глиняны, голова в масле?

Мать Степана Людмила Ивановна знает много загадок про хозяйство крестьян, обиход их жизни, домашнюю живность, природу.

— Шел я краем Попóва, нагляделся дива такова: головы пробиты, животы вспороты? — говорит она про ржаные снопы.

А вот про след от лаптей:

— В лес идет, клетку кладет, из лесу — переключает?

Или иносказание про лиственный лес:

— Зимой с седой бородой, летом с кудрявой головой, осенью — гол, как сокол?

Осень и зима — благодатнейшая пора для проверки памяти, ума и смекалки. Подчас вместе с ребятами отгадывают лукавые вопросы их матери и отцы.

— Всем нужен, да не всякий делает? — вопрошает про хлеб пастух Холмогоров.

Богата народная речь загадками, намеками, иносказаниями. До наших дней, профильтрованные тысячами голосов, дошли в сиянии ума, дерзости и лукавства многие по-настоящему поэтические обороты, долговечность которых можно измерить столетиями.

* * *

А как бурно, богато и весело льются застольные разговоры, когда приезжают из города гости. Разговоры самые разные. Обо всем, что трогает душу и ум. Как в городах с «продухтом»? Кто, на какую должность и с большой ли зарплатой устроился? У кого были свадьбы? Кто развелся? Кто помер? Кто выстроил дом? Сколько ныне ягод в лесу?

Приезд городского гостя выливается в праздник. Гость привозит с собой огурцов, яблок, пива в бутылках, бельевые пары, ткани на платье. Увозит обыкновенно варенье из ягод, ведра соленых грибов, тарки меда, картошку... Иногда наберется в дорогу столько тарок, ведер, кулей, что заставляются ими полкузова автомашины.

У Катерининых в это лето было особенно много гостей. Сперва приезжал из Вологды брат Ивана бухгалтер Андрей с женой, тремя детьми и товарищем по работе. Потом гостил прибывший из Ярославля старослужащий Николай, приходившийся свояком Ивану. Затем из Москвы приезжала Иванова тетка. А там и Граня, Ивана сестра. Эта последняя гостья была самой необходимой.

До семнадцати лет жила Граня в Великом Дворе, для всех деревенских парней была запредельной мечтой. Но никто не пришелся ей близко к сердцу. С Иваном была она откровенна:

— Я не работы на ферме боюсь, — говорила она, — я боюсь что выйду здесь замуж. Выйду не по люб-

ви, а из страху, что в девках останусь, и весь мой век будет завешан...

Уехала Граня в мае, и с тех пор ее мать Нина Павловна стала какой-то забывчивой и пугливой.

— Заболела ты, мать,— говорил ей Иван,— поди к медичке. Лекарства хоть даст.

Нина Павловна возмущалась:

— Сиди, лекарсва! Кумоха́ меня не влюбила.

Иван, естественно, удивлен:

— Эво? Что за кумоха́?

— А тоска-домоседка. Она в каждой избе живет. Кого невзлюбит, вздышеньки уж не даст. Все время и будет из дому выгонять.

Иван расстроено вспоминал: «В сам деле, мать, что ни вечер, то куда-нибудь убегает. Хозяйство совсем запустила. В колхозе работает спустя рукава». Пошел Катеринин к медичке. Стал совета просить. Но медичка лишь развела руками...

— Религиозное... Это по линии атеистов...

Иван, не мешкая, в этот же вечер явился к колхозному счетоводу: так, мол, и так, что теперь делать? Селиванов заулыбался:

— А знаешь ли,— сказал, вдохновляясь,— я, пожалуй, могу. У меня идея родилась. Суеверных-то женщин у нас в деревнях не так уж и мало. А что если в клубе я лекцию прочитаю?

Счетовод, как сказал, так и сделал. На лекцию явились члены правления, комсомольцы, кое-кто из доярок, заведующий начальной школой и вместе с ним полностью третий класс. Но Нина Павловна на лекцию не пришла. Так что Ивану снова пришлось просить у людей советов.

Мать, разумеется, времени зря не теряла. Тоже искала советов. По одному из них, который дала суеверная Павла, пошла на конюшню, где, попоив трех коней из ведра, остатки воды, как ни трудно ей это было, приняла как целебное средство. Не подействовало нисколько. Возвратилась к Павле с вопросом:

— Вода-то не подсобила!

— Ох ты, куколка! — по тонким губам знахарки заюлил многоопытный хохоток.— Сколь раз воду-то от кобылок пила? Одинова?! Ну вот. Так и знала, что напатро́шишь. А надобно три разка...

Еще дважды прикладывалась к ведру простодушно-доверчивая крестьянка. Попив и вытерев губы платком, спешила домой, где садилась за стол и ждала: будет ее кумоха выгонять или не будет? «Не должна бы, — думала, все же пила не простую воду, а тайную...» Озираясь по сторонам, словно желая увидеть то, чего так боялась, Нина Павловна и лицом, и глазами, и сердцем чувствовала, как в нее заходила тоска. Тоска лежала везде: и на столе, и на стенах, и даже на лицах сына, невестки и внука и была похожа она на волокнисто-серое колыханье, безглазо смотревшее на нее. Срывалась Нина Павловна с места, бежала знакомой тропинкой к Павле.

Сухой, горбатенькой Павле, всю жизнь избавлявшей людей от несчастья, но ни разу от них не избавившей, было приятно, когда приходили к ней на дом. Темный ум ее извлекал из заглохлов памяти стародавние суеверия и приметы.

— Опять, говоришь, выгоняет? — улыбалась она, радуясь случаю вспомнить еще один верный способ борьбы с кумохой. — Ладно, куколка, ладно. Сымай тогда свой платок да наставь слушок-от на тайное слово. Научу теперь, как кумоху прогнать на Пёршинское болото. Не печалуйся, вытурим и не пустим...»

Долго слушала Нина Павловна. А потом в смутных сумерках вечеров приступала к самолечению. Три раза ходила вокруг избы с подержанным конским седлом, нашептывая не то с просьбой, не то с пригрозкой: «Уходи, кумоха. Прочь, домоседка. Вон отседова, пока конским духом не отравило». Затем три ночи подряд спала, подложив под подушку конскую сбрую, стараясь увидеть сон, в котором бы кумоха, сверкая голыми пятками, удирала на Першинское болото. Но опять, как и прежде, ничего не помогало. И тогда решила на третье.

Была суббота. В просторе проулков и улиц, лаская крыши, плыл широкий солнечный свет. Зеленела трава. Все избы и пятистенки глядели окнами с косо-гора в синеву игроватой реки. Один только дом Катерининых никуда не глядел. Окна его были завешены одеялами, шальями и платками. Пришел из школы Сережа. Вздрогнул, увидев крылечную дверь, на кото-

рой написано мелом: «Нинки дома нет». Прошел мальчик на цыпочках по сеням. Перед дверью на кухню остановился и вновь прочитал: «Нинки дома нет». Сердце его тряслось от предчувствия непоправимой утраты, когда он ступил за порог. Из кухни — дверь в комнату-боковушку. В третий раз прочитал эти три пугающие слова. «Умерла бабушка», — подумал с тоской и, зайдя в боковушку, увидел вдруг Нину Павловну, немо сидящую у окна.

— Бабк, это ты?! — крикнул от радости и тут же спросил: — А чего так сидишь?

Но бабушка промолчала. Раз десять, не меньше, спрашивал внучек, пока не стало ему страшновато. Растерянно улыбаясь, побежал за матерью и отцом. Те пришли, прочитали все надписи, удивленно переглянулись.

— Что случилось?..

Но губы у Нины Павловны — как на замке. Целый час добивались ответа. Наконец сын, не вытерпев, резко спросил:

— Сколько суток молчать-то будешь?

Рука матери шелохнулась, поднялась к гладко причесанной голове, загнула один за другим три пальца. Это было невероятно. В собственном доме, да чтобы кто-то не говорил?!

После долгих раздумий Иван догадливо вспомнил: стала мать тосковать и искать от тоски спасения с тех самых пор, как уехала в город Граня. «Съезжу-ко за сестрой, — решил Иван, — благо недалеко. Привезу. Пущай поживет недельку. Кумоха, глядишь, и задаст драпакá. Так-то, мать. Небось, сразу развеселишься. Думай, что это тебе три надписи помогли да трое суток молчанки».

На четвертый день Нина Павловна заговорила, неохотно, правда, и скупно. А когда наступил ранний вечер, почувяла, как вновь к ее сердцу стала никнуть бродяжья тоска. «Опять к Павле бежать...» Не успела об этом подумать, как скрипнули петли и в дверь с чемоданом в руке вошла ее любимая Граня.

Пять дней прожила дочь в деревне, а потом, уехав, стала едва ли не раз в неделю писать бодрые письма. Нина Павловна посветлела глазами. Появилась охотка работать много, весело, быстро.

— Ну и где твоя кумоха? — спрашивал порою Иван.

Нина Павловна улыбалась, вспоминая покрытую травкой тропу к дому всезнающей Павлы:

— Ушла, видно, на Пёршинское болото. Там ей самое подходящее место...

* * *

Прижимаются к окнам потемки. Стрекошет над печкой сверчок. Только что выключен телевизор, где шел приключенческий фильм, Сережа ложится спать. За столом — мать, сын и невестка. Обсуждают дела по хозяйству. Надо будет доделывать баню, которая строится третий год, но стоит все еще без тесовой крыши. Надо в простенке под окнами заменить гнилое бревно. Надо купить для Сережи костюмчик, так как старый стал мал. Тысячу разных «надо».

— Надо в город бычка сдать на мясо... — говорит Иван.

Раздаются в сенях шаги. Кто бы это? Отворяется дверь, и в желтой ковбойке, сбитых кирзовых сапогах с белеющими носками заходит Степан. У Ивана сжимается сердце: он предчувствует просьбу, которой и надо бы отказать, да едва ли он сможет.

Бригадир упирается взглядом в Ивана, наставительно говорит:

— За сенцом бы, а, Ваня? Не скатаешь со мной? Ежли, конечно, тебе досуг...

Лицо у Ивана выражает тоску и желание с ней совладать. Ощущая в себе неуверенность и смятение, он говорит:

— Завтра рано вставать...

Степан подмигивает ему:

— Можно и поздно. Все в нашей власти. Так что давай, не бойсь!

Они уходят, и вскоре под окнами раздается такой оглушительно-властный треск, словно кто-то по бревнам стал раскатывать дом.

Трактор, щупая фарами путь, направляется к отводку, за которым тускло желтеет овсяное поле. На душе у Ивана смутно. Ему бы сейчас отдыхать. Полистать бы скопившуюся за месяц пачку газет. Посидеть

бы один на один со своими думами на крылечке. Сходить бы к Ваське Полоротёнку за пушистым щенком, которого тот обещал на прошлой неделе. А тут поезжай куда-то за сеном.

Волокуши, прицепленные за шкворень, собирают дорожную пыль, скрежещут на твердом, как камень, суглинке. На траках подплясывают песчинки. Иван вздыхает. Лязг тракторных башмаков и скрежет полозьев ложатся на сердце чем-то гнетущим и беспокойным.

Проехали поле, осиновый перелесок, повернули к пойме реки. Всю дорогу Степан пытается развлекать забавными случаями из жизни. Но Иван, хотя и поддакивает ему, в суть рассказов совсем не вникает. Он думает...

Приехали на поляну. На середине ее такой аккуратный и гладко причесанный стог, что даже трогать его неудобно. Навивая сено, Иван отвлекся от нудных дум. Он разогрелся, повеселел и стал так бойко пошвыривать сено, что Степан, стоявший на возу, замахал на него руками:

— Полегче! Э-э! Полегче маленько!

В деревню вернулись часа через два. Воз поставили на дворе, против открытых поветей, где, приготовясь к приему сена, стояли Степановы мать и жена. Разгружали при свете фар. Половины не разгрузили, как слышался оклик:

— Степан Аверьянович!

Иван вздрогнул и разглядел одетую в белый красивый плащ высокую практикантку, приехавшую в их колхоз две недели назад. Ах, как нежно забилося сердце! Будто встретил он ту невозможно-далекую, о которой всю жизнь мечтал и ни разу еще не видел. Он знал, что звать ее Машей, что она учится в Вологде в институте, и что пробудет у них на практике с месяц. Не ведал Иван, о чем толковала она с бригадиром. Кидая пласты шуршащего сена, украдкой поглядывал на нее, на боязливо-тонкие плечи, удлиненное худенькое лицо и большие глаза, в которых сияла слабая улыбка. Становилось Ивану робко и неуклюже. Он ощущал, как входила в него небывалая радость, которую он никому, наверное, не откроет.

Практикантка ушла, и Ивану стало спокойней, исчезло ненужное напряжение. На ум приходила Галина,

его жена. Баба пригожая и характером, и лицом. Но нет в ней того, что бы так его радостно волновало. И никогда не было.

После разгрузки Ивану хотелось бы сразу домой. Но сделать такое, значит, настроить против себя Степана. Пришлось заходить.

На кухне накрытый стол. На нем объятый облаком самовар. Водка в светлых бутылках. Блюдо вечерних щей. Мясо в плошке. Соленые грузди. Соленые огурцы. На вышитом полотенце рыбки и оладьи. Умеют в Великом Дворе угощать тракториста.

Иван прикидывает в уме, что всего в деревне сорок четыре хозяйства... Значит, самое малое, сорок четыре раза придется ему садиться за стол и глушить стаканами водку. Иван приуныл. Бригадир, это заметя, весело подмигнул:

— Я ведь силóm, Ванюха, пить тебя не неволю. Ежели хочешь, бери деньгами!

Иван так бы втайне себе и желал, но после Степанова предложения, ему становится неудобно, и он поспешно садится за стол. Без всякого тоста, за просто живешь, выпивает один стакан. Потом и второй. Бригадир и третий уже наполняет, но Иван отстраняет стакан рукой:

— Не, не... Завтра, кажись, надо работать...

Пошатываясь, с гулкой гудящею головой идет по стемнелым проулкам. «Опять нахлебался,— думает с грустью.— А опять отчего? Да опять оттого, что я тракторист и каждому нужен, как воздух. Может, с трактора-то сойти. В сам деле? Покуда не поздно. Ведь винолюбцем-то стать больно легко...» Но он понимает, что с трактора не сойдет. А если сойдет, то снова вскоре к нему вернется. Хорошо, когда человек решает однажды и делает, как решил. Иван же этого не умеет.

В избе такая чужая, такая нездешняя тишина, будто ее притащили сюда из самых глухих закоулков. С кровати встает Галина. В широком лице, хмуром взгляде, пальцах, щупающих бусы на шее, тот извечный бабий упрек, от которого портится всегда настроение.

— Не все вино-то еще улакали?

— А что делать-то было? — оправдывается Иван.— Я не хотел.

Галина снова ложится в кровать. Ей завтра в четыре утра на ферму. Сонным голосом говорит:

— Матерь опять убежала к Павле.

— От кумохі?

— От нее...

Иван садится на лавку. Расстроен. Грудь его жалостью распирает. Жалостью к матери, которую надо снова спасать, а как это сделать, он совершенно не знает.

— За тобой из конторы еще прибежали,— сообщает, зевая, Галина.

— А что там стряслось?

— Приехал нарочный из района Ты, говорят, на закладке силоса хорошо поработал. Почетную грамоту будут давать.

— А куда их девать? Грамот-то этих полон сундук,— бормочет Иван, а сам не верит своим словам. Как всякому мужику, которого хвалят за дело, ему немного бахвалисто, гордо.— А премии не сулили?

— Будет и премия,— обещает Галина,— только помешкать надо. Не все тебе сразу.

Иван доволен и этим. Душу его наполняет теплом. Он готов подождать и премии и другой еще более важной награды. Как знать?! В будущем все возможно. Он встает и глядит в окно, за которым на переулках, заборах и крышах расположилась на отдых ночь.

Ночь над Великим Двором. Она ласкова и печальна, у нее разноцветные сны, в которых живут и действуют люди. Всякие люди, и каждый из них со своей запредельной мечтой, болью, радостью и надеждой.

ВЛАДИМИР СТЕПАНОВ

ВОЛОГОДСКОЕ МАСЛО

Масло несоленое и соленое, масло шоколадное, сливочное масло высшего сорта! Чего еще желать! Но если вы увидите в витрине гастронома масло вологодское, то купите непременно его. Разница в цене — копеечная, а во вкусе, аромате — весьма ощутимая. Это знают и не гурманы. Вологодское масло — гордость жителей области. Слава его устоялась давно и распространена широко. Разговоритесь с моск-

вичем, жителем Прибалтики, даже Сибири, и вам скажут: «О! У вас такое чудное масло!»

Всякий пищевой продукт должен быть питательным и вкусным. Если подходить с этим обыденным требованием к маслу вологодскому, то оно окажется в гордом одиночестве, как явление чрезвычайно высоких и оригинальных качеств. Всеми, в том числе и самыми придирчивыми специалистами и дегустаторами, оно оценивается более высоко, нежели масло сливочное высшего сорта, хотя в том и другом содержится 82,5 процента жира и полтора процента белка. Но вкус, аромат... Они в данном случае все и решают.

Как и любой предмет или продукт столь замечательных свойств, но вырабатываемый в заводских условиях, масло вологодское заявило о себе не сразу. Оно имеет свою историю, в которой богаты фактическим ма-

териалом такие главы: возникновение и география производства, накопление опыта, развитие технологии и материально-технической базы. История сама по себе уже есть, но лишь в памяти отдельных людей, отрывочными кусками. С подразделением на главы и с соблюдением хронологии она еще не написана. А жаль, потому что интересные факты могут забыться.

Я не ставлю своей целью сказать о масле вологодском все. Это было бы не по силам одному человеку. Мне хочется лишь кратко рассказать о находках и открытиях старых мастеров, о достижениях сегодняшних маслоделов и о проблемах, нерешенных хозяйственных вопросах, которые сдерживают производство.

Итак, немного истории. Во-первых, вологодскому маслу исполнилось сто лет. Именно в первой половине 70-х годов прошлого века была разработана технология его выработки. Во-вторых, Вологодчина — родина отечественного маслоделия.

Промышленная переработка молока в Вологодской губернии началась еще раньше — в 1835 году, когда были основаны два первых завода в Кадниковском и Вологодском уездах. В последующие двадцать лет начали действовать еще восемь заводов в западной части губернии. Деньги в новое дело вкладывали помещики и промышленники-капиталисты.

Однако в первой половине прошлого века на заводах вырабатывались лишь сыры, да и то с иностранными названиями и по чужим рецептам: голландский, швейцарский... Сливочное масло тоже получалось, но — случайно, из закисших сливок и молока, которые уже не годились для сыроделия. Случайности эти считались нежелательными. Оттого сливочное масло было чрезвычайно дефицитным.

В 1871 году частный предприниматель Буман основал завод на территории нынешнего поселка Молочное. Он-то и стал первым специализированным маслодельным предприятием не только на Вологодчине, но и во всей России. Буман же первым приобрел и начал использовать сепаратор для отделения сливок от молока. На заводе ежегодно перерабатывалось до 500 тонн молока, которые Буман брал на своих фермах и у сотен крестьян. При заводе действовала школа мастериц маслоделия. Надо сказать, что в начале нынешнего века

в губернии широкое распространение получили и крестьянские маслодельные артели, организованные на кооперативных началах. Сообща крестьянам легче было вести дела с перекупщиками.

Буманский завод просуществовал довольно долго: лишь в 1911 году его передали со всем хозяйством создаваемому тогда Молочному институту. Закрылся он в 1916 году, когда на смену встало новое механизированное предприятие.

Однако само понятие «масло вологодское» связано с именем череповчанина Н. В. Верещагина — брата знаменитого художника-баталиста. Именно он разработал, или открыл, технологию его получения. Доцент М. Шубин в одной из своих заметок, опубликованных многотиражкой Вологодского молочного института, пишет, что об этом факте сообщалось еще в 1907 году в журнале «Молочное хозяйство» (№ 17). Он же рассказывает, что заслуженный деятель науки и техники профессор А. А. Калантар в своих лекциях, прочитанных в 1921—1923 годах студентам второго выпуска Вологодского молочного института, о происхождении масла вологодского говорил следующее. В 1870 году на Всемирной выставке по молочному хозяйству в Париже особое внимание привлекло масло, обладающее ярко выраженным, очень приятным вкусом и ароматом, несколько сходным с ореховым. По мнению тогдашних специалистов и экспертов, а в числе их видное место занимал Н. В. Верещагин, вкус и аромат передавались молоку, а затем и маслу некоторыми видами трав, произраставших в Нормандии, откуда и было доставлено заинтересовавшее всех масло.

Основатель российского молочного дела Н. В. Верещагин решил, что оригинальное масло можно получать и у нас, хотя травостой пастбищ Вологодчины имел совершенно иной ботанический состав. Предстояло все опробовать, испытать, найти оптимальные решения. Верещагин беззаветно отдался делу. И помогла ему, возможно, стряпшая беда. В 1875 году из Вологодской губернии впервые была отправлена за границу первая партия коровьего масла. Ни много ни мало — тысяча бочонков. И всю продукцию, на которую возлагалось столько надежд, европейцы забраковали. От масла пахло не орехом, а... болотом.

Причину неудачи нашли быстро. Вспомнили, что масло промывали сырой водой. Наперед решили: воду надо кипятить. А для верности начали кипятить и сливки. Взбили из них масло, попробовали на вкус и... явственно услышали в нем специфический и такой желанный ореховый аромат. Так родилось масло вологодское. Его неповторимые качества вот уже сто лет покоряют зарубежных и отечественных специалистов. За ним охотятся гурманы.

Конечно, и до этого случая Н. В. Верещагин вел планомерные целеустремленные поиски. Для масла отбирал только свежие доброкачественные сливки. Крайне заботился о чистоте исходного сырья и посуды. Вероятно, он верил и в прекрасные травы пришекснинских заливных лугов. А факт кипячения и его результаты, видимо, и навели его на мысль еще и о необходимости пастеризации сливок.

Пастеризация — это подогревание сливок в закрытой посуде при температуре 80—85 градусов для предохранения их от скорой порчи. Теперь этот прием обычен. Но в те годы он был новшеством для маслоделов всего мира. Кипячение или подогревание принесло двойную пользу: и сливки стало возможным сохранять какое-то время, и, главное, в них при пастеризации образовывался тот заветный привкус, запах, аромат.

Дело было сделано, загадка разгадана. Это можно бы квалифицировать и как замечательное открытие ученого и практика. Но в то же время утвердилось мнение, что травы вдоль реки Шексны имеют своеобразный состав и влияют на вкус молока и масла. Конечно, тут есть доля истины. И надо бы научно проверить догадку, разработать какие-то рекомендации, взять на учет луга и другие уголья с особым травостоем. Только не дошли до этого руки.

Масло, выработанное новым способом, Верещагин назвал, вспоминая о том нормандском на выставке, парижским. Оно быстро завоевало европейскую славу. Но там, за рубежом, его называли петербургским. Наверное, оно все же отличалось по вкусовым качествам от нормандского, вдохновившего на поиск Верещагина. В этом даже нет сомнений: молочные продукты живо впитывают в себя все запахи окружающей среды, а природная среда в Нормандии и под Вологдой, конечно

же, весьма различна. Да и само по себе, без сравнения с другим, вологодское масло оказалось уж очень вкусным, приятным, неповторимым, каким остается оно и по сей день.

Но лишь спустя много времени, на нашей памяти, в начале сороковых годов, новому сорту масла дано справедливое название — вологодское. И сразу же накрепко укоренилось. Иначе и быть не могло. Вологодчина — его родина, здесь началось широкое отечественное его производство. Ученые с большой уверенностью утверждают, что впервые парижское, петербургское, вологодское (!) масло было получено в усадьбе Фоминское, которая впоследствии влилась в известный поселок Молочное. И это не дань борьбе с космополитизмом, а неоспоримый факт. Вологжане, щепетильно относясь к оценке полузабытых событий, предпочитают о них много не говорить, не набивают себе цену, на что их толкает то ли излишняя скромность, то ли недовольство сегодняшним положением дел.

Проживающий в Москве инженер-технолог молочной промышленности А. Кишкин пишет и о других заслугах вологодских маслоделов. В 1936 году череповчане же стали инициаторами выработки масла поточным способом. До них на такое не отваживался никто в мире. А они дали отставку традиционной маслобойке. Сначала сливки нагревали до 75—80 градусов, потом повторно сепарировали и получалось... готовое масло. Новую технологию стали быстро перенимать другие заводы.

Однако сливочное масло, выработанное по этой технологии, приглянулось не всем потребителям. Некоторые придирчивые домохозяйки хотели иметь только старое масло, потому что новое легче растворялось в воде. Недостаток казалось бы не столь уж и значительный. Но что поделаешь? Традиции, привычки и вкусы людей надо уважать. Да и стремление сделать продукт наиболее качественным у маслоделов не ослабевало.

Череповчане в поисках выхода из щекотливого положения придумали добавлять в масло сахар, какао. Долго размышляли и пробовали мастер А. И. Грехова, технолог А. П. Устынюк, директор завода В. И. Варламов. И решились. В результате на прилавках впервые

появилось масло шоколадное, чуть позже — медовое. Так был получен целый букет масел со всевозможными вкусными и приманчивыми наполнителями. Иначе говоря, дело велось и профессионально, и творчески.

А немного спустя в потоке, по предложению той же А. И. Греховой, появился маслообразователь. И работа пошла на лад. К сожалению, об этих новаторах известно очень немного. В последние годы в совершенствование технологии производства масла вологодского внесли вклад профессор А. И. Чеботарев, доцент О. Г. Котова, П. М. Вишняков и другие специалисты. Теперь славный наш продукт вырабатывают не на одном десятке маслозаводов области.

Но тут следует предостеречь от ошибки. Надо понять, что вологодское масло — понятие не географическое. Его уже научились вырабатывать в ряде других областей и республик страны. Повторяю, вологодское масло — это сорт, поставленный выше сливочного несоленого масла высшего сорта за его особенный аромат.

В сентябре 1974 года в Чернигове приводился Всесоюзный смотр-конкурс качества сливочного масла. На суд жюри представили образцы своей продукции многие республики и области. Свое вологодское масло показали даже украинцы, молдаване, прибалтийцы. И все же победили на конкурсе вологжане. Диплома первой степени удостоена продукция головного завода Кичменгско-Городецкого района, которой тут же был присвоен Государственный знак качества. Так оценен большой труд коллектива, возглавляемого опытным мастером В. Н. Степановой.

Впрочем еще раньше, в 1973 году, на Государственный знак качества аттестовано вологодское масло Шекснинского головного завода, где уже более двадцати лет работает мастер высшего класса Р. К. Рынцева, отмеченная за уменье и успехи орденом Ленина.

В 1974 году на этом предприятии выработано 625 тонн сливочного масла, в том числе вологодского — 558 тонн, а со Знаком качества — 300 тонн. Это высочайший качественный показатель. И не вина шекснинцев, что на Всесоюзном смотре-конкурсе они не взяли главную награду, а оказались лишь в числе призеров. Дело в том, что в зимнюю пору, когда практически не бывает добротного сырья, шекснинцам было приказано

дать крупную партию вологодского масла. Посокрушались они и выполнили указание без надежды на успех. И получили рекламацию. А это уже черное пятно в биографии, о котором на конкурсе, конечно, знали. Обидно, но факт. Как хочется, чтобы такое больше не повторялось!

И все же результаты у шекснинцев превосходные. А достигли ли они потолка? Нет. Можно согласиться, что травы пришекснинских лугов особенны и как нельзя лучше соответствуют задачам увеличения производства вологодского масла. Но исходного условия еще недостаточно для достижения конечной цели. Надо ведь, чтобы молоко и сливки, доставляемые с ферм на завод, были свежими, отвечали стандартам по чистоте, кислотности, содержанию бактерий. И тут с грустью приходится говорить, что эти первичные и совершенно непреложные требования соблюдаются еще весьма небрежно, а нередко не соблюдаются вовсе.

За критерий оценки качества сырья давно надо бы принимать новый ГОСТ на молоко и сливки. Но в 1975 году в Вологодской области он еще не был введен. В итоге оказывалось, что молока первого сорта, то есть пригодного для производства вологодского масла, на Шекснинский маслозавод поступает не более 7—8 процентов от общего количества. Из колхозов и совхозов очень много везут молока несортového, которое можно вообще не принимать. Порой его оказывается от 30 до 40 процентов. Так что благоприятные возможности — и луга, и новое оборудование, и бесценный опыт мастеров — используются все еще на малую толику. Несортového или низкосортového сырье приходится перерабатывать на другую продукцию, которая тоже, безусловно, нужна. Но другую лучше бы делать там, где не умеют и не смогут приготовить масло-шедевр.

Где и почему портится молоко? Ведь в коровьем вымени перед дойкой и в процессе дойки оно имеет такое качество, которое в полной мере соответствует требованиям производства вологодского масла. И, будучи выдоенным в чистую посуду с соблюдением элементарных санитарно-гигиенических правил, конечно, продолжает оставаться таким. Где же прорехи, сквозь которые утрачивается первоначальная чистота и ценность молока?

Я впервые задался таким вопросом. А спутник мой — начальник областного производственного объединения молочной промышленности Б. А. Никаноров, с которым мы как-то раз были в командировке, все тонкости и «узкие места» знал давно. Приехали мы на ферму Иванково колхоза «Шексна», где содержалось 120 коров. В молокоприемной застали бригадира комплексной бригады В. А. Сямичева, человека пожилого, бывалого руководителя. Колхоз этот в Шекснинском районе, как и район в области — далеко не на последнем месте по животноводству и молочному хозяйству. Люди тут с опытом. Сямичева мы спросили, почему с фермы идет низкокачественное молоко. Ответил он просто:

— А как сядет наша доярка доить, так и начинается порча молока. Вымя по-настоящему не подмывают. Доярки в одном и том же черном халате и коров доят, и корма раздают, и навоз убирают.

— Почему же не разъясняете, порядок не наводите?

— Надо бы, конечно, принимать меры, — соглашается бригадир, но говорит это таким тоном, словно «меры принимать» должен кто-то другой, а не он.

Примерно такую же картину увидели мы и в соседнем, считающемся передовым колхозе «Пример». Здесь есть внутрихозяйственные асфальтовые дороги и много другого, поучительного для аграрников Северо-Запада. А вот на крупной ферме Игнатовской, где содержится 200 коров, не было элементарного порядка. Внушительно выглядели на ферме котельная и всяческое другое новое оборудование, смонтированная импортная установка по приемке и охлаждению молока типа «Импульс». Смонтирована несколько лет тому назад — и ни одного дня не работала. Что это? Единичный факт бесхозяйственности? Нет. По данным государственной инспекции закупкам и качеству сельхозпродуктов, в Шекснинском районе в то время имелось одиннадцать подобных установок, но ни одна из них не действовала. Сотни тысяч рублей, затраченных на покупку «Импульсов», не давали отдачи. Никто своевременно не позаботился об обеспечении установок фреоном, без которого они и не могут работать. По области же имелось около 300 различных холодильных установок, смонтирован-

ных на фермах. Эксплуатировались из них лишь несколько десятков.

Итак, молоко портилось и портится уже на фермах. Кто пытается охладить его в примитивных ледниках, кто — в колодцах. Но делается это без особого энтузиазма.

В области есть подрядные организации, созданные для того, чтобы монтировать и вводить в эксплуатацию всяческие системы механизмов на животноводческих фермах. Давно существует и производственное объединение «Сельхозтехника», которое обязано взять всю эту механизацию на техническое обслуживание и отвечать за каждый день простоя. Но вывесок много, а толку мало. Принимаются новые обязывающие решения. Высказываются надежды на лучшее будущее... Много лет подряд. А охлажденного первосортного молока с ферм все так же поступает лишь несколько процентов от вала.

Но это еще не все. Молоко теряет качество и в пути от фермы до перерабатывающего его завода. На селе еще мало хороших дорог. Остро недостает и специального автотранспорта. В 1974 году областное объединение молочной промышленности заказывало 84 автомобиля-молоковоза, а получило 22. В 1975 году ему было обещано 19 автоцистерн из 108 запрошенных. В результате молоко слишком долго движется от фермы до маслозавода. Вот и получается, что перерабатывающие предприятия объединения получают лишь 6—8 процентов сырья, пригодного для изготовления вологодского масла.

В то же время не изжиты еще случаи снижения качества молока в приемной сети самого объединения. Чаще всего это бывает на устаревших сепараторных отделениях, разработанных по десяткам и сотням отдаленных деревень. Эти пункты нередко размещены в плохо приспособленных помещениях: водогрейках, боковушках, пустующих избах. В них еще далеко не все производственные процессы механизированы. На многие пункты молоко поступает лишь с двух-трех ферм, по несколько бидонов в день. Дает еще знать о себе старая раздробленность, с которой должна вестись и ведется борьба.

Осмотрели мы один такой пункт в деревне Дьяко-

новской Шекснинского района. Расположен он рядом с бетонной дорогой в семи километрах от головного маслозавода. Содержание пункта — расходы на зарплату двум работницам, на дрова, ремонт и уборку помещения, амортизацию оборудования и т. д. — обходится в две с половиной тысячи рублей в год. В месяцы весенней и осенней распутицы к нему не всегда проьбьешься и на тракторе. И тогда колхоз везет молоко по бетонке на завод — хорошо и быстро. Сама собой возникает наиболее рациональная прямая связь: ферма — перерабатывающий завод. Но чуть подвысохнет грязь на подъездном пути к пункту — опять идут к нему машины и подводы. Сама жизнь подсказывает: пункт надо закрыть, получится большая выгода. Но... противятся районные и колхозные власти. Причина одна: со «своего» сепараторного пункта можно побольше взять обрата. Но ведь обрат можно завозить тем же транспортом с завода! Примеров таких по области — десятки. Трудно поддаются перестройке сложившиеся представления...

Между тем сепараторные приемные пункты фактически превратились в карликовые перевалочные базы. А ведь давно известно: при перевалке продукта неизбежны его потери и порча. Тем более такого тонкого продукта, как молоко, да еще в обветшалых неприспособленных помещениях.

Именно по этой причине молочная промышленность области нуждается в организационной перестройке, в укрупнении и наращивании мощностей, в ускорении технического прогресса. Предпринимаются некоторые усилия, но сдвиги пока малозаметны. Объем заготавливаемого молока год от году растет, а мощности по его переработке практически остаются на одном и том же уровне. В пору «большого молока» люди на заводах работают намного больше законной нормы.

Строительство новых объектов взамен развалившихся или сопревших деревянных, реконструкция устаревших ведется в основном на ссуды Госбанка и зачастую хозяйственным способом. Это и усложняет, и затягивает дело. Чтобы поставить его на подрядную основу, освободить маслоделов от не свойственных им строительных функций, еще в 1966 году в области была

создана общестроительная передвижная механизированная колонна (ОПМК) московского треста «Росмясомолстрой». Было время поставить ее на ноги, создать базу, научить и заставить людей выполнять свои задачи. Однако ничего этого не сделано. Возлагавшихся на нее надежд ОПМК не выполняла и не выполняет. Кстати, не стала она за эти годы и ни передвижной, и ни механизированной. Слова эти зафиксированы лишь на вывеске да на бланках с казенным грифом.

Трест весьма странно планирует деятельность своей Вологодской ОПМК. Так, в 1966 году она должна была произвести строительные работы на 700 тысяч рублей. Этот план колонна выполнила тогда на 11 процентов. В следующем году план был увеличен более чем в два раза — до 1505 тысяч рублей. Выполнен он был на 20 процентов. Видимо, после такого конфуза руководители треста поняли, что действуют не совсем научно и разумно. План колонне стал то резко снижаться, то увеличиваться, а к 1974 году он был доведен до исходного уровня — семисот тысяч рублей.

Может быть, этой ОПМК нечего делать в области? Ни в коем случае! Одно областное объединение молочной промышленности могло бы дать ей работу на миллион рублей, на столько же — предприятия мясной промышленности, да и другие заказчики нашлись бы. Но колонна остается маломощной и неподвижной.

Нужна строителям техника. А ее — кот наплакал. И трест не помогает. Еще больше необходима собственная база строительной индустрии: завод железобетонных изделий и конструкций, цех сборных деревянных конструкций и «столярки» для типовых сепараторных пунктов и заводов. В Министерство мясной и молочной промышленности из Вологодской области уже много раз высылались обоснованные предложения по созданию такой базы мощностью и на полтора, и на два миллиона рублей в год. Но эти бумаги прочно осели в ящиках министерских столов.

Мало у ОПМК жилья. Пришла бы в нее на работу молодежь, да нет общежития, и средств на его строительство министерство не выделяет. Оттого в ОПМК 21 человек управленческого персонала и всего около 40 постоянных кадровых рабочих.

— Так жить нельзя! Нас надо либо развивать, либо

закрывать, — говорит начальник колонны В. И. Лето-вальцев.

Оттого колонна почти каждый год вынуждена прибегать к услугам сезонников. Эти люди в большинстве работают старательно, стремясь использовать время с наибольшей пользой для себя. Но сезонники не могут решить всех проблем строительной организации. Они лишь временные помощники. Колонне нужны опытные постоянные кадры, знающие специфику работы. Только тогда она будет способна решать стоящие перед ней задачи, которые год от года будут усложняться.

Снова пишутся письма о производственной базе ОПМК. Но вдруг выяснилось, что и развивать-то ее нельзя, потому что оказалась она в зеленой зоне Волго-Балта, где не может быть и речи о строительстве завода железобетонных изделий или ему подобного. И это у всех на глазах, в то время, когда пришла пора без проволочек выполнять Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о дальнейшем развитии сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР, где ведущую роль должно сыграть молочное и мясное животноводство и не последнее место могло бы занять производство вологодского масла.

Для базы ОПМК можно бы, конечно, найти другое место. В ближайшее время перед ней встанут более ответственные задачи. Определяются и уточняются планы сооружения и сроки введения в эксплуатацию новых мощностей по переработке молока. Многие из намеченного отражено в мероприятиях по выполнению постановления о Нечерноземье. Но утвержденные сверху планы далеко не в полной мере учитывают назревшую необходимость в новом строительстве и реконструкции предприятий молочной промышленности. Предложения и просьбы вологжан на этот счет оказались поддержанными едва ли наполовину.

Вологодское масло сейчас могут вырабатывать 20—22 предприятия области. В 1974 году его было реализовано 1855 тонн из общего количества сливочного масла 11998 тонн. Это крайне низкий процент. Еще несколько лет тому назад вологодского масла производилось в два раза больше. В чем дело? Ведь сырье хоть и не отличное, но много хуже не стало. Да и экономии-

чески это масло заводам выгодно. Каждая его тонна, по сравнению со сливочным маслом несоленым высшего сорта, обеспечивает при равных производственных затратах 200 рублей дополнительного дохода. Почему же упала его выработка?

К тем неурядицам, о которых сказано выше, надо добавить и другие, не менее существенные. Вот одна из них. В последние годы вологжанам резко повышен план производства масла крестьянского. И его надо выполнять — требуют строго.

Можно понять ситуацию, когда в связи с трудностями в ресурсах возникает необходимость насыщения торговой сети маслом крестьянским. Но задачу по увеличению его выпуска можно бы возложить на другие области. А вологжанам надо бы не только предоставить возможности, но и создавать благоприятные условия для того, чтобы они занимались своим трудным, но традиционным и добрым делом, совершенствовали его. Иначе ведь можно погубить опыт, который в течение века пестовали лучшие мастера и вывели свою продукцию на уровень мирового стандарта. А вернее сказать, и стандарт-то этот определяется качественными показателям вологодского масла.

Видимо, живуча у плановиков привычка действовать по принципу: всем сестрам по серьгам. Так-то и оправдаться легче, и справедливым сам себе кажешься. А главное — не надо думать и что-то доказывать. Вот и заставляют они вологжан выпускать масло крестьянское. Им думается — никто не обижен.

И еще причина. Колхозы и совхозы области, имеющие товарное молоко, до сих пор поделены на три зоны. В одной заготовителем выступает производственное объединение молочной промышленности, в другой — Сухонский молочно-консервный комбинат, в третьей — завод при Молочном институте. Три этих крупных заготовителя и производителя подчинены трем разным хозяевам соответственно: Министерству мясной и молочной промышленности РСФСР, Министерству мясной и молочной промышленности СССР и Министерству сельского хозяйства СССР. Как ни странно, у каждого хозяина свой подход к делу, свои задачи, свое снабжение и материально-техническое обеспечение. О воло-

годском масле думает лишь первый из этих хозяев, да и то мало. Многие тысячи тонн молока, заготовленные и пригодные для производства вологодского масла, становятся сырьем для другой продукции: сыра, молочных консервов и т. д. Все это мешает проводить единую техническую политику в молочной промышленности области, тормозит прогресс.

Есть и другие трудности, которые заставляют мастеров задаваться грустным вопросом: а стоит ли сегодня вырабатывать вологодское масло, не повременить ли? Суть тут в том, что срок реализации этого нежного продукта — месяц. На 32-й день после даты выпуска оно автоматически (без проверки качества) переводится в масло несоленое высшего сорта, хотя, как отмечают специалисты, специфические вкусовые качества его сохраняются еще долго. А как собрать из разбросанных на сотни километров друг от друга заводов — и это при бездорожье — из вологодской глубинки свежее масло, как «подбросить» его к транспортной магистрали в охлажденном виде да загрузить им полный (!) вагон — неполный вагон не примет к перевозке железная дорога? Нежный продукт выдерживает несколько перевалок с одного вида транспорта на другой, обеспечить ему при этом постоянную минусовую температуру не всегда удается. До Москвы, к примеру, где есть фирменный магазин «Вологодское масло», оно доходит уже в возрасте двух, если не больше, недель. А там опять перевалки: базы, склады, магазины... Без потерь на этом тяжком пути не обходится. Выручили бы авторефрижераторы, пустить бы их вдоль Вологодчины с маршрутом на Москву, и масло двухдневного срока было бы в магазинах. Но их не дают Вологде, сколько ни было писано заявок, ни высказано доказательств.

В последнее время обстановка в молочном деле круто изменяется. Повсеместно говорят о комплексах, молочных фабриках. Они уже строятся, а некоторые введены в эксплуатацию. И надо же! Проекты их утверждены в министерствах, несмотря на то, что в них зачастую не предусмотрены даже сепараторы-очистители, оборудование для мойки посуды, технологический транспорт. Проектанты делают их как можно больше удешевленными. Никто не подумал о том, что

молоко с этих фабрик может (и должно!) использоваться для выработки вологодского масла.

При осуществлении программы перестройки сельского хозяйства Нечерноземья Вологодскую область хотелось бы видеть центром высококачественного маслоделия, школой передового опыта для соседей. Это вполне логично. И реально. Кому же идти в голове колонны, как не мастерам, имеющим уникальный вековой опыт, патриотам, преданным своему делу беззаветно. Это и надо учесть тем, кто определяет судьбы и географию размещения маслодельного промысла в нашей стране.

ДМИТРИЙ КУЗОВЛЕВ

ЗАБОТЫ СЕЛЯНИНА

I

Что и говорить, нелегко живется нынешнему председателю колхоза. Хозяйство у него большое, хлопотное. Встает он чуть свет, дел всегда по горло. Идет ли посевная, наступит ли страдная пора заготовки кормов и уборки урожая, придет ли на землю зима (о которой у иных городских людей бытует представление, что это самая отдушина, когда крестьянину впору удариться в спячку), — сколь-

ко забот и тревог приносят они председателю. Продукцию вырасти, убери, сдай. Корма заготовь и в срок и впрок. Бригадиров в свои планы посвяти, убеди, специалистам обо всем расскажи. Удобрения приготовь, сохрани, вовремя вывези на поля. Запчасти, стройматериалы достань, о фондах подумай, договора нужные заключи... Фонды на стройматериалы выколотил — теперь подрядчиков найди, проектантов разыщи, все дела с ними обмозгуй, уладь. А если не удалось какое-то дело, на кого тогда взваливает председатель все беды? Конечно, на районные организации.

...И вдруг такого хозяйственника однажды ставят во главе района. Словно предлагают: а ну, побудь, дескать, теперь в нашей шкуре!

Раньше председательская голова болела за тысячи центнеров, теперь секретарская печалится за ты-

сячи тонн. Но не в тоннах, однако, дело. Для того, чтобы заполучить эти тонны сельскохозяйственных продуктов, нужно организовать труд людей, устроить их жизнь, распорядиться толково землей, машинами, удобрениями, наладить уход за скотом, короче — организовать нормальное течение социально-экономической жизни целого района.

Шекснинский район, правда, не очень велик, однако же и не мал. Расположен он в центральной части Вологодской области, близ города Череповца, нашей знаменитой северной Магнитки. С севера на юг район пересекает водная магистраль — Волго-Балт, с востока на запад прорезает недавно построенная автодорога Вологда—Ленинград. Территория района составляет 2,5 тысячи квадратных километров, из которых одна треть — водные просторы с рыбой, дичью.

Пашни насчитывается 47 тысяч гектаров, еще столько же лугов и пастбищ, 400 сел и деревень объединились в 19 колхозов и совхозов, которые содержат свыше 29 тысяч голов крупного рогатого скота, до 4 тысяч свиней и свыше 5 тысяч овец. Не перевелись и лошади — есть чистопородные рысаки. Но на полевые работы выходят теперь 800 тракторов, до 250 зерновых и льняных комбайнов, сотни силосных, картофелеуборочных и других машин. Всего населения в районе 33 тысячи человек, из них на селе около 20 тысяч, выходит на каждую деревню в среднем по 50 жителей. И хотя сельских рабочих насчитывается чуть более пяти тысяч человек, управляемся с сельским хозяйством не хуже других северных районов.

Растет урожайность полей, поднимается продуктивность животноводства. 1972 год ые в счет, так как был он для нас на редкость засушливым, а вот в 1971 году собрали с каждого гектара по 20,2 центнера зерна, в другие годы по 16—17. От коровы обычно в среднем надаиваем по 2600—2700 литров молока. Район в 1975 году произвел 33,8 тысячи тонн зерна, 32 тысячи тонн молока, свыше четырех тысяч тонн мяса. Большие площади занимает лен. Наш район в основном колхозный, а поэтому крепко держится за эту доходную культуру. Если подсчитать в рублях, то всей продукции сельского хозяйства шекснинцы производят на 22—23 миллиона и реализуют ее на

20—21 миллион рублей в год. На десятую пятилетку запланирован прирост — 25—30 процентов, и прирост этот, надо полагать, будет обеспечен.

В районе есть и промышленные предприятия, которые реализуют продукции на 52 миллиона рублей. Но сейчас речь не о них — о сельском хозяйстве, о том, как мы с ним управляемся. И тут надо помянуть разные районные службы и организации, созданные для того, чтобы руководить полеводством и животноводством, помогать сельским труженикам: «Сельхозтехника», машинно-мелиоративная станция, «Межколхозстрой», «Сельэлектромонтаж», «Дорсельстрой», «Сельхозмонтаж», наконец производственное управление сельского хозяйства при райисполкоме. Кажется, занимайся этими учреждениями, обеспечивай партийное руководство, что называется, нажимай на «рычаги» — и дела на селе пойдут исправно. Однако нажимать не так просто и не всегда удается. На кого нажмешь, если, скажем, парку гусеничных тракторов требуется в год 15 тысяч звеньев для ходовых траков, а «Сельхозтехника» их получает 8 тысяч. Другой вопрос. Колхозы и совхозы района планируют объемы капитального строительства в три-четыре миллиона рублей (и это их крайняя нужда), а мощность строительных организаций не более двух миллионов.

Специалисты рассчитали: чтобы иметь устойчивые урожаи зерновых до 22—25 центнеров с гектара, нужно завозить не менее 35 тысяч тонн минеральных удобрений, а мы получаем только 15—16 тысяч. Выходит, и этого мало, и того не хватает.

Но «мало», «не хватает» — это еще полбеды. Можно наращивать мощности, копить силы, искать внутренние резервы. Другое дело, когда чего-то нет вовсе, не дают, вроде как не положено. Все колхозы и совхозы обзавелись собственными мастерскими. Здесь им приходится производить не только текущий ремонт, но зачастую и капитальный. Нужда заставляет. Из 800 тракторов сельскохозяйственного назначения районное отделение «Сельхозтехника» принимает в ремонт только 300 тракторов (это их посильный годовой план), 150—200 тракторов обычно не требуют капитального ремонта. И все равно на долю сельских мастерских остается немало: до 300 тракторов, почти

весь комбайновый и автомобильный парк, тысячи прицепных машин. Если прибавить к этому ремонт животноводческого оборудования, складского и сушильного инвентаря, то станет вполне очевидным, какую роль играют колхозные и совхозные мастерские. Значение сельских мастерских теперь никто не оспаривает, даже Министерство сельского хозяйства. Но вот проблема: где взять для них токарные, фрезерные, строгальные и другие станки? Была бы потребность в одном, двух станках — у шефов можно бы выпросить. Нет, десятки их нужно! А «Сельхозтехника» такое количество дать не может, ей свой станочный парк обновлять не удастся, хотя известно: на устаревшем оборудовании технического прогресса не добьешься.

Да в одних ли станках дело? Не успеет прибыть на склад «Сельхозтехники» какой-нибудь ходовой товар, а сельские инженеры тут как тут — рвут прямо из рук. Управляющий ведет ходок в управление сельского хозяйства, а то и в райком партии. «Пусть районное начальство делит фонды».

А оборудование для животноводческих ферм? Для вновь строящихся еще кое-как выделяется, а со старыми дворами одна канитель. Все ратуют за механизацию, а «механизации» этой явно недостает. Доильные аппараты делим поштучно, водопроводные трубы, транспортеры — на метры. И во все это поневоле вмешивается райком, за всем следит райисполком.

II

А что крестьянину делать? Просить городскую промышленность, чтоб та живее откликнулась на сельские нужды. Город тоже просит у села побольше молока и мяса...

Конечно, всем известно, что город не оставляет нужды села без внимания. За последнее время увеличился поток машин, удобрений, появились некоторые технические новинки, расширились объемы мелиоративных работ. Только за годы девятой пятилетки, как отметил XXV съезд КПСС, капитальные вложения государства в сельское хозяйство достигли 131 миллиарда рублей. Это вселяет в тружеников сельского хо-

зайства бодрость и уверенность, что дело будет двигаться вперед и развиваться применительно к требованиям жизни.

Однако, на наш взгляд, сейчас селу нужна не столько количественная сторона поставок и вложений, сколько качественная, то есть их комплектность и завершенность. Скажем, пахотных тракторов, зерновых комбайнов поступает на село все больше и больше, но их все больше и простаивает, так как не хватает механизаторов. Зато остро недостает землеройных машин, автокранов, экскаваторов, мощных бульдозеров, автогрейдеров, кусторезов, автосамосвалов, погрузочных средств. А это, в свою очередь, ухудшает использование людских ресурсов села, которые, как известно, не увеличиваются, а сокращаются из года в год. В нашем районе, например, ежегодное убывание рабочих рук из сельской местности держится на цифре 500—600 человек и не имеет тенденции к понижению. А средний возраст трудоспособного колхозника перешагнул за сорок лет. Поэтому нам нужны комплексы машин, к тому же более энергоемкие.

Но сложился и устойчиво держится до сих пор неверный взгляд на колхозы и совхозы: им, дескать, не след иметь мощную технику, за исключением пахотных тракторов и зерновых комбайнов большой мощности. Да и эта оговорка касается скорее южных и восточных районов, а не нас, северян. И вот ни в одном из наших колхозов или совхозов нет бульдозеров, сработанных на базе трактора «С-100». Мало поступает и бульдозеров средней силы — «Т-74», «ДТ-75». Экскаваторы — только марки «Э-153». Хорошие машины, но слабоватые, непроизводительные для земляных работ. Об автокранах, мощных экскаваторах и самосвалах наши председатели не смеют и мечтать. Этих машин не хватает даже межколхозным строительным организациям. Вся землеройная техника идет только по прямому назначению — в государственные мелиоративные отряды.

А выкопать полевой пруд, насыпать дорожное полотно, отрыть силосную траншею в колхозе, совхозе все равно надо. Вот и хитрят руководители хозяйств, изворачиваются, правдами и неправдами заманивают технику мелиораторов на эту неплановую работу. Хо-

тя такое растаскивание им же во вред. Придет мелиоративный отряд землю облагораживать, а его разбазаривают по разным «шабашкам». Как говорится, один непорядок вызывает другой, а потом — дальше в лес — больше дров.

Мало достается нашим хозяйствам и погрузочно-разгрузочной техники. Видимо, в Госплане и в Госснабе полагают, что проблема погрузки и разгрузки на селе не слишком острая. Но вряд ли такое мнение справедливо. Вот, к примеру, подсчеты по нашему району. За 1975 год труженики села погрузили и разгрузили вручную 16 тысяч тонн минеральных удобрений, свыше 100 тысяч тонн органических, 60 тысяч тонн грубых и сочных кормов, всю продукцию, сдаваемую государству (свыше 50 тысяч тонн), посевной материал, лес, дрова, уголь и другие грузы — более 70 тысяч тонн. В районе из всех трудоспособных сельских работников в полеводстве и на так называемых разных работах трудится не более 1,5 тысячи человек. Если отбросить женскую половину и подростков, то грузчиками могут практически работать не более 500—600 человек. Цифра «300 тысяч тонн» ручных грузов сама по себе еще не страшна, но когда ее разделишь на 500 человек, выходит по 600 тонн на брата! Эту ношу с помощью рефрена известной песни «Эй, ухнем!» не возьмешь, не поднимешь. Даже если эти 300 тысяч разделить на все трудоспособное сельское население, и тогда выйдет по 54 тонны на человека. А эта цифра отпугивает молодежь. Не случайно от молодых людей, убегающих из села, слышишь всегда стереотипное: «Что мне тут делать, мешки ворочать?!» Сельский труженик терпеливо ждет, когда же научно-исследовательские институты досконально изучат все насущные проблемы села и обеспечат выпуск нужных машин. А пока суд да дело, пока ученые думают, селянин тоже не спит, ищет выход из затруднений, приводит в действие свои внутренние резервы, занимается творчеством. Собственно говоря, дело это тоже нужное. Нельзя сидеть сложа руки.

Что же, ищем, находим, творим. Только иные наши «находки» наводят на грустную мысль, потому что они лишний раз показывают, как еще далеко отстают некоторые институты и предприятия от сельско-

го производства. Много лет промышленность выпускает доильные установки «Молокопровод». Теперь из ГДР стали поступать похожие установки «Импульс». Они рассчитаны на то, чтобы смешивать молоко от 100, 200 и более коров, а сотню буренок опекает не одна доярка. Обезличка в труде — известно, к чему приводит. На фермах такое смешивание молока обрачивается вечной руганью, недовольством. Конечный результат — потеря материального стимула и уход с работы. Что бы институтам приглядеться к практической работе животноводов, посадить кого надо за чертежные доски и... изобрести, наконец, автоматический счетчик молока. А пока этого счетчика нет, наши умельцы-механизаторы «изобретают велосипед»: рвут «Молокопровод» на части, создают «петли» отдельно на каждую группу коров. Все это удорожает животноводческое оборудование, задерживает процесс механизации. А всего-то и дела — счетчик! Кстати, счетчик молока сейчас появился, но не тот, что нужен — он опять же учитывает «обобщенное» молоко, а его учитывать и без счетчика не трудно. Нужен для индивидуального учета!

И другого рода есть у нас изобретения. Известно, например, что основная масса соломы идет на корм скоту. Предпочтительнее, когда она подается в запаренном виде. Но промышленность выпускает такие запарочные котлы, которыми редко кто пользуется. Котлы маленькие, неудобные, емкость их обеспечит в лучшем случае запаркой группу коз, а не коров, к тому же весь производственный процесс рассчитан на тяжелый физический труд. И опять же сельские механизаторы изобретают свои запарочные агрегаты, приделывают к ним транспортеры, подводят пар, воду.

А сколько забт у сельского труженика со льном. Северный шелк не даром дается. Любая крестьянка знает, что он до восьми раз побывает в ее руках, прежде чем попасть на перерабатывающие заводы. Сев, химическая прополка, уборка, околот и расстил льна теперь механизированы. А вот сьем, перевозка и сортировка льнотресты еще производятся вручную. И это сводит на нет эффект, получаемый от механизации первых пяти операций. Кроме того, работать вручную со льном умеют только престарелые колхоз-

ники, молодежь этому не хочет учиться. Руководители хозяйств заявляют в один голос: «Вот отойдут от дел бабушки-дедушки на селе, кто будет возиться со льном, если к тому времени не подоспеет комплексная механизация?» Не случайно поэтому посевы льна в северных областях с каждым годом сокращаются. Совхозы специализированных трестов первым делом изгоняют эту канительную культуру начисто с поля. Хоть и рентабельна она, но очень уж трудоемка.

Нас, сельских руководителей, беспокоят и некоторые организационные неурядицы. Возьмем самое наболевшее — строительство на селе. Невелики наши собственные силы, но и они на городской манер разрозненны, то есть так «заспециализированы», что подчас за трубой не видно завода, а за конторой — предприятия. Нет, мы вовсе не против специализации (и об этом еще скажем), но всему свое время и разумный предел. Разумная специализация — добро, но поспешность ради моды порождает только зло. Взять, к примеру, районные организации «Межколхозстрой», «Дорсельстрой», «Сельэлектромонтаж» и просто «Сельхозмонтаж». У всех есть техника, гаражи, свои конторы имеются, а в них начальники контор, специалисты, замы и помы сидят. Зачем все это? Разбрасываем только силы. В летнюю пору эти организации еще полнокровны, так как обрастают сезонной рабочей силой (из шабашников), а зимой, почитай, одни конторы и остаются. Взять бы да объединить их в одно управление, не нарушая внутренней производственной специализации. Тогда контора — одна, база — одна, и все ресурсы — в кучу. Руководство и снабжение сосредоточить в одних руках. Сила! Действуй, маневрируй и техникой и всеми другими ресурсами, благо поле действия одно — село.

Нельзя, говорят, — специализация. И вот на пути живого, нужного дела то и знай встают ведомственные перегородки, не всякому удастся обйти их или объехать. Повторяю, мы не против специализации; вот когда строительной техники будет в достатке, тогда и межколхозным организациям можно поступать на городской манер. А сейчас иной раз выходит, что специализация становится синонимом мельчания и распыления.

Уже несколько лет существует Министерство сельского строительства. Министерство нужное, и создавалось оно на радость селу. Объемы строительно-монтажных работ его исчисляются теперь миллиардами. Только нашим колхозам, мягко говоря, от этого пока не слишком много радости. Для государства, для народа нет разницы, чьи они продукты получают: колхозные или совхозные. Минсельстрой же в совхозах ведет строительство, а в колхозы его не заманишь. Возьмем наш трест «Череповецсельстрой», объемы строительных работ которого шагнули за десяток миллионов. Но подлинно колхозного и на миллион не наскребешь. Одна из мехколонн треста обслуживает наш район, который на три четверти колхозный. Из объема строительно-монтажных работ в полтора миллиона рублей в год на колхозы у этой мехколонны приходится не более 100 тысяч.

Строители могут возразить: «Позвольте, а разве склады сельхозтехники, комплекс профтехучилищ не касаются села?» Касаются. Всех касаются — и колхозов и совхозов одинаково. Но есть еще и свои, кровные нужды, притом неотложные, горящие. Если же и дальше трест будет возводить то, что лишь «касается села», то строители уйдут от нас далеко. В конце концов, и черная металлургия касается села, потому что без металла никакого трактора не получится.

III

С точки зрения научно-технического прогресса сельскохозяйственное производство отстает от промышленности на целую эпоху. Как ни парадоксально, но этой отсталостью село обязано прежде всего самому себе. Чтобы убедиться в этом, совершим небольшой исторический экскурс. Скотовод и землепашец — первые профессии на земле. Еще на заре цивилизации землепашец для облегчения своей доли выдумал ремесла, из которых произошли прикладные искусства и промышленность. Родимые детища села, встав на самостоятельные ноги, так быстро зашагали, что далеко обставили в пути своих прародителей. Обставили, но не оставили, хотя между новым и старым производством установились довольно странные отно-

шения. Промышленность не могла и не хотела существовать без сельского хозяйства, сельское же хозяйство долгое время развивалось и шло особняком. Отношения между деревней и городом были с самого начала похожи на «милые» распри отцов с блудными сыновьями. Современное крестьянство пожинает плоды этих заблуждений.

Но было бы исторической несправедливостью во всех нынешних бедах видеть ошибки только прошлого. Нынешние поколения, может быть, совершают их не меньше своих предков. Мировая статистика говорит о том, что энерговооруженность сельского труженика, а следовательно, и производительность труда резко еще отстают от вооруженности и производительности промышленного рабочего. По логике вещей должно быть все наоборот — сельскому хозяйству надо иметь больше технических средств, ибо использование машин на селе носит и всегда будет носить сезонный характер.

Словом, с какой стороны ни подойти к проблемам села, обнаружишь, что нужды его удовлетворяются медленнее, чем того требует жизнь. Здесь мы сталкиваемся с явлением, которое можно назвать эффектом запоздания.

В конце 50-х годов было решено ликвидировать МТС, взять курс на материально-техническое укрепление колхозов, то есть передать им всю технику, поднять экономическую заинтересованность крестьян в результатах своего труда. Это было революционным шагом — сельское хозяйство сразу же расправило плечи, резко двинулось вперед. Но хотя производство сельскохозяйственных продуктов у нас не сокращается, а растет, стране нужно все больше и больше зерна, молока, мяса. Факт становится очевидным — село не поспевает за развитием промышленности.

В чем тут дело? Опять налицо эффект какого-то запоздания. Трудно с ходу сказать, какого именно. Это только люди, далекие от села, умудряются легко и просто устанавливать диагнозы. На самом же деле сельская жизнь весьма сложна. Сложна переплетением коренных исконных явлений с всевозможными новинками, привнесенными извне, тугими узлами противоречий, нити от которых расходятся и вширь и

вглубь. Веками жила себе деревенька. Тихо, мирно, в стороне от больших столбовых дорог. А теперь вихрем взметнуло ее — пошло, поехало! Сложна сельская жизнь еще и потому, что привлекает теперь внимание всех слоев общества. А это и хорошо и плохо. Все говорят о деревне, все ее учат, все о ней пекутся и заботятся. На село ринулся поток информации, к которому крестьянин не был подготовлен.

События захлестывают деревню. Она иной раз не успевает оглядываться на крутых поворотах. Вчера еще было много народу, но не хватало техники. Сегодня, наоборот, техники много — людей не хватает. Попробуй тут сразу перестроиться. Не так давно крестьянин, попав на сельскохозяйственную выставку, стоял как замороженный, любуясь экспонатами. Теперь смотрит на них через телевизор уже разочарованно, покачивая головой: иной раз впору работников ВДНХ зазывать к себе, чтоб те поглядели, какие на селе новинки.

И все же село не поспевает за городом. А это значит, не поспевают и те учреждения, институты, предприятия, которым надлежит заботиться о его развитии. Система управления и снабжения то и дело дает где-то осечку.

Начнем анализ общей проблемы с досадных мелочей, хотя некоторые из них живут и держатся давно и уже перестали быть мелочами. Десятки лет со страниц газет и журналов не сходит тема запчастей. Тема, что называется, навязла у всех в зубах.

В нашем районе, например, ежегодно колхозы и совхозы приобретают техники на 1,5 миллиона, а запчастей — на 300 тысяч рублей. Тут и не посвященный в разные технические нормы человек скажет, что маловато отпускается запчастей, если их стоимость в 5 раз меньше стоимости самих машин. Заметим — только новых. Если же вспомнить про старые, выйдет и того меньше. А крестьянин испокон веку понимал, что тележные колеса и оси изнашиваются гораздо быстрее, чем сама телега. Во всяком случае, он еще с зимы заготавливал осей по нескольку пар. Промышленность этой мудрой традиции почему-то не следует.

Кажется, никакого выхода нет. Мало — и все. А выход все-таки и в этой ситуации есть. Его подска-

зывают простые наблюдения за жизнью сельских механизаторов. На складе запчастей нет, а с рук купить — пожалуйста. Отчего это? Умудренный горьким опытом сельский механизатор всегда откладывает на черный день то одну, то другую деталь. Раззявы, а не механизатор, если нет в твоём «личном загошнике» пятка ходовых подшипников, десятка форсунок и свечей, набора всяких там питательных трубок и других дефицитных вещей. У иного оборотистого, «техничного» парня таким образом полтрактора лежит на чердаке, а то и целый трактор. Это я по председательскому опыту знаю. Однажды в колхозе было уж очень туго с запчастями. А на дворе — уборка урожая. Меня и надоумил старый механик скупить заколоченные дома выбывших механизаторов. Купили эти дома. А на чердаках нашли все необходимые запчасти. Что, сказка? Нет, самая что ни на есть горькая быль. Пока каждый механизатор сам себе ремонтник, запчастей не напасишься.

Недавно в районе снова во весь рост встал этот вопрос. Каких только мер ни принимали, а механики, инженеры все одно говорят: нет запчастей. Решили разослать представителей управления сельского хозяйства по колхозным кладовым. Проверили, установили. У одного резины по два комплекта на каждую колесную машину, у другого и по комплекту не наберется (46 колесных тракторов стоят «разутые»). Одно хозяйство сумело набрать запчастей в стоимостном выражении к полученной технике один к двум, другое — один к шести. Конечно, все эти ненормальности устранимы, но они результат заявок на авось, а главное, они говорят все о том же: стремлении отложить что-то про запас, оставить на черный день. Достаточно организовать ремонтные бригады в колхозах и совхозах — запчастей, пожалуй, хватит. Такой опыт в некоторых хозяйствах есть, например в колхозе имени Ленина Ленинградской области. Но он медленно распространяется. Здесь не только традиция и инерция старого виноваты, — сельским мастерским не хватает, как говорилось уже, нужных станков, оборудования и спецмашин для технического обслуживания и организации ремонта. Эффект запоздания и тут называется — одна проблема упирается в другую.

Модной темой до сих пор является проблема сельской миграции. Одни зовут молодежь на село, другие, наоборот, из села. Думается, журналистам надо бы осторожнее выступать с подобными рекомендациями, больше оглядываться на ученых. У тех имеются расчеты, как можно заменить техникой отток из села рабочей силы. Сошлемся на местный расчет. В нашем районе около 800 доярок, коров 12,5 тысячи. Нагрузка на доярку не превышает 15—16 коров, а на одного работника фермы — 9—10 коров. На передовых механизированных фермах нагрузка поднимается до 25—50 и даже до 100 коров. Если увеличить среднюю нагрузку до 50 коров, доярок понадобится только 250 человек. Возьмем зарплату: и при ручной и при механизированной работе она составляет 150 рублей в месяц. Экономия во втором случае только на фонде зарплаты получится свыше миллиона рублей в год. За эти деньги можно построить 6—7 комплексно-механизированных дворов на 200 голов каждый. Экономично? Безусловно. Почему же руководители хозяйств не спешат? Не хватает строительных мощностей, новейшего животноводческого оборудования. Подчеркнем — новейшего оборудования, потому что до сих пор так называемая комплексная механизация охватывает далеко не все процессы животноводства, порой одни механизмирует, другие, наоборот, затрудняет, утяжеляет.

Я говорил уже о проблеме счетчика молока. Но не только в нем загвоздка. Промышленность давно освоила кормовые транспортеры, которые широко применяются. Однако и у них есть существенный недостаток — крайних коров кормят вволю, дальних держат впроголодь. А всего-то и дела — выпустить раздвигающиеся решетки перед кормушками. И будет восстановлена коровья справедливость. Но нет пока таких решеток.

Проектные институты настойчиво усовершенствуют способы раздачи сена, силоса и почему-то упорно не замечают, что в рационе животных есть жидкие корма, корнеплоды, запарки, минеральные добавки. А ведь раздача этих компонентов — более трудоемкая операция, чем раздача сена и силоса. По нашему мнению, надо встать на иной путь — создавать кормо-

вые цеха, где все корма подготовлялись бы, смешивались, а потом раздавались в одном потоке. Разнообразие кормов как раз и затрудняет их раздачу по так называемой многоканальной системе.

Механизация любой работы считается завершенной, когда она охватывает весь производственный цикл от начала до конца. В этой части навозу больше всего не повезло. Проектанты, видимо, считают, что его достаточно выпихнуть со двора. А хранение, погрузка, транспортировка их пока мало интересует. Повсеместно поэтому добрая треть навоза растекается у дворов, портится, гибнет. В тех областях, где созданы фабрики торфо-навозных компостов (фирма «Новый свет» Ленинградской области) местные хозяйства предпочитают компосты покупать на стороне и не заботятся о «своем» навозе. Работать вручную с ним стало дорого. К чему это приводит, показывает невестельский опыт нашего района. По скромным подсчетам, весь скот дает 200—230 тысяч тонн навоза, а на поля попадает не более 130 тысяч тонн. Тонна навоза — центнер хлеба, об этом знает каждый крестьянин. Не плохо было бы, если б к 33 тысячам тонн, которые мы получили в 1975 году, прибавилось еще 10—12 тысяч тонн зерна. А ведь наш район не исключение. Таким образом, решив комплексную проблему хранения навоза в целом по стране, мы сможем поднять урожай примерно на четверть. Затраты, конечно, потребуются, но они быстро окупятся.

В одном из наших колхозов — имени Калинина — местные умельцы спроектировали и построили навозохранилище на 500 тонн, в котором можно хранить полугодовой запас навоза от фермы в 100 голов. Все процессы по загрузке-выгрузке в нем механизированы. Правда, самодеятельность стоит дороговато, хранилище обошлось в 50 тысяч рублей. Мы подсчитали: на строительство таких навозохранилищ для всех ферм потребуется 5 миллионов рублей. А ежегодная прибавка зерна в 10 тысяч тонн даст дополнительный доход колхозам на миллион с лишним рублей, по сверхплановым закупочным ценам — почти на два миллиона. Значит, всего за три года затраты на хранилища полностью окупятся. Как говорится, игра стоит свеч. Но если сельскую «самодеятельность» за-

менить работой научно-исследовательских и проектных институтов, экономический эффект безусловно повысится. Мы вправе ожидать, что научные учреждения будут заниматься не только судьбами традиционных технологий, но и разрабатывать совершенно новые технологические приемы.

Я уже вел речь про трудности с раздачей и приготовлением некоторых видов кормов. Спросите у любого председателя, как у него дела с запаркой соломы, он непременно вздохнет: «Беды угол с ней, окаянной». И районные руководители знают про этот «угол», знают, чего стоит измельчить, запарить, раздать 15—20 тысяч тонн соломы. 300 механизаторов каждую зиму оставляют свои тракторы и уходят на фермы, становясь там рабочими дробильных установок, кочегарами котлов, скотниками, механиками. А 300 стальных коней в это время бездельничают, «проедают» амортизацию.

Не случайно ленинградцы, горьковчане вместо запарки начали применять консервирование соломы прямо в поле, в траншеях. Мы ознакомились с этим методом. Метод, что и говорить, хорош, перспективен. Но поскольку он зиждется опять же на самодеятельности, то не хватает многих «приправ», без которых консервирование не пойдет широко. А почему бы здесь институтам не заглянуть в самый корень проблемы и не взять, как говорится, быка за рога? Разработать такой комплекс машин и такую технологию, чтобы солома вслед за комбайновой уборкой сразу отвозилась на консервацию или превращалась в какой-то другой переработанный вид корма, сдобренный всеми необходимыми добавками.

И еще важно, чтобы создатели проектов машин для сельского хозяйства хорошо знали деревенскую социологию, а потому могли бы заранее предвидеть, на каких ручных работах колхозы и совхозы вскоре споткнутся, где у них не хватит рабочей силы. Теоретические расчеты говорят, что на многих операциях в сельскохозяйственном производстве можно облегчить труд крестьянина, механизировать и высвободить рабочие руки. Но практика пока еще не идет в ногу с теорией. И перед нами снова уже знакомый эффект запоздания.

Уход сельской молодежи увеличивает встречные потоки городских шефов на село. У железнодорожников есть твердый закон — встречные грузы не перевозить, то есть не устраивать встречные потоки одинаковых грузов. Не худо бы этот закон применить и к некоторым людским потокам. Сдается, что иные промышленные предприятия словно специально набирают рабочую силу про запас, чтобы выполнить план шефской помощи. Получается — у села отнимают, а потом ему же этой силой и помогают. Руководители на селе стали все чаще замечать: вчерашний малец, убежавший в город, вдруг прибывает в качестве шефа в соседний колхоз, а малец соседа таким же порядком появляется в другом хозяйстве. Разменяться бы мальцами — и делу конец.

Но разменяться они не могут. Мальцы принадлежат уже не селу, а городу. Теперь представим, во что обходится государству операция, связанная с такой вот переадресовкой молодежи. И не только молодежи. Средний сельский труженик нашего района производит продукции в год примерно на три тысячи рублей. Строительный рабочий в наших краях — на 12—15 тысяч, а металлург Череповца — на 40—50 тысяч рублей. Они же в основном наши шефы. Городские шефы отработывают в колхозах и совхозах района ежегодно 40—50 тысяч человеко-дней. Замечено, что производительность шефа на селе в два раза ниже производительности сельского труженика. Это и понятно. Шеф — временный работник, у него нет той сноровки, что у селянина на полевых работах. Да и предприятия, как правило, сохраняют ему среднюю зарплату по месту работы, так что он не утруждает себя, сочетает приятное с полезным — и труд, и отдых.

Мы подсчитали, во что это «приятное и полезное» обходится государству. Оказывается, город терпит свыше трех миллионов рублей дополнительных издержек. И это только на один наш район. В кругленькую сумму следует расценивать городской «подарок» селу. Если бы городская промышленность оставляла «подарок» у себя дома и использовала его на дополнительную механизацию и автоматизацию производ-

ства, то с подъемом собственной производительности она поменьше бы забирала людей из села. Отсюда видно, что некоторые сельские проблемы давно переместились в город, ему их в первую очередь и решать. Конечно, без шефства пока не обойтись. Но настало время навести в этом деле порядок.

Шефство должно покоиться на иных началах: помощи подшефному хозяйству так отрегулировать свое производство, чтобы оно обходилось без привлечения посторонней рабочей силы. Ведь если в каком хозяйстве с механизацией и организацией труда нелады, ему шефов возить не перевозить.

Сошлюсь на пример двух наших колхозов. Они соседи, и сравнение от этого будет более наглядным. Колхоз «Шексна» — крупное, развитое хозяйство, но шефов использует только на полевых работах. Более слабому колхозу «Пример» шефы по-другому помогают: возводят склады, мастерские, механизуют фермы, строят клубы, магазины, дороги. И результат налицо: «Шексна» с каждым годом запрашивает рабочей силы все больше и больше, «Пример» в основном обходится своими людьми, хотя их не больше, чем у соседей. Теперь это хозяйство по урожайности догоняет передовые колхозы. Главная миссия шефства — передавать селу необходимые культурные и производственные навыки, обмениваться передовым опытом и тем самым крепить союз рабочего класса с крестьянством.

Важно, чтобы шефствующее предприятие знало экономику и производство подшефного хозяйства, его сильные и слабые стороны, знало, в чем это хозяйство нуждается, в какие периоды и какой категории работников ему не хватает. Руководители подшефного колхоза или совхоза, в свою очередь, должны знать возможности предприятия. Неразумно, когда, скажем, инженер едет на село простым рабочим, выполняет несвойственную работу, а в то же время на селе простаивает нужная машина, испорчены механизмы или имеются еще какие-нибудь технические неполадки. Инженера куда полезнее и в селе использовать для работы по специальности, чем превращать на время в подсобного рабочего.

Мы стараемся делать так, чтобы руководители,

специалисты шефствующих предприятий держали тесную связь с колхозами, совхозами. Их приглашают на общие собрания колхозников, на балансовые комиссии совхозов, знакомят с планами и нуждами села. А затем вырабатывается совместный план-заказ, который рассматривается в райкоме партии и ставится на контроль. Областной комитет партии строго контролирует план шефской работы, составленный в городах и районах.

V

Управлять современным сельским хозяйством сложно. От председателя колхоза или директора совхоза требуется солидная подготовка: он должен знать основы земледелия и животноводства, хорошо разбираться в экономике, строительстве и инженерном деле, иметь юридические и правовые знания, наконец быть неплохим социологом. А главное, он должен иметь обостренное чувство нового. Кажется, все это прописные истины. Но они усваиваются нами скорее в теоретическом плане, нежели практически. В жизни нередко на командные посты в колхозах и совхозах выдвигают по иным принципам. Кое-кто и сегодня считает, что руководитель должен быть обязательно человеком в годах, как говорят в народе, — солидный, с соответствующим голосом и крепкой рукой, внушительной осанкой. А все остальное, дескать, потом. Мы у себя поломали эту традицию, и вот почему. Наряду с другими важными проблемами села все-таки самой важной, самой жгучей остается проблема молодежи. Если в каком-то селе молодежи нет, если она вся разбежалась, то, считай, песня тамошнего хозяйства спета. Такое село ничто уже не спасет — ни техника, ни шефы!

Отсюда и наш лозунг: проблему молодых решать самим молодым. Это не просто красивые слова. За последнее время мы подобрали и выдвинули на должности председателей колхозов, директоров совхозов молодых агрономов, инженеров, зоотехников, значительно обновили кадры партийных, советских и комсомольских органов на селе. Из 19 руководителей хозяйств у нас 10 в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет, остальным тридцать — сорок или чуть боль-

ше. Все они за малым исключением имеют высшее образование. Забот и тревог с молодыми командирами производства, конечно, много. Но работа райкома партии, райисполкома и других районных учреждений от этого становится интереснее, содержательнее, динамичнее.

А между тем молодежь умеет быстро разворачиваться, начинает сразу показывать себя. Сила молодых вырастает из доверия к ним. Для примера сошлюсь на самого себя. Передавая в 1969 году колхоз «Заря» (самое крупное хозяйство в районе) молодому агроному Владимиру Бухонину, я, честно говоря, здорово побаивался: а не пустит ли этот парень, хоть он и с высшим образованием, колхоз по ветру? «Заря» имеет территорию в 17,6 тысячи гектаров, на которой разбросаны 33 деревни, пашни около 5 тысяч гектаров (что по нашим северным условиям немало), около 3 тысяч голов крупного рогатого скота, развитое льноводство. Колхоз растянулся с севера на юг на тридцать километров. Сложное, большое хозяйство! И народ в этом колхозе зубастый, палец в рот не клади. Но Бухонин в первые два года навалился на землю, то есть подтянул культуру земледелия, поднял урожайность. На третий год, смотрим, вокруг него уже образовался крепкий штаб молодых специалистов (за каждым из них он съездил, и не раз, в институт). Колхоз построил школу-десятилетку с интернатом. А потом директора школы избрали секретарем парткома. Директором же подобрали другого учителя. В общем, всех дел молодого председателя не перечесть.

Я изредка навещал «Зарю» и часто морщился: не по-моему делают. Все переkreсли, переиначили. Не колхоз, а пионерская организация вышла. Но «пионеры» настойчиво шли своей дорогой. Владимир Бухонин и секретарь парткома Александра Скорюкова поручили главным специалистам спланировать будущее своих отраслей — полеводства, животноводства, разместить производственные объекты, наметить планы механизации, мелиорации, сеть будущих дорог. Начали специалисты с дорог. Теперь у нас многие говорят: «Трудно «выдумать» дороги, остальное легко приложится».

В «Заре» такие дороги определили, проложили на карте и начали строить. А к ним привязали перспективные деревни, будущие фермы, сушилки, склады, другие объекты производственного и культурно-бытового назначения. Специалисты отказались от принципа «всем сестрам по серьгам», а собрали все серьги в кулак, то есть, они предусмотрели концентрацию и специализацию производства. Из 15 ферм крупного рогатого скота наметили к развитию только три, все свиноводство решили сосредоточить в одной бригаде, картофельные поля передвинули поближе к дорогам, в одну-две бригады (раньше выращиванием картофеля занималось здесь 7 бригад), и даже лен сконцентрировали, на что раньше вряд ли у кого другого поднялась бы рука.

Короче говоря, в «Заре» составили и разработали в деталях план социально-экономического развития на десять-пятнадцать лет. Примеру «Зари» последовал колхоз имени Кирова. Там тоже пришел к руководству молодой специалист Вениамин Логинов. А вскоре и в других хозяйствах заговорили о социальных планах, о специализации и концентрации, о будущем своих деревень. Пришлось создавать районный Совет социального планирования, обобщать опыт передовиков, объединять и корректировать усилия, браться за проблемы, которых отдельным хозяйствам не решить. Определили в целом сеть районных дорог, средства других коммуникаций, размещение предприятий торговли, бытового обслуживания, развитие газификации на селе, план строительства школ, клубов, детских садов и яслей. Из 400 сел и деревень у нас перспективными признано только 50 и столько же к ним прилегающих, как бы «спутников». Остальные населенные пункты предстоит перенести. Процесс этот сложный, мучительный, вызывает он бесконечные споры и сомнения. Но жизнь сама ставит вопрос о слиянии мелких деревень, и никуда от него не уйдешь. Правда, делать это надо осторожно, трижды продумав и взвесив все за и против.

Я уже говорил выше, к чему может привести поспешная специализация, например, в сельском строительстве. Еще горше было лет десять назад, когда впервые заговорили о внутрихозяйственной специали-

зации сельскохозяйственного производства. Иные руководители колхозов и совхозов поняли ее упрощенно: выбирай себе одну какую-нибудь отрасль, остальные побоку. Началось повальное изгнание овец, кур, свиней. Ликвидировать «отрасль» проще, чем найти ей замену. А заменить кур, овец, свиней ничем не смогли. Потом понадобилось много усилий, чтобы создать птицефабрики, свиноводческие и овцеводческие комплексы.

Кстати, в последние годы министерства здравоохранения и просвещения тоже начали проводить на селе своеобразную специализацию больниц и школ, сливая и укрупняя их. Делается это с добрым намерением: пусть вместо мелких и слабосильных учреждений появятся новые, крупные, современные. Но торопливость и тут подвела. Мелкие школы, больницы закрываются, а крупные, современные создавать вроде бы и некому и незачем. Ведь процесс слияния деревень и сел еще не завершен. Потому сельские учреждения откатываются в города и райцентры. А это ускоряет процесс ухода молодежи из села. «Больницы нет, школы нет, завтра, может быть, и магазин закроют — чего тут оставаться?» — рассуждает молодежь дальних деревень, настраиваясь на город. И руководителям хозяйств забот много прибавилось. Начнут они машины распределять — невольно становятся в тупик: то ли за удобрениями ехать, то ли ребят в школу отправлять, то ли бабушек и дедушек, кои с утра сидят у конторы, везти в райбольницу...

Сложный клубок проблем приходится ежедневно распутывать сельским руководителям. Для такой работы нужны крепкие головы. Это под стать молодым. На повестку дня перед селом во весь рост встают три кита: концентрация, специализация, кооперация. Другого пути нет. Ведь что там ни говори, ни делай, а от известной утечки рабочей силы из сельской местности до конца не избавишься, поскольку развивающейся промышленности, строительству будут постоянно требоваться новые кадры.

Селу не всегда есть резон сетовать на этот неизбежный процесс: чем больше рабочих разных отраслей промышленности будут обслуживать сельского работника, тем выше станет его собственная оснащен-

ность и производительность. Пусть меня правильно поймет читатель. Если я сожалел о сельском малолюдь, то лишь только в том случае, где оно ниже всякой нормы, где уход молодежи опережает темпы сельской механизации. О сельском многолюдье я тоже имею ясное представление. Оно еще большее зло, чем малолюдь. И тот, кто его ждет, возлагает на него надежды, — безнадежно отсталый человек. Он просто не догадывается, что многие вынешние беды и трудности села берут свои истоки из недавней многолюдности.

На многочисленных примерах я старался показать, что при известной механизации на селе можно обойтись и малыми силами. Почему промышленный рабочий может производить продукции на 50—70 и более рублей в день, а селянин только на 10 рублей? Дай сельскому труженику необходимое техническое вооружение — и он ни в чем горжанину не уступит. Но широкая механизация потребует немедленной концентрации и глубокой специализации производства. Закономерно поставить другой вопрос: все ли в сельском хозяйстве поддается концентрации и специализации? Мне кажется, об этом красноречиво говорит опыт передовых хозяйств страны. Собирая такой опыт, анализируя, подтверждая его расчетами, невольно убеждаешься, что концентрации и специализации поддаются все отрасли, правда, одни легче, другие труднее: молочное производство, мясной откорм, выращивание племенного молодняка, льноводство, заготовка кормов, не говоря уж о зерновом хозяйстве, картофелеводстве и овощеводстве.

Передовые хозяйства уже начали возводить крупные животноводческие комплексы, закладывая долготлетние культурные пастбища. Нужно, чтобы этот процесс не ограничивался только животноводческими комплексами (белгородский метод), а сочетался с концентрацией и специализацией в полеводстве (молдавский эксперимент). Проводимая повсеместно мелиорация земель пока что предусматривает осушение и окультуривание отдельных угодий. А надо, чтобы попутно решались и другие коренные вопросы сельского хозяйства — укрупнение полей севооборота, сселение мелких деревень, строительство новых дорог и благо-

устроенных поселков (вот тогда можно браться за реорганизацию школ, больниц и других сельских учреждений). Коротче говоря, требуется не совершенствование отдельных отраслей хозяйства, а комплексное переустройство села. Жизнь показывает, что такой подход — самый верный. Этот вариант развития сельского хозяйства во всю ширь открыл бы простор и для межколхозной кооперации. Всем очевидна польза кооперации, но очевидна опять же в теоретическом плане. А практически осуществить ее мешает многое — те же трудности в строительстве и механизации плюс живучие традиции старых колхозов и совхозов («И хуже, да в своей луже»).

Скажем, появились первые агрегаты по приготовлению витаминной травяной муки (АВМ-04) — непременно давай такой агрегат каждому совхозу и колхозу в полную собственность. И о своем комбикормовом заводе тоже мечтает каждый хозяин. Председатели, директора ждут не дождутся, когда промышленность наладит массовый выпуск этих машин и агрегатов. А стоит ли распылять силы и средства? Не взять ли советам колхозов дорогостоящее оборудование в свои руки, чтобы строить подсобные предприятия на паевых началах, кооперируя средства колхозов?

Всесоюзному Совету колхозов можно бы взяться и за другую неотложную проблему сельского хозяйства, проведя ее через кооперацию. Сколько сил и времени отнимает у колхозов, совхозов сбыт выращенной на полях, произведенной на фермах продукции! Канительное это дело и, отметим, специфическое. Создать бы в районах (а где и в области) специальные сбытовые конторы. Эти конторы, имея транспорт и штат заготовителей, быстро приладились бы к местным условиям и спокойно, по графику осуществляли бы вывоз молока, скота, зерна, картофеля и других продуктов. Некоторые виды продукции можно заготавливать самим предприятиям. Во Франции, например, льнозаводы покупают у фермеров продукцию прямо на корню. У нас хорошо бы освободить колхозы, совхозы от сортировки и вывозки льнотресты. В осенние и зимние месяцы у сельского труженика много других неотложных дел: вывозка удобрений, ремонт техники, усиленная работа в животноводстве.

Я изложил свой взгляд на некоторые проблемы сельского хозяйства. Проработав двенадцать лет председателем колхоза, я не только размышлял об этом, а многое испытал, что называется, на собственной шкуре. Теперь старый опыт дополняется новым — работой в сельском райкоме.

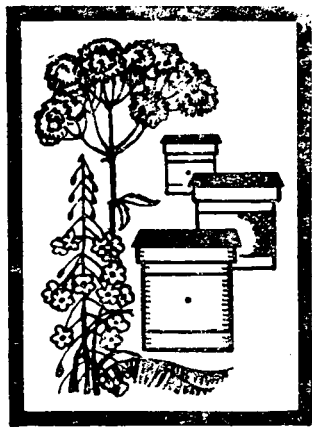
Возможно, и взгляды, и убеждения мои в чем-то спорны, неточны, а стремления и призывы слишком безудержны. Верным остается одно — стремление действовать.

За последнее время партия, государство сделали многое для подъема сельского хозяйства. На десятую пятилетку вновь отпущено для этой цели сто семьдесят два миллиарда рублей. Будет непростительно, если эти капиталы сработают не в полную силу.

Нужно, чтобы они производительно сработали.

ВИКТОР КОРОЛЕВ

СЕВЕРНЫЙ МЕД

До войны мои родители летний отпуск по обыкновению проводили в деревне. Было мне в ту пору лет шесть—семь. И из деревенских впечатлений того времени больше всего запомнилась первая откачка меда.

Деревенская детвора ждала этого дня как праздника. Тогда еще крепко держался обычай — угощать всех ребятишек. Сосед бабки дядя Арсений, у которого в загороде стоя-

ло с десятков ульев, ставил перед нами полное блюдо желтого, в сотах, меда и добродушно посмеивался над иным карапузом, выбиравшим куски явно не по силам — меду ведь много не съешь. Видно, потчевать нас дяде Арсению было в удовольствие.

На крестьянском столе, в общем-то не очень тогда и щедром, мед не был в диковинку. В шекснинской деревеньке Берьково, где мне доводилось гостить у бабки, ульями владела, пожалуй, добрая половина хозяев.

Еще в детстве нам приходилось слышать немало присловий и присказок о меде. Чуть ли не в каждой сказке упоминалось о нем. Взрослые довольно часто говорили о лечебных свойствах меда, называли его чудодейственным. Потом, в школе, мы узнали, что бортничество — сбор меда диких пчел — в древней Руси было важнейшим промыслом. А «Повесть времен-

ных лет» свидетельствует, что киевские князья брали дань с соседних славянских племен именно медом и еще мехами. Князь Святослав, мечтавая перенести свою столицу на Дунай, на этот счет говорил: «...там середины земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и Венгрии — серебро и кони, из Руси же — меха и воск, мед и челядь».

Бортничество, борти были издревле известны и в наших краях. Деревеньки с названием «Бортниково» встречаются на Севере еще в наши дни. Как, впрочем, встречается и другое название: «Точок» — место, куда вывозится пасека для использования дальних лесных медоносных угодий.

Лет пятнадцать назад мне довелось побывать в деревеньке Бортниково, неподалеку от Грязовца. Среди зарослей черемухи и вербы, над кустарниками, над ближайшими вырубками, где прямо-таки буйствовало розовое царство кипрея, с утра до вечера в летний день не умолкало звенящее гудение пчел.

В редком палисаднике в здешних деревнях не стояли ульи, чаще всего — домиков пять-десять. Однако на медосборы сельчане не жаловались. Это и понятно. Ведь только с одного гектара того же кипрея, по утверждению специалистов, пчелы берут около двух с половиной центнеров меда.

Настоящий интерес к пчелам пробудил во мне ныне покойный А. П. Петухов, который жил в деревеньке Шилово, верстах в десяти от Кубенского озера. Александр Павлович ухаживал за совхозной пасекой, держал и свои ульи. Заядлый пчеловод, он отменно знал тонкости своего дела и подолгу рассказывал о жизни пчел, о чудодейственных свойствах продуктов, вырабатываемых этими крылатыми труженицами. Иногда он брал с полки книжки и подкреплял свои доводы цитатами.

О целебных свойствах меда и продуктов пчеловодства сейчас известно многое. Некоторые из этих свойств ученые исследуют и поныне. Снадобьями, изготовленными из меда, лечили недуги еще Гиппократ и Авиценна. Ученые считают, что за несколько тысячелетий до нашей эры прополис — пчелиный клей — был хорошо известен египетским жрецам, в чьих руках на-

ходились медицина, химия и искусство мумифицировать трупы. Широко применяются в медицине не только мед и прополис, но и другие продукты пчеловодства: пчелиный яд (химический состав которого напоминает яды змей), маточное молочко. Буквально в последние годы специалисты — ученые обнаружили удивительные свойства пчелиного расплода. Расплод, или, как часто называют его пчеловоды, детва, оказывает на организм пожилых людей то же воздействие, что и знаменитый женьшень. В ресторанах Канады кулинары даже стали готовить специальное блюдо из жареного пчелиного расплода.

В лечебных учреждениях Вологды не первый год, и весьма успешно, налажено лечение больных ужалениями пчел. Таким способом довольно основательно поправили свое здоровье многие больные, страдающие радикулитом. Пчелиным ядом излечивают тяжелые заболевания суставов, другие недуги. Вирапин, ализартрон, другие препараты являются эффективными средствами при лечении тяжелых недугов благодаря тому, что в них имеется пчелиный яд. Ужаление пчелой полезно для человека, так как небольшая доза яда мобилизует защитные силы организма. Сам по себе труд пчеловода оказывает огромное положительное воздействие на человека. Известно, что дети, живущие на пасеке, не восприимчивы к кори, скарлатине, многим другим заболеваниям. Практика знает немало примеров, когда люди, страдающие психическими расстройствами, даже алкоголизмом, полностью излечивались, подружившись с крылатыми труженицами.

Известный оперный певец Кондратьев страдал нервным заболеванием. Он долго лечился, но болезнь прогрессировала. Как-то артист рассказал о своем недуге А. М. Бутлерову, крупнейшему русскому химику и пчеловоду. Тот, выслушав жалобу больного, посоветовал: «Займитесь пчеловодством — и все пройдет». Кондратьев так и поступил. Он приобрел несколько пчелиных семей. И что же? Через несколько лет стал совершенно здоровым. Пчелы наполнили его жизнь новым увлечением. Работа на пасеке для артиста стала таким же любимым занятием, как и выступление на сцене.

Вот выдержки из небольшой брошюры Л. П. Кова-

ленко «Солнечное племя», выпущенной издательством «Урожай» в Минске в 1966 году.

«Почти тысячу лет назад таджикский медик Авиценна лечил больных сердечными заболеваниями медом с соком сладкого граната. Он говорил: «Если хочешь сохранить молодость, то обязательно ешь мед. Он укрепляет душу, придает бодрость, способствует перевариванию пищи, ...возбуждает аппетит; он ...обостряет разум, развивает язык...»

Не правда ли, своеобразная, но довольно сильная оценка меда как лечебного продукта, как общеукрепляющего средства, влияние которого на организм человека, быть может, значительно многообразнее, чем мы представляем в настоящее время!

Доказано, например, что самое безвредное снотворное — стакан медовой воды. Употребление меда повышает содержание в крови гемоглобина. Незаменим мед для укрепления здоровья детей. Он не в пример полезнее, чем сахар, конфеты, варенье. И если мед с успехом может заменить эти продукты, то они никак не могут заменить мед. В отличие от рафинированного сахара мед усваивается организмом без переваривания (расщепления), так как сахар, входящий в состав нектара, расщепляется в медовом зобике пчелы при переработке его в мед. В чистом виде он содержит около 74 процентов глюкозы и фруктозы. В нем есть ценнейшие для организма азотистые соединения, минеральные вещества, витамины А, В, аскорбиновая кислота, различные микроэлементы.

Клинические наблюдения показали, что введение меда в обеденное меню детей во время лечения от желудочных заболеваний не только ускорило их выздоровление, но и способствовало прибавке в весе. Это объясняется тем, что мед, будучи, как и сахар, высококалорийным углеводистым продуктом, дополнительно снабжает детский организм железом, леулезой, глюкозой, необходимыми кислотами, которые улучшают аппетит, стимулируют физическое развитие.

Общеизвестны последствия такого распространенного заболевания зубов, особенно у детей в возрасте девяти—пятнадцати лет, как кариес. Свою коварную роль здесь играет сахар. Разложение его в полости рта часто приводит к медленному, но значительному

разрушению зубов. Мед же, наоборот, укрепляет зубы и своими антибиотическими свойствами дезинфицирует полость рта, зева и всю пищеварительную систему.

Мне приходилось встречать немало людей, которые обязаны своим здоровьем меду и продуктам пчеловодства. Все чаще теперь врачи рекомендуют для лечения многих болезней прополис. Журнал «Пчеловодство» в разделе «Пчелы и медицина» регулярно печатает рекомендации по лечению различных заболеваний, и некоторые врачи смело используют эти рекомендации в своей работе.

85-летний житель деревни Теребень И. М. Ляпин рассказывал мне, что он «только и спасается медком». Ляпин еще в молодости не мог похвалиться здоровьем. Я знаю пчеловодов-любителей, которые живут и трудятся в Череповце, а пасеки держат у родственников или знакомых в деревне, ухаживают за пчелами наездами. Многих из них заняться пчелами заставил тот или иной недуг. Есть примеры, когда такие вот пчеловоды-любители впоследствии становились «профессионалами».

Один из опытнейших пасечников на Вологодчине Анатолий Александрович Попиков из совхоза «Николоторжский» никогда не думал, что станет работать с пчелами. С детства парня привлекало шоферское дело. Водил Попиков машины в армии по дорогам Европы, демобилизовавшись, стал одним из лучших шоферов Кирилловского района, не раз за отличную работу в совхозе получал поощрения, премии. Но сильно заболел. Долго лечился. Не помогало. Мучила бессонница, нервные расстройства. Как-то в санатории один старый врач посоветовал Попикову приобрести ульи. Он так и сделал. И вот здоровье пришло. Постепенно Анатолий Александрович так увлекся новым делом, что уж не мог расстаться с ним и принял совхозную пасеку.

В состав меда входит свыше 70 различных веществ, необходимых для организма, а в продуктах пчеловодства вы найдете чуть ли не все элементы таблицы Менделеева. Исследователи доказали, что медом можно лечить 100 болезней. Но особенно он эффективен при истощениях, язвенных и почечных заболеваниях, ранениях, воспалениях дыхательных путей. Древние

греки называли мед «элекси́ром молодости», а современные врачи называют его «диетой долголетия». То, что мед способствует долголетию, причем сохраняет высокую жизнедеятельность всех органов человека, ни у кого не вызывает сомнения. Среди пчеловодов больше всего долгожителей, которые до глубокой старости обладали безукоризненной ясностью ума и исключительной работоспособностью. Отец математики Пифагор, проживший 90 лет, считал, что столь почтенным возрастом он обязан меду. Пчеловодством очень увлекался Л. Н. Толстой. Демокрит прожил 100 лет, и когда его спрашивали, как нужно жить, чтобы сохранить здоровье, он отвечал: «Нужно орошать внутренности медом...»

Регулярное употребление меда способствует накоплению в мышцах человека гликогена, который служит резервным «топливом» при больших перегрузках организма. В истории известен такой случай. Англичанам долго не удавалось поднять потопленный немцами во время первой мировой войны пароход «Лузитания». Водолазы не могли достигнуть судна: не выдерживали большого давления воды. В 1938 году подводников стали специально готовить для трудного дела. В рацион их питания включили мед. За полгода каждый водолаз съел его по 100 килограммов. После этого все они успешно покорили глубину, затонувшее судно было поднято.

Изумительны антибактериальные свойства меда. Он вполне заменит йод. Раны и нарывы, смазанные медом, заживают очень быстро. Во время первой мировой войны немецкий хирург Цейс весьма успешно использовал мед вместо йода. Воины Александра Македонского сумели доставить тело погибшего полководца из Вавилона на родину, погрузив в бочку с медом.

Свойства продуктов пчеловодства постоянно изучаются и, думается, что здесь ученые еще не раз скажут новое слово. Широкое распространение в последние годы получили в медицине медовые ванны... Недавно открыто так называемое ростовое вещество в меде, способствующее восстановлению клеток... Впрочем, и сейчас о всех лечебных свойствах продуктов пчеловодства рассказать трудно.

Можно много говорить о применении меда в кули-

нарии, в кондитерской промышленности. Медовая халва, пряники, конфеты... Или, скажем, воск. Все ли знают, что он используется более чем в 40 видах промышленности?

Но прежде мы должны полнее использовать замечательные качества продуктов пчеловодства в лечении человека.

Конечно, утверждают специалисты, эти продукты не могут служить материалом для приготовления универсального лекарства. И мед, естественно, не панацея от всех без исключения недугов. Есть люди, которым мед даже противопоказан. И все-таки спрос на него велик. На рынке натуральный доброкачественный мед купишь далеко не всегда, а в магазинах он тоже бывает не часто. На вологодском колхозном рынке в год реализуется его 10—20 тонн. Мало? Конечно. Еще труднее приобрести мед первого взятка, собранный в наших северных краях с плодовых деревьев, кустарников, полевых и луговых цветов. А большинство лекарств,готавливаемых на основе продуктов пчеловодства, не приобретешь даже в аптеках Москвы и Ленинграда. Прошлогодней осенью, будучи в Ленинграде, я специально заходил в аптеки и спрашивал эти препараты. Лекарства, изготавливаемые на основе пчелиного маточного молочка, как мне сообщили фармацевты, бывают чрезвычайно редко. А, к примеру, прополис вообще в аптеки не поступает.

— Теперь прополис очень часто для лечения рекомендуют врачи, — сказали мне в аптеке № 6, что на углу Невского проспекта и улицы имени Андрея Желябова. — Больные его часто спрашивают, но...

Такое положение меня ничуть не удивило. По данным Вологодского областного статистического управления, на индивидуальной пасеке области сейчас приблизительно 33,5 тысячи ульев. А сколько было, скажем, лет пять-десять назад? Таких сведений даже нет. Вот в колхозах области до войны, в 1940 году, имелось 27,8 тысячи пчелосемей, в 1955 году — уже 7,4 тысячи. А сейчас в колхозах и совхозах — лишь около четырех тысяч ульев. Если к тому же учесть, что общественные пасеки невелики, то станет ясно: товарному меду, другим продуктам пчеловодства неоткуда и взяться.

Я изучил газетные материалы, посвященные проблемам пчеловодства по ряду областей Северо-Запада, в частности, по Костромской, Ярославской, Архангельской, а также Кировской, и пришел к неутешительному выводу. Пчеловодство развивается крайне медленно, а в некоторых районах даже приходит в упадок.

Вот, скажем, статья начальника Кировской областной конторы пчеловодства Ю. Смышляева, опубликованная в газете «Кировская правда» 14 ноября 1974 года. Автор считает лесные угодья по Вятке и ее многочисленным притокам поистине кладовыми нектара, утверждая, что здесь можно содержать десятки тысяч пчелиных семей. Недаром же сюда, на Вятку, привозят крылатых тружениц пасечники Краснодарского и Ставропольского краев, Грузии и к осени отправляют на юг многие тонны янтарного сладкого продукта. А заявок на приобретение пчел от местных хозяйств поступает мало, хотя есть убедительные примеры отличной работы и здешних пчеловодов. Многие из них берут по 80—85 килограммов меда от пчелосемьи за сезон. Прошлой осенью некоторые любители из Омутнинского района сдали потребкооперации по три-четыре тонны ценного продукта.

Естественно возникает вопрос, почему пчеловодство на Севере в ряде областей и районов не только не развивается, но даже делает шаги назад? Причин тут много. Вот одна из них. Большой урон ежегодно наносят пчеловодству ядохимикаты, которые теперь широко применяются в борьбе с сорной растительностью и болезнями сельскохозяйственных культур. В Вологодской области, например, ежегодно проводятся химработы на площади в 250—270 тысяч гектаров. Правда, по существующему порядку за три-пять дней до начала химработ пчеловодов обязаны предупредить, чтобы можно было принять меры: вывезти пчел подальше от места опыления или закрыть летки в ульях. Но правило нередко не соблюдается, и пчелы гибнут.

В Вологодской областной конторе пчеловодства даже точно не знают, какой урон наносит неправильное применение ядохимикатов. Известно лишь, что пчелы гибнут часто. По этой причине ликвидированы пасеки в совхозе «Делегат», в колхозе «Родина» Кирилловского района, некоторых других хозяйствах.

Понесли ли виновные наказание? Увы. В областной прокуратуре говорят, что таких дел народные суды практически не рассматривают. Тут, оказывается, есть тонкость. Как правило, от ядохимикатов гибнет не вся семья, а лишь часть пчел. И хотя семья настолько слабеет, что становится бесполезной, юристы не считают возможным определить сумму ущерба.

Вряд ли эти утверждения обоснованы. Просто пчеловоды не очень-то стремятся обратиться за помощью в судебные органы. И всего скорее потому, что последние неохотно берутся рассматривать столь щекотливые дела — ведь так повелось, что пчеловодство на Севере перестали считать важной отраслью. До последнего времени до нее мало кому было дело. В этом главная беда.

Иного председателя колхоза спросишь о пчелах, он, снисходительно улыбаясь, объяснит, что пчеловодство — безнадежное предприятие. Да никто всерьез и не требует заниматься этой отраслью, ведь продажа меда государству не планируется.

Справедливости ради надо отметить, что за последние два-три года советские и сельскохозяйственные органы на Вологодчине стали уделять больше внимания пчеловодству. Исполком областного Совета депутатов трудящихся дважды принимал решения о развитии этой важной отрасли. И положительные сдвиги налицо. Прежде всего, энтузиасты-пчеловоды получили нравственную поддержку, что очень важно. Во многих колхозах и совхозах появились пасеки, а существующие увеличились в размерах. В январе прошлого года в Вологде проходило совещание пчеловодов Вологодской и Архангельской областей. Выступавшие с удовлетворением отмечали, что, несмотря на отдельные трудности, в развитии пчеловодства наметился перелом к лучшему. Истекшее лето было крайне неблагоприятно для медосборов, но «урожай» общественной пасеки оказался сравнительно неплохим. Почти половина пчеловодов Вологодчины сумела получить в среднем от пчелосемьи по 40 и более килограммов меда. Особенно отраден тот факт, что растет число заявок на приобретение пчел. Если прежде зоотехникам областной конторы пчеловодства приходилось уговаривать руководителей хозяйств, чтобы они по-

купали пчел, то теперь — иное дело. Областная контора пчеловодства в прошлом году даже не смогла удовлетворить — впервые за много лет! — все заявки на покупку пчел, поступившие от колхозов и совхозов.

Вот пример того, как преодолевается барьер убежденности. В свое время директор великоустюгского совхоза «Красный Север» П. А. Остроумов всеми правдами и неправдами отбивался: нашему совхозу до Белого моря рукой подать, какое уж тут пчеловодство! А теперь он держится другого мнения: пасека дает товарный мед, работает без убытка.

И все-таки пчеловодство на Севере, в Нечерноземной зоне развивается медленно. Если за годы Советской власти число пчелосемей в нашей стране увеличилось втрое и составляет сейчас около 10 миллионов, то на Севере оно снизилось. Как-то мне в одном сельскохозяйственном журнале попала на глаза схема-карта, в которой указывалась интенсивность пчеловодства в различных зонах страны. Так вот, северная граница его распространения проходит по южным районам Карелии, Архангельской и Кировской областей.

Развитию пчеловодства мешают не только хозяйственные проблемы — слабое руководство отраслью, недостатки племенной работы с пчелами — но и в большей степени проблемы, так сказать, психологического плана. Прежде всего — неверие в успех дела. «Пчеловодство на Севере? Будет ли оно достаточно товарным, принесет ли прибыль?» — обычно сомневаются руководители колхозов и совхозов.

Видимо, не до конца избавились от сомнений и руководители областных сельскохозяйственных ведомств. Иначе чем же объяснить тот факт, что областное производственное управление сельского хозяйства Вологодского облисполкома даже не планирует заготовок меда. На первый случай хотя бы в скромных размерах. Ведь что же получается: за срыв плана по продаже, скажем, молока или мяса с руководителя хозяйства строго спросят, а за работу пасеки он практически не отвечает. Не потому ли до этой самой пасеки у многих председателей колхозов и директоров совхозов и руки не доходят?..

Пчеловодство на Севере может развиваться более

интенсивно и давать товарный мед и прибыль! Об этом свидетельствует практика многих пасечников Вологодской, Костромской, Кировской и даже Архангельской областей. А. Н. Шкляков из каргопольского совхоза «Печниковский» получает по 50—55 килограммов меда от семьи. Опытный пасечник из тотемского совхоза «Погореловский» А. Н. Селиванов от каждой из 85 семей взял даже в неблагоприятные 1974 и 1975 годы по 90—95 килограммов товарного меда. Себестоимость центнера составила 120—130 рублей, а закупочная государственная цена, как известно, — 240 рублей. Это ли не убедительный аргумент в пользу пчеловодства! Немалые прибыли дают своим хозяйством П. Г. Кузнецов из вожегодского колхоза имени Калинина, А. И. Никитин из вытегорского колхоза «Прогресс» и другие пасечники Вологодчины. Неплохие медосборы у пчеловодов даже северо-восточных ее районов, где долгая зима и морозы нередко превышают 30 градусов.

Обычно зимой северные пчеловоды держат ульи в специальных помещениях-омшаниках. А вот у вологодского пчеловода из совхоза «Усть-Кубинский» А. А. Широкова пчелы благополучно зимуют под снегом. И он видит в этом свои преимущества: такие, например, как более ранний вылет пчел для сбора меда весной. Эти преимущества подтверждаются и другими примерами. В № 1 журнала «Пчеловодство» за 1974 год помещена статья Ф. Вестеринена «О зимнем содержании пчел в Финляндии». Автор утверждает, что «...в Финляндии пчелы зимуют на воле. Лишь слабые семьи зимуют в помещениях, таких, как бетонные погреба и подобные им подвалы жилых домов». Впрочем, на воле зимуют они и у нас, в суровых условиях Западной Сибири.

Абсолютно несостоятельны ссылки скептиков и на то, что северное лето коротко и пчела не успевает взять достаточно нектара. Подобное мнение убедительно опровергается практикой многих пчеловодов и учеными. По их мнению, «...в Заполярье пчелы работают на цветках по 21 часу в сутки. В июне здесь солнце не заходит совсем, и каждая семья может за один день пополнить свои запасы корма на 7—8 килограммов. Зима за Полярным кругом длинная и суро-

вая, но среднерусские пчелы переносят ее хорошо» (Л. П. Коваленко. Солнечное племя. «Урожай», Минск, 1966).

Здесь весьма уместно высказать такое принципиальное замечание. Питомники часто продают северным областям пчел серой горной (кавказской) породы. У малоопытных пасечников эти семьи нередко гибнут, чем как раз и дискредитируется важное дело. Это настоятельно говорит о необходимости более широкого разведения среднерусской пчелы.

Конечно, самый главный аргумент в пользу пчеловодства для хозяйственника, для руководителя колхоза или совхоза — прибыль. В феврале 1973 года установлены новые закупочные цены: за килограмм меда — 2 рубля 40 копеек, воска — 6 рублей 50 копеек, прополиса — 30 рублей. А у многих пчеловодов на Вологодчине себестоимость меда составляет около 1 рубля 50 копеек. Мы уже упоминали об отличных результатах работы А. Н. Селиванова.

Обычно прибыль дает пасека даже в 70—80 ульев. А ведь ее размеры можно увеличить. Один человек с успехом управится на пасеке в 100 и более пчелосемей. Ему лишь потребуются в помощь работники на короткое время в летнюю пору. К сожалению, в колхозах и совхозах на Севере чаще содержатся небольшие пасеки, в 60 и даже менее пчелосемей. Ясно, что их можно значительно увеличить и не потребуются дополнительные работники.

Вообще вопрос кадров здесь не составляет особой проблемы. Как уже отмечалось, работа на пасеке оказывает самое благотворное влияние на здоровье. И нередко этим делом занимаются люди в возрасте. Тот же П. Г. Кузнецов из вожегодского колхоза имени Калинина принял пасеку, уходя на пенсию. И вот уже несколько лет, освоив дело, которым никогда не занимался ранее, он добивается отличных результатов.

О выгодах личной пасеки и говорить не приходится. Вспомним хотя бы саратовского пчеловода Ферапонта Головатого, который во время Великой Отечественной войны купил два боевых самолета на свои личные сбережения. И многие вологодские пчеловоды-любители ежегодно выручают за мед по две-три тысячи рублей.

Впрочем, приведем точный расчет экономистов применительно к пасеке в 100 семей — минимальной норме обслуживания одним пчеловодом. «...Ежегодный сбор меда такой пасеки должен быть на уровне 4—4,5 тонны, из которых 2,5 тонны оставляют на корм пчелам, из расчета 25 килограммов на семью... Стоимостью 1—1,5 тонны покрывают расходы на содержание пчеловодов, приобретение инвентаря, кочевку с пчелами и 0,5—1 тонна идет в доход хозяйству. Товарность пасеки заметно повысится, если часть кормового меда будет заменена сахаром» («Пчеловодство», 1974, № 1). Каждая пчелосемья, следовательно, должна давать 45 килограммов меда. Многие пчеловоды на Севере, как уже отмечалось, добиваются гораздо лучших результатов.

Бывает, что плохие медосборы оправдывают недостатком на Севере медоносных растений. Это утверждение также легко опровергнуть. В Вологодской, Архангельской, других областях Северо-Запада известно около 100 отличных медоносов. Самые ранние из них — ива, черемуха, ягодники, цветы которых дают нектар уже в мае.

Но дело еще вот в чем. Старики утверждают, что с годами на Вологодчине меняется состав трав. Дескать, там, где прежде рос дикий клеверок, мышиный горошек, другие ценные для молочного животноводства травы, сейчас буйствуют белоус да купальница, проку от которых ни на грош. А меняется ботанический состав трав от того, что меньше стало пчел — этих опылителей-тружениц. Не так часто видишь сейчас и шмеля.

Значит, разводя пчел, можно помочь и агроному, и зоотехнику. Многочисленные опыты свидетельствуют, что урожаи сельскохозяйственных культур при опылении их пчелами намного увеличиваются. В колхозе «Родина» Тотемского района Вологодской области провели такой опыт. Ульи вывезли на клевера. И урожай семян красного клевера там, где работали пчелы, оказался в три раза выше, чем на участках, которые пчелами не опылялись. 45 пчелосемей пасечника В. В. Маркова принесли, таким образом, колхозу около 3000 рублей чистой прибыли. Вожегодский колхоз имени Ленина в 1974 году с опыленного пчелами участка в 20 гектаров взял дополнительно около 40 центнеров се-

мян. Это почти втрое больше, чем с контрольных площадей. Кстати, центнер весьма дефицитных семян клевера красного стоит 250 рублей.

На семинаре руководителей областных контор пчеловодства Российской Федерации, который проходил летом 1973 года в Калининграде, начальник управления пчеловодства Министерства сельского хозяйства РСФСР А. С. Нуждин, в частности, подчеркнул, что пчеловоды Нечерноземной зоны в долгу перед животноводами и растениеводами. Зона — основной поставщик семян клевера. Между тем урожаи их здесь низкие, особенно в Ярославской, Костромской, Вологодской областях, где из-за малого числа пчелиных семей целые массивы семенников клевера остаются неопыленными.

Одна из острых проблем в сельскохозяйственном производстве на Северо-Западе — это создание долгодетных культурных пастбищ. Повсеместно в колхозах и совхозах сооружаются животноводческие производственные комплексы. Происходит концентрация животноводства. А кормовая база развивается медленно. Не хватает семян лугопастбищных трав для закладки долгодетных культурных пастбищ, без которых невозможно содержание крупного молочного стада на животноводческом комплексе. Вот тут-то и могут помочь земледельцу маленькие крылатые труженицы. В книге К. М. Шереметьева и других авторов «Долгодетные культурные пастбища» есть на этот счет и соответствующие рекомендации. Например, для резкого повышения урожайности клевера красного достаточно на 50 гектаров его посевов вывезти 10—20 ульев. Мы уже упоминали, что из-за недостатка опылителей-насекомых меняется ботанический состав разнотравья, что выпадают и медоносные растения. Здесь получается замкнутый круг. Ведь будут пчелы — будут и медоносы. Меньше становится пчел — выпадают из травостоя медоносные растения, которые, кстати, играют не последнюю роль в формировании состава трав, придающих неповторимый вкусовой букет знаменитому вологодскому маслу.

И уж никак невозможно без пчел вести парниково-тепличное хозяйство. Недаром же в последние годы Вологодская контора пчеловодства получает все больше заявок на приобретение пчел из тепличных комби-

натов Архангельской области, в частности, из Северодвинска, Коряжмы, Каргополя.

Любопытный факт. В пригородах Вологды около семи тысяч дачных участков. Почти на каждом — крохотная тепличка. Так оказывается, ранние огурцы в них получить невозможно — первые завязи опадают вместе со цветами. А дело тут в том, что в это время пчелы заняты работой на ягодниках и плодовых деревьях, и цветы огурцов не опыляются.

Следует подчеркнуть, что человек сам может и должен укреплять «кормовую базу» пчеловодства. Передовые пасечники на Вологодчине каждую весну сами высевают на двух-трех гектарах семена медоносных трав.

Как-то вологодская газета «Красный Север» рассказала о преподавателе Устюженского техникума Б. М. Мироновиче, который вместе с учащимися выращивал в питомнике более ста различных медоносов, в том числе и лекарственных. Он и его юные коллеги по опытной работе отправляли семена растений чуть ли не в десяток областей страны и даже за границу. И просьб прислать семена не становилось меньше.

А разве мы все так уж много делаем, чтобы приумножить нектарные «пастища» нашего Севера? Вот, скажем, замечательное дерево липа. Отличнейший медонос. Липа в цвету прямо-таки кладовая нектара. Из него пчелы вырабатывают лечебный мед, обладающий ценнейшими качествами. У липы немало и достоинств. Крона ее очень красива. Липа легко переносит пересадку и обрезку. Дерево живет до 300—400 лет и достигает в высоту до 30 метров. Оно теневыносливо, холодостойчиво, ветроустойчиво. Автор книги «Общее лесоводство» М. Е. Ткаченко характеризует липу как породу, имеющую значительную хозяйственную ценность. Из ее древесины и лыка изготавливают немало предметов хозяйственного обихода. Так почему мало липовых аллей на Вологодчине? Ведь по декоративным достоинствам липа имеет не так уж много конкурентов. Может, дерево у нас на Севере плохо произрастает? Этого не скажешь. Лесоводы считают, что липа прекрасно растет в окрестностях Петрозаводска, в восточных районах Северо-Запада — несколько южнее этой широты.

Все дело в том, что нет настоящих энтузиастов среди

работников зеленхозов и лесхозов, которые могли бы взяться за разведение липы. В питомниках лесных хозяйств лишь трех-четырех районов Вологодской области выращивается несколько тысяч саженцев и сеянцев липы. Это очень немного. А в Вологде липовые аллеи украшают только центральные улицы. В горзеленхозе на вопрос, почему на улицах Вологды мало красавиц лип, отвечают уклончиво. Дескать, дерево в общем-то требует немалого ухода. Думается, только одно достоинство липы — давать целебный нектар вполне окупит этот уход.

Наконец, одной из причин слабого развития пчеловодства на Севере, в частности в Вологодской области, является недостаточная популярность отрасли. О ней мало знает молодежь, престиж профессии пчеловода невысок, о мастерах медосборов незаслуженно мало пишут. Многие ли знают, например, что пчеловод из Красноярского края А. И. Демко получает от каждой пчелиной семьи до 172 килограммов меда, и за свою работу удостоен звания Героя Социалистического Труда? Мне вспоминается выступление пасечника из Тотьмы А. Н. Селиванова.

— Пчеловод в колхозе или совхозе, — говорил он, — нередко остается один на один со своими заботами, бывает, горестями. На его труд люди, несведущие в деле, подчас смотрят с предубеждением.

Да, работа пчеловеда не находит пока настоящего общественного признания. Не потому ли молодежь равнодушна к этой профессии? Бывая в селах, я не раз убеждался: на увлечение своих отцов, отдающих время и силы работе с крылатыми труженицами, сыновья смотрят скептически. А ведь деревенские ребята охотно выходят на поля, не отказываясь ни от какой работы. Вообще деревенская детвора охотно, с интересом занимается любым сельским трудом. В чем же дело? Поведение школьников вполне объяснимо. Они почти не слышат из уст учителей, что есть такая профессия — пчеловод. В Вологодской области буквально единицы школ, на пришкольных участках которых стоял хотя бы с десяток ульев.

— Не ребячье это дело, — говорят руководители облоно. — Пусть уж школьники учатся.

Верно, ребята прежде всего должны учиться. И, на-

верное, нет нужды в каждой без исключения школе создавать пасеки. Ну, а если найдутся энтузиасты-биологи? Разве маленькая пасека станет ребятам помехой в учебе? При Тотемской школе-интернате есть небольшая пасека. Труд на ней для многих ребятшек — просто праздник. А надо ли доказывать, сколь благотворно он сказывается на развитии школьников? Никогда нельзя забывать указания ученых-педагогов, что любое общение ребенка с природой формирует так или иначе его нравственные качества, нравственные принципы.

На Украине, в Хмельницкой области, имеется около 150 школьных пасек. Ученые и педагоги УССР настойчиво ставят вопрос о необходимости преподавания пчеловодства в школе. И не будет вреда, если такой курс введут в сельских школах в качестве факультатива. Разве нормально, когда листовая учебник зоологии для 6—7 классов средней школы, мы с удивлением обнаруживаем, что пчелам в этом самом учебнике отведено ровно столько места, сколько, скажем, клопам или блохам? Ведь сейчас дошло до того, что в Вологде даже при областной станции юннатов кружок по пчеловодству работает со срывами — не найти постоянного руководителя. Несколько ульев станции влачат жалкое существование. Между тем в городе Подольске Московской области нашли выход: секции по пчеловодству ведут активисты городского общества охраны природы. Почему бы не позаимствовать опыт?

...Здесь названы многие, но не все беды пчеловодства на Севере. Они — причина того, что стало трудно купить натуральный мед и в магазине, и на рынке. Даже в тех колхозах и совхозах, в которых имеются пасеки, не текут «медовые реки».

В решении Вологодского исполкома областного Совета депутатов трудящихся «О мерах по дальнейшему развитию пчеловодства в колхозах и совхозах области», принятом в апреле 1973 года, есть указание на необходимость расширения колхозных и совхозных пасек. Ибо только крупные пасеки могут дать продукцию на рынок. Думается, следует идти дальше. Пора по примеру других областей взяться за организацию бригад, а может быть и целых хозяйств, которые могли бы специализироваться по пчеловодству. Такие бригады

можно создать в дальних лесных хозяйствах, богатых нектарными «пастбищами». Организация бригад не потребует особых затрат, дополнительной рабочей силы. Зато станет накапливаться опыт. На базе специализированных бригад возможно создать настоящие школы передового опыта в северном пчеловодстве. И кто знает, может быть, появится возможность наладить наконец организованную заготовку пчелиного яда, маточного молочка, прополиса, пыльцы — бесценных лекарственных продуктов!

Итак, спору нет, что значение пчеловодства очень велико и, важно подчеркнуть, весьма многопланово. Пчела дает ценнейшие продукты, используемые в десятках отраслей промышленности и медицине, она работает на агронома и зоотехника. В реализации постановления ЦК КПСС и Совста Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР» должно быть уделено внимание и северному пчеловодству. Думается, это дело не из второстепенных.

ВСТРЕВОЖИШЬ ДУШУ — ЖИТЬ НАЧНЕШЬ

1. СВАТЫНЯ

Волнует меня одна житейская картина. Ее можно увидеть в каждом доме, где есть представители трех поколений: старшего, среднего и младшего. Старшее поколение — это те, кто уже на пенсии, среднее — на чьих плечах сейчас главная работа, младшее — кто только приступает к делу или еще учится.

И вот представьте: все садятся за один стол, накрытый по-нынешнему вкус-

но и сытно. Поначалу, как вечно ведется, режут хлеб. Режут широко и броско. И каждый из сидящих на это смотрит по-своему. Разумеется, не всякий раз именно с таким значением, о каком хочу сказать, но часто смотрят и берут хлеб именно так.

Бабушка (я сразу вспоминаю свою мать) смотрит на это с радостью, смотрит как на священнодействие и бережно берет мягкий, душистый ломтик, и медлит с минуту. Давнее, но незабытое поднимается в ней, подступает к горлу, туманит и без того слабые глаза. Откуда-то из-за плеч наплывают, накатывают на нее другие годы с другим хлебом. Куда от этого денешься: память в человеке, как и совесть, неусыпна.

И старая женщина своей памятью видит, как она в горькие годы войны стояла у стола, а перед ней — трое

ее голодных ребятишек. В первое время она аккуратно (чтоб ни крошки не пропало!) резала, нет, делила свято каждому по ломтику ржаного хлеба, а позднее — по куску с картофельными очистками, а перед концом войны — лишь по пайке льняного колоба или чего-то такого, чему и названия нет, из клевера да ее, материнских, слез.

А муж с войны-то, с передовой-то, из госпиталей писал, чтобы продавала или обменивала на съестное все из его одежды, как будто он оставил одежды целый сундук и этого хватит семье надолго. А и было-то всего ничего, да и это самое «ничего» она давно перешила ребятишкам на штаны и пиджаки: в школу-то пускать надо не хуже людей.

Режут хлеб... Хозяин семьи (допустим, я или ты, читатель) привычно держит в руках буханку, украшенную коричневым жаром пекарни, и чувствует сам к себе уважение: это хлеб, заработанный им. Поэтому и слетают с ножа чуть небрежно, до устали буднично ломти как попало.

И лишь когда нечаянно зацепится взглядом за ушедший в себя взгляд старой матери, увидит, как в ее сухой, изработанной руке дрожит ломтик хлеба, вдруг поймет, что она думает о тех горьких годах войны, когда не знала, чем их, троих мальчонков, накормить, с этой думой вставала, с этой думой ложилась.

Мать ничего не говорит, но нет лучшего собеседника о жизни, чем она. Перед ней схитрить или смолчать о чем-то и можно, да бесполезно: не умом, так сердцем поймет твою уловку, и в ее взгляде, в котором горечью отстоялась целая жизнь, увидеть упрек знобко. Но не бывает ничего теплее, чем ощутить полную и взаимную открытость своей души перед материнской.

И хозяин, застыв лишь на эту краткую минуту взаимного понимания с матерью, вдруг чувствует, как буханка в его руках обретает особую весомость и ломти ложатся на стол уже уважительно и достойно.

Режут хлеб... Младший глядит неотрывно в телевизор, который включен по привычке, и лишь на миг отрывается, чтобы просто взять кусок хлеба. Нет, нет, тут не кроется никакого упрека, потому что это — чистое простодушие детства или отрочества. Речь идет лишь о том, что так бывает в застолье. И если мы, люди уже пожилые, пережившие кое-что на своем веку, знаем

один безошибочный метод познания жизни — сравнение, то откуда же этому простодушному с бесхитростными, большими глазами понять сейчас хотя бы малость того, что мы понимаем? Все у него еще впереди...

Но об этом все же хочется сказать. Если поколению наших отцов и матерей выпало на долю самое трудное в русской истории — перешагнуть из старого мира в новый, жертвенно пройти войны и разрухи, отдать самое себя ради лучшей жизни; если нашему поколению, вступившему на свой путь в тревожных отсветах пережитого отцами и матерями, пришлось познать с малых лет тяжелые будни тыла, горечь утрат, соль раннего возмужания; то почему же иногда мы хотим своих детей слишком долго держать в радужном неведении жизни, отстранить их от проселков, а рвемся сразу вывести на чистую, асфальтированную ширь дорог? Как будто такие дороги существуют сами по себе, без этих нелегких проселков! А ведь утрата трудностей познания жизни — утрата многих лучших качеств человека. И все начинается с малого. Даже с застолья.

Режут хлеб... Он ложится на наши столы всегда необходимый, но такой простой и обыкновенный, что мы и не думаем, как он появился, кому мы обязаны за него, что он таит в себе как понятие.

Хлеб — зов земли. Он, бывало, до света поднимал русские деревни, и женщины-солдатки шли в поля и вставали за плуги, и вели борозду к борозде, а потом, выбившись из сил, валились наземь, и земля утешала своих дочерей теплом и молчаливым пониманием их тяжелой, но великой доли.

Хлеб — совесть человеческая. Он трепетал на ветрах колосьями, гнулся под дождями, распрямлялся вновь и разливался все ярче, все солнечней, все живительней, но работники, истомленные до крайности бескормицей, стеснялись сорвать и унести для себя лишний колос.

Хлеб — победа наша. Ливнем зерна он шрапнельно летел с колхозных токов, золотым светом сиял на подводах, уходящих по бесчисленным проселкам в ту израненную даль, откуда несло горьким дымом и горькой славой.

Хлеб — стойкость русская, душа наша щедрая. Он спасительно, благородно сыпался, лился, плескался даже на развалинах Берлина в протянутые худенькие

ручонки, в котелки и кружки голодных детей уже повергнутого, смертельного нашего врага.

Так в нашем Отечестве было от века. Поэтому мир и дивился распахнутости русской души, «непонятности» русского характера. А характер этот, сильный и великодушный, был отгранен в столетиях безмерной любовью к родной земле и к неустанному труду на ней, был просветлен красотой и поэзией ее природы, среди которой главная отрада, главная привязанность — родное хлебопашеское поле. И зерно, выращенное на нем, — ржаное, пшеничное, ячменное, овсяное, просяное, гречишное — свет для души и сила для жизни.

На Руси всегда говорили и понимали так: хлеб — всему голова. Есть хлеб — все есть. А если чего пока и нет, так с хлебом все равно будет. И не было больше оскорбления, чем оскорбить хлеб или пренебречь им, потому что видели в нем не просто ржаной ломоть или пшеничный кусок, а свою судьбу и судьбу Родины. Они-то, наши предшественники, хорошо знали, как он, батюшко-хлеб, достается, какова его истинная цена.

Точнее, цены-то у него и нет, ибо ОН (с большой буквы!) сам свою значимость определяет: иногда поднимается до таких высот и такого смысла, что золото, как пустяк, перед ним меркнет, а иногда, угождая человеческой забывчивости, позволяет великодушно определить ему цену в рублях и копейках. И тут дело не просто в крайностях, а в суровом понимании того, что человек, несмотря на свою техническую мощь, все-таки зависит от дождя и града, от жары и мороза, да мало ли от каких еще и пострашнее бед и несчастий.

И сердце болит потому, что мы в своем богатстве разучились думать о хлебе, о его подлинной, а не магазинной цене.

Болит сердце, когда видишь, как в столовых, буфетах, ресторанах валяются на столах, на тарелках, а то и на полу куски свежего хлеба — главного дара родной земли. Или еще хуже, кощунственнее — в надкушенном куске торчит слюнявый окурок. Разве это по-людски? И никого вроде такое и не задевает — свыклись! Лишь уборщица, пожилая женщина, горестно покачает головой да и начнет собирать поруганный невежеством хлеб. Я мог бы, конечно, привести здесь цифры, кричащие о том, как позорно велика у нас эта

дикая растрата. Сведения есть, да только уже не раз в печати приводились подобные цифры.

Возмущается сердце, когда видишь, как набивают полные мешки и рюкзаки золотыми буханками и караваемы и тащат скоту. Скажите, когда это на Руси было слыхано, чтобы скотину кормили печеным хлебом? Трав и сена, слава богу, хватало, и жмыха тоже. А земля-то наша — что? — разве поубавилась в своих просторах и раздольях?

Стыдно сердцу, когда в городском магазине замечаешь иногда, как какая-нибудь дама брезгливо тычет вилкой то в батон, то в сайку, то в булку и отворачивается, возмущенно требует директора, чтобы тот объяснился перед ней, почему это в продаже нет самого свежего хлеба. И директор, вместо того чтобы дать понять этой даме, что хлеб имеет всего лишь один «недостаток» — способность черстветь, начинает виновато оправдываться.

Совестно становится, обидно, когда в некоторых школах (школах!) мальчишки и девчонки, выбегая из своего буфета или столовой, начинают играть, как в хоккей, булочками, испеченными для них с большим старанием и любовью из самой лучшей пшеничной муки, и не видят в этом ничего особенного. Почему никто из них не покраснеет, не одернет другого, почему у них нет понимания того, что хлеб — святыня?..

А понять эту истину следует именно с самых малых лет, чтобы не оскудеть потом сердцем. В школах, конечно, проводятся и беседы, и пионерские сборы, и вечера на самые разные темы, но много ли бывает таких, когда возникает проникновенный, возвышающий юную душу разговор о величии земледельческого труда, о чуде земли — хлебном колосе, о кормильцах страны — мастерах полей и лугов, о делах их особо государственного значения, о бережном, сыновнем отношении к родной природе, ибо без любви к природе не может быть и любви к Отечеству.

Касается это, конечно, не одних школ. Думается, еще не оценили мы в полную меру Человека, работающего в поле, не воздали ему сполна за прошлые и нынешние заслуги перед Родиной. Как-то скромно, подчас задним числом отдаем ему то должное, на что он имеет первое право наряду со своим заводским Собратом.

Сразу становится чуть ли не всесоюзно известным человек, поставивший рекорд, например, в беге или в прыжках в воду, но человек, поставивший рекорд в сборе зерна или еще как-то отличившийся в деревенском труде, долго бывает незаметен для народа. Это говорится не в принижение спорта, а только в защиту полей.

Когда я писал поэму «Черный хлеб», то свежо и жарко, грустно и радостно было на душе, потому, что опять видел перед собой множество разных, дорогих для меня деревенских людей, и ветер родины летел над страницами, и строка ложилась к строке.

Черный хлеб с печного пода, —
Он не просто лишь ломоть,
А радушие народа
И земли родимой плоть.
Хлебный корень густо вьется
В пашне, влагой налитой,
А над ней восходит солнце —
Это колос золотой.
Колос зерна книзу клонит,
И летят, летят они
На крестьянские ладони —
Это наши с вами дни.
Ничего отрадней нету,
Чем, сойдясь в родном краю,
Благодарно в руки эти
Положить ладонь свою!

И вправду хорошо приехать туда, где тебя помнят смалу, побродить по улицам, которые стали, к огорчению, так малолюдны, потолковать со стариками. Они хотят, чтобы вместе с новой техникой пришли в деревню и новые молодые люди и взяли бы в свои руки «управление» хлебом. В домах там ныне светло, просторно, радушно.

...А на столе в сияньи чистых окон
Лежат, что золотистые круги,
И каравай, с достоинством, высокий,
И перед ним — с начинкой пироги.
Вот чем от горя мы всегда хранимы.
Я, может быть, в глазах того нелеп,
Кто говорит: не хлебом, мол, единым...
Но что без хлеба?
Здравствуй, черный хлеб!

Да, богаты мы своей землей. Но даже и такое огромное богатство, как наше, нуждается в рачительнос-

ти, в бережливости. Не зря же более пятидесяти лет назад внушительно, ясно и благоговейно Владимир Ильич Ленин сказал: «Каждый пуд хлеба и топлива есть настоящая святыня».

Святыня!

2. «РАСПАХАТЬ И ЖИЛЬЦА ПОСАДИТЬ...»

Есть у меня в родных деревенских местах, за Вологодой, в Сокольском районе, пять-шесть приятелей-одногодков. Много нас, ровесников, ходило в школу, туча целая, а вот в деревне задержалось всего пять-шесть. Среди них Валентин Сараев, голубоглазый, смекалистый выдумщик. В наши малые годы, во время Отечественной войны, когда в деревне остались лишь женщины да старики, он первым из нас встал за тяжелый плуг — железные ручки сурово возвысились чуть ли не до самых мальчишеских плеч.

Глядя на него, и мы стали примеряться к плугам, тоже потянули, мотаясь и выбиваясь из сил, свои первые тяжкие борозды. Матери наши со слезами на глазах смотрели нам вслед, хвалили и наказывали Сараеву: «Ты, Валя, будь у ребят-то за бригадира, вон у тебя как ловко да добро получается, лучше всех...»

Сараев впоследствии и впрямь стал бригадиром, сначала в малом колхозе «Спайка», потом в укрупненном «Путь к коммунизму», а ныне в совхозе «Доброволец». Уже более двадцати лет он бригадирствует. Бывали случаи, что за неуступчивую самостоятельность (например, на своих площадях отказывался сеять кукурузу) отстраняли его от бригадирства, ставили дипломированных специалистов, а дело все равно не получалось, как у Сараева. И опять шли к нему, просили принять бригаду, и он, отходчивый, сызнова принимался за хлопотное дело.

Если бы Сараев уехал из деревни (были, были такие порывы, да удержала семья), то на стройке какой или заводе наверняка вырос бы и до более крупного специалиста или руководителя: натура одаренная, кипучая, да и дело всякое — деревянное и железное — из рук не валится. А вот в своем родном месте бригадирство для него — потолок.

Другие мои приятели деревенские — Николай Качанов, Александр Тихомиров, Анатолий Зайцев — дом ли срубить, в столярку ли пойти, мастерок ли каменщика взять — все могут. Не говоря уже о полевых или сенокосных делах. Все могут, а в конторских документах бессрочно и неизменно числятся просто разнорабочими. Были просто колхозники, стали просто разнорабочие. Никакого разряда, никакого тарификационного роста. Понятие «разнорабочий» тоже, выходит, для них потолок.

Мне могут сказать: ведь было же неизменным понятие «крестьянин» без всяких там тарификаций, и ничего, веками держалось. Да, держалось, но когда речь заходила о конкретном крестьянине, то всегда добавлялся или подразумевался эпитет, очень существенный знак: «бедный», «средний», «зажиточный». Вот этот эпитет — социальная тарификация — для конкретного крестьянина был в старую пору что огонь: или обжигал, или грел, или широко высвечивал. По крайней мере, равнодушным человека к своей судьбе не оставлял.

Теперь у нас — что говорить — в корне иные социальные условия. Но человеческая психология так быстро не меняется. В человеке (любом) есть прекрасное чувство самоуважения. Другое дело, как оно внешне проявляется у разных людей, тут столько причин, что и не перечислить. В нормальном же проявлении это чувство диктует человеку быть в работе и судьбе своей «не хуже других», желательно бы «даже лучше».

И вот, когда по множеству разных причин в разные годы хлынули люди из деревень в города, именно это чувство здорово «поработало». Многие из тех, кто уезжали, достигали званий и степеней, выходили, что называется, в люди, конечно, на тихую зависть тем немногим, которые уехать не могли, оставались в своих деревнях и, хотя трудились не меньше и не хуже уехавших, «степеней» подобных все же не достигали. А ведь эти люди — женщины, работавшие на маленьких фермах, мужчины, изо всех сил поддерживавшие колхозные порядки, вынесли неимоверную тяжесть минувших лет, прошли такие пути-зигзаги, что теперь в пору дивиться их бескорыстию и самоотверженности.

Однако наше общественное мнение очень многие

годы, вплоть до самого последнего времени, стороной обходило деревню. Больше того, в отношениях к ней возник обидный уничижительный оттенок.

Ничто, даже малая малость, не проходит бесследно. Особенно психологический урон. Если экономику, скажем, действительно, можно восстановить и поднять в сжатые сроки, опираясь на социалистический закон планового развития, то нравственно-моральное и эмоциональное восстановление и накопление требует многих и многих лет устойчивой жизни.

Вот тут-то я опять возвращаюсь к своим деревенским товарищам. У каждого из них — большая семья, детей менее трех и нет. Сыновья и дочери только окончат Воробьевскую среднюю школу — сразу же уезжают из отцовских мест. Ну, кое-кто в институты, а большая часть в ГПТУ разные — их сейчас очень много — и, конечно, потом в города, на стройки, на предприятия.

Спрашиваю то одного, то другого, почему же никто из детей их, уже выросших, не остается дома. Ведь условия-то в деревне нынче совсем иные... Они мне отвечают категорически: «Не хотим, чтоб повторили нашу судьбу». Если в деревне парню остаться, то, значит, на всю жизнь остаться в лучшем случае трактористом, если девушке — то на всю жизнь дояркой. И тут же мне встречно задают лукавый вопрос: у тебя, дескать, сыновья тоже выросли, сам ты родом деревенский, часто бываешь на родине, а чего не скажешь хоть одному сыну, чтоб поехал на село? И я, подобно многим родителям, отвечаю, что, сыновья ныне сами выбирают свою дорогу. И чувствую, что на эту тему говорить дальше бесполезно.

Директор Воробьевской средней школы, тоже товарищ детства, И. А. Сахаров подтверждает, что за последние десять лет из выпускников лишь десять-пятнадцать человек задержались в родном совхозе. Все это парни, уже отслужившие в армии. Привлекла их техника. А девушек — ни одной. Школа же на хорошем счету в районе по успеваемости, по качеству преподавания. Она занимает прекрасные современные здания, в достатке оборудована техническими средствами. Ребята здесь знакомятся с машиноведением, девушки — с животноводством. Эта работа ведется постоянно, сер-

езно, но только выпуск из школы — и до свиданья, родина! Психологический нажим родителей да широкая повсеместная пропаганда новых строек, новых профессий, новых увлекательных дорог пересиливают все старания школы и совхозного руководства.

И вот в совхозе «Доброволец» (типичном для вологодского края) молодежная проблема выглядит так. В комсомольской организации здесь 106 человек, а девушек из них лишь 30 — только учительницы да работницы управленческого аппарата. Идешь по полевым дорогам, заходишь в центр совхоза село Воробьево — гудом гудит окрестность. Проедет ли трактор, промахнет ли автомашина, распахнутся ли ворота мастерских, попадет ли на пути строительная площадка — то тут, то там видишь мужские загорелые лица. И редко-редко мелькнет в полях свежее девичье лицо. А если увидишь, то даже остановишься, словно чудо какое встретилось... В северной деревне ныне возникла ненормальная диспропорция между молодым мужским и женским населением. При острой-то нехватке вообще молодых рук да еще этот печальный перекося!

...Сидим мы с Валентином Сараевым, бригадиром, на зеленом берегу реки Двиницы, под ослепительными березами и говорим обо всем этом. Он не нахвалится своими ребятами — хоть и мало их, но молодец к молодцу. Вася Лысов, Валя Миронов, Коля Левин, Валя Кутузов — все после армии, комсомольцы, им под силу любая техника. Ее в совхозе много, а ожидается еще больше — только работай. Но вот эта заковыка, этот перекося...

Ведь чтоб по-настоящему работать, надо прочно устраивать свою жизнь. Домом жить, семью заводить — годы солнечные подступили. А за деревенскими околицами только одни соловьи томят душу, и хоть бы какой девичий голос... Вот и выходит, что прочно устраиваться в деревне резону нет. Два, от силы три сезона — и здравствуй, Череповец, Вологда, а то и Урал да Сибирь-матушка!

А, между тем, здесь у Сараева — он листает свою погретую записную книжку — средний возраст работающих уже под пятьдесят, да и численность за последнюю пятилетку вдвое сократилась в бригаде. Доярками и телятницами работают пожилые женщины.

Случись одной заболеть или куда отлучиться — замены не найти. А ведь и заработки хорошие — до полутора ста и более рублей в месяц, а охотников нет.

— Невесты нам вот так нужны! — решительным жестом заключает бригадир, и в голубых глазах его, как много лет назад, вспыхивает удалой огонек молодости. — В городах-то сколько девушек зря толкутся в тесноте да на малых заработках. Вот и написал бы ты...

Я говорю, что писал уже в вологодскую молодежную газету. Очерк так и назывался «Где же вы, невесты?». Отклики были, и среди них одно письмо с Красавинского льнокомбината — четверо подружек согласились поехать в совхоз. Я, конечно, туда, за древний и прекрасный город Великий Устюг, в совхоз «Кировский». Приезжаю радостный: там, на ферме, действительно новые доярки — Галя Лужинская, Люда Черепова, Валя Ефимова и Тоня Конева.

Но радость моя была преждевременной. Девушек не устраивали условия: и работа тяжелая, и грязно, и с жильем неудобно, неуютно, и руководство совхоза, как ни странно, нерасторопное. Словом, разочаровались девушки. И они во многом были правы.

Вот и пришлось сделать вывод, что омоложение деревенских кадров — дело чрезвычайно сложное и тонкое. Одними постановлениями ныне уже мало чего добьешься. Надо в комплексе решать все неотложные вопросы жизни: и экономику, и быт, и культуру. Конечно, это не новость, а однако же быт и культура по-прежнему отстают от хозяйственного развития, и не только в северных деревнях. Мы порой как будто забываем, что выросло совершенно новое поколение, не знакомое с теми трудностями, какие возникали в прежние годы и вынуждали нас, приучали к терпению и к скидкам на временные обстоятельства. Это тогда закалило нас не пренебрегать никакой работой и дало ныне возможность удивляться разительным вокруг переменам, сравнивать с тем, что было, и порой не понимать молодых, принимающих эти перемены просто как должное.

А не сами ли мы ограждали и ограждаем еще подрастающих сынов и дочерей от всякой «черной» работы (как мои деревенские ровесники: «Не хотим, чтоб

повторяли нашу судьбу»)? Не сами ли толкаем их куда-нибудь подальше от дома, непременно в города, как будто только там и есть их жизненное призвание? Наконец, не сами ли мы без умолку твердим им о счастье, о счастливой судьбе, не подумав о том, что сплошного счастья — эдакого вечного праздника — никогда и нигде в нормальной человеческой жизни не бывает.

Вот с этим «не сами ли?» и попробуйте омоложить деревенские кадры. Нет, крайне назревшие проблемы подъема Нечерноземья упираются не только в экономику. Это не только проблемы экономические, а в равной степени нравственные, социально-психологические, бытовые.

Сейчас повсеместно сельскохозяйственное производство переводится на промышленную основу. Строятся крупные животноводческие комплексы. И у нас, в Вологодской области, они строятся. Это, как показывает развитие жизни, необходимо. Однако строятся в основном лишь животноводческие корпуса, и упускается из виду многое другое.

Опять вернусь в тот же «Доброволец» — пример то уж больно похожий на большинство совхозов. Здесь, за домами на зеленом склоне, грудно поднялись красно-кирпичные постройки заводского облика. «Наш КАМАЗ», — в шутку называют его жители. Много разных мнений можно услышать о необычном для здешних мест новшестве. Но уже сейчас, даже неспециалистам, видно, что молодежную проблему, в частности диспропорцию между мужским и женским населением, комплекс не разрешит. На нем будут работать лишь 8—10 доярок.

Может быть, обстоятельства складываются так, что женские руки в деревне нужны лишь в самой малой степени? Нет, в действительности обстоятельства вынуждают сделать обратный вывод. В совхозе, раскинувшись на десятки верст в округе и имеющем около трех тысяч жителей, явно отстает развитие бытового обслуживания. Например, для того, чтобы заказать костюм, платье — да мало ли чего сшить, — надо ехать за шестьдесят километров в райцентр — город Сокол. А в некоторых прибалтийских совхозах, скажем, удаленность от бытовых услуг в десять-пятнадцать километров считается уже ненормальной.

В «Добровольце» же лишь числятся швейная мастерская, в ней работают всего лишь три женщины, хотя по штату, явно заниженному, полагается восемь. Да и не на восемь бы мастеров следует развернуть здесь мастерскую (настоящую, с высоким качеством), а намного больше. Пусть будет ателье городского типа, пусть будет много мастеров своего дела!

Или взять другую точку быта — парикмахерскую. Ее здесь вовсе нет. Сюда раз в неделю приезжает из Сокола мастер и «оптом стрижет и бреет». А почему бы не создать настоящий Дом быта с химчисткой, крашением, прокатом, часовой мастерской и т. д., где могли бы работать девушки?

Весь вопрос упирается в строительные трудности. Те маломощные ПМК, которые развернуты на селе, еле-еле справляются лишь с промышленными объектами. И деньги (большие!) государство отпускает, а освоить их полностью нет сил. Значит, в социальном планировании северных деревень до сих пор налицо горькие неувязки.

Недавно мне довелось редактировать рукопись доктора исторических наук профессора Вологодского пединститута П. А. Колесникова «Северная деревня с XV по первую половину XIX века». Любопытная, ценная книга получилась. Так в ней, в этой работе, на которую автор затратил более десяти лет архивных и прочих документальных поисков и социологических обобщений, показана в развитии широкая картина своеобразного края России.

Помимо «суглин», здесь так много «матёрой земли», что «севчая сила» ее удивляет. Еще около полутора веков назад под Вологдой получали зерна по 22—25 центнеров с гектара. Уже тогда в некоторых хозяйствах делался дренаж, или подземное осушение почвы, из осиновых труб с боковыми отверстиями для всасывания воды. На севере впервые в России «догадались» готовить компосты из навоза с торфом для удобрения полей. Выращивались в закрытых питомниках разные «дива» вплоть до дынь и арбузов, проводились опыты со многими севооборотами и структурами почв, впервые было введено травосеяние тимофеевки, клевера и других ценных трав, умный отбор молочного скота. Не случайно же именно здесь, на севере, бы-

ла создана знаменитая холмогорская порода коров, найдены секреты получения прославленного в мире вологодского масла. Словом, как говорилось тогда, было «выгодно здесь распахать и жильца посадить».

Ныне по программе подъема и должного развития Нечерноземья (в том числе и наших северных мест) необходимо, кроме экономико-финансового вклада, не упускать из вида еще и нравственно-историческое ощущение творимого. Должна же чувствоваться связь времен и поколений. Многое ушло и уходит безвозвратно в прошлое, и тут ничего не поделаешь: «дерево жизни» сбрасывает с себя стареющие ветки.

...Я выбираюсь на проселок древний,
А он пластом чернеет и ползет.
Куда ни гляну — врублены деревни
Сплеча, с размаху — в русский горизонт.
Они стоят бесхитростно и просто
И доживают век великий свой.
Деревни — родовые наши гнезда
Омыты грозвою синевой...

Да, доживают. Куда ни поеду в наши места — картина одна и та же. Кондовые пятистенки в резных узорах, что терема, стоят на берегах рек уже почти опустевшими. Сельчане, намеренные прочно жить в совхозах, переезжают из таких чистых, ягодных мест в многолюдные центральные усадьбы, где, конечно, и шумно, и пыльно, но зато все по-городскому. Квартиры в каменных домах, лестничные площадки... Пожилые люди в таких семьях никак привыкнуть к «новине» не могут, а молодые осваиваются быстро.

И вот что любопытно — явление какое-то новое. Те старые дома, которые покидают хозяева ради поселков, охотно покупаются теперь горожанами для своих летних наездов. Еще два-три года назад цены на крепкие, просторные пятистенки были у нас поразительно малыми, а ныне резко подскочили вверх — спрос поднялся.

Однако покупателей, преимущественно из промышленных городов — Череповца, Мурманска, Северодвинска, Вологды — и это не смущает — платят хорошие деньги. Кто из деревни — к городской жизни, а кто от городской жизни, наоборот, — в тишину полей и свежесть лесов... Вот вопрос — как бы то и другое ра-

зумно нам объединить, чтоб и работалось производительно, и жилось в доброй, возвышающей душу близости к природе?

И когда я прохожу по родным проселкам, прихотливо петляющим по полям, лугам, косогорам, по местам, ныне заросшим кустарником, а прежде бывшими пашней, вглядываюсь в эти синие, безбрежные дали, ждущие коренных перемен, часто вспоминаю те старые слова: «выгодно здесь распахать и жильца посадить». Сказаны они, конечно, с грубоватой крестьянской хваткой, но полны глубокого хозяйского и житейского смысла. Да и сказаны-то не кем-нибудь, а нашими прадедами — они-то уж понимали толк в земле! И вдумываясь, невольно соглашаешься с ними, даже не коробит грубоватость и прямота фразы, потому что понимаешь, что на такой земле, действительно, надо «сидеть» настоящему хозяину, в руках у которого все возможности и все преимущества нынешнего времени.

3. ЗОЛОТОЕ ДНО

Слышу, как в наших деревнях говорят: «Трактор-то седни встал ни свет ни заря, поспать не дал», или «трактор-то, слава богу, за картошку принялся» (за силосование, за пары, за возку сена, соломы, дров и т. п.), или на вопрос: «Чем занимаешься?» — получишь иногда шутливый ответ: «А трактором работаю!» (то есть делаю всякую работу).

Любопытно это. Трактор — само железо — входит в речь как существо живое, сильное и даже добродушное. Так иногда говорят о медведе (конечно, не охотники-промысловики — те суровые натуралисты, до поэтического одушевления не поднимаются). Трактор уже стал таким обычным «товарищем» в деревенском кругу, что случись ему затихнуть, не подать «голоса» день или два, в домах беспокойно зашевелиятся: не случилось ли чего. А когда этот рыжий «товарищ» с медвежьей ухваткой и походкой бродит туда-сюда, потряхивает стекла в окнах — значит, все ладно, все идет своим чередом, и на него опять внимания не обращают. Привыкли.

Раньше (еще на моей памяти, в военные и послевоенные годы) точно так же относились к лошадям. Их было много, и их как бы не замечали: чего тут такого — ну, лошадь... А теперь случись встретить на проселке лошадку, запряженную в легкие дроги (господи, где дроги-то нашлись!), непременно остановишься, полюбишься с умилением лошадиным добрым лицом (не мордой, нет!), большими умными глазами, гривой, всей красивой, сильной конской осанкой. Диво да и только! А раньше-то дивом казался трактор. Нагрянет, как гроза, весной — вся деревня сыплется на него поглядеть, словом перекинуться с трактористом, пощупать теплое черное брюхо машины.

Да, все наоборот ныне. За какие-то два десятка лет — всего-навсего-то! Конечно, это дело всем известное, да только применительно к жизни одного человека (мы редко судим о времени применительно к себе лично, к своей жизни, словно нам два века даны) это стремительно необыкновенно. Деревня стоит уже на железных подошвах.

А за рычагами машин кто? Да те же деревенские парни, мужики, которые в свое время сноровисто коня обряжали, а теперь научились трактор «запрягать». И дело у них хорошо выходит. И что-то особенное с годами выявляется в их облике и характере.

Вот об одном из них и расскажу хотя бы немного.

Шел я недавно возле высокого поля за своей деревней Петряево, а снизу, от реки, доносился тракторный рокот. Он был надсадным. То сильно-сильно прокатится по осеннему затишью, то вроде смолкнет, а потом взорвется еще отчаянней. Посмотрел я туда. Батюшки! Когда-то вся пойма реки Двиницы, тянувшаяся в этих местах версты на две и обыкновенно заливаемая по весне водою, была вся в ольшанике, в осиннике да ивняке. А теперь чернела непривычно чистым простором в ту и эту сторону. Деревни на том берегу сразу стали как будто выше. Пойма-то вся раскорчевана да распахана!

Сразу вспомнилось из детских годов, как здешние мужики не раз говаривали: «Вот бы сохру-то к рукам прибрать. Не земля, а золотое дно. Пудов по сто двадцать — не менее взяли бы с гектара...» И, покуривая, вожделенно посматривали на эту речную пойму, назы-

ваемую сохрой. «Да ведь наши старики еще до колхозов пытались ее к рукам прибрать,— продолжал кто-нибудь разговор,— правда, не все у них вышло, а овес вымахивал матерый — овины ломились». — «Ну, нам сейчас несподручно — только лошадей измаем», — заключали обыкновенно разговор до следующего раза. «Эх бы, вот сохру» и т. п.

А сохра, между тем, все зарастала и заволакивалась ольхой, что серым туманом. А после войны особенно закустилась. Два-три года назад бабенки да старухи уже дрова начали там рубить. Казалось, пойма навсегда скрыла, так и не показав свое золотое дно.

И вот вся она черным-черна, будто копится здесь сама осенняя ночь, чтобы выливаться отсюда и закрывать в свой час всю окрестность. А в этой черноте, словно оранжевый жук, копошится трактор. Пригляделся — да не один, а целых три. И валы кустарниковые густо-синие дымятся (дело было после отмены противопожарной строгости).

Заинтересовался я, с высоты поля, по ручью, стал спускаться в пойму. Думаю: «Там Сахаров, наверное, орудует. Не может того, чтобы без Сахарова...» Сахаров Александр Николаевич — петряевский тракторист лет сорока пяти, невысокий, но кряжистый. Я его хорошо знаю с молодости. Веселый был, с гармоньей ходил. А потом мы много лет не виделись, а когда встретились — он лицом как будто и не изменился, такой же молодой, только в плечах, в руках, в походке — мужицкая сила и тяжесть. После этой встречи опять много воды утекло, но довелось увидеться сызнова. Он-то никуда из деревни не уезжал, это меня тянуло в разные стороны. Так вот, и на этот раз он лицом не изменился — словно годы пролетали мимо, а кряжистости, грузности еще прибавилось, да в глазах, озоровато-добродушных, что-то остановилось, застыло.

Неловко было спрашивать, да сам рассказал. Беда с ним случилась в ту пору. Надо было плуг отремонтировать, гайки отвинтить, а гайки так прикипели, заржавели, что не давались никаким образом. Он стал их молотком расшатывать, отклепывать, как вдруг железная искорка отскочила и прямо в глаз. Сразу день потемнел, от боли мужик ослаб, но дошел до дому и — в больницу, в Вологду.

Не обрадовали его врачи. Гла́за пришлось лишиться. Да и работу на машине велели оставить, найти советовали что-нибудь полегче. Да только как с машиной расстаться — этого не смогли сказать, не умели. Да и сам он не знал, как это расстаться. Вот даже с глазом расстался — от большой беды, а расстаться с тем, чем живешь душой, много труднее. Не смог этого сделать. Через две недели после больницы снова сел за рычаги. И никто не приневоливал, даже, напротив, отговаривали дома и в конторе, да отговорить не могли.

Сел — и все! И надо же — руки его, сильные, крестьянские, как будто добавили зрения. Он стал работать еще напористей, чтобы никто и заикнуться не мог о случившемся. С тех пор никто и не замечал, что у Сахарова что-то в одном глазу остановилось. Лишь приезжий человек мог заметить, да и то не сразу: уж больно добродушно светится загорелое лицо, озороватый прищур на нем, внимание к собеседнику.

О Сахарове в деревнях все разом заговорили хорошо. А в деревнях не просто себя поставить так, чтобы мнение о тебе было единодушным. Кто-нибудь да чего-нибудь да заметит, портрет твой двумя-тремя темноватыми красками приглушит, чтоб особо не задавался, не выпирал, а был «наравне».

Сахаров, между прочим, и не «задавался», и намерения такого сроду не бывало у мужика, а просто работал по-душе. Работать по-душе — значит делать добро. Изо дня в день. Не размышляя, кому это твое добро пригодится — пусть пригодится всем или тому, кто в нем особо нуждается. В таком случае все, даже слепой, заметят, что ты не корыстен, а справедлив. А выше добра и справедливости нет ничего на свете, не существует, и люди это знают и всегда чувствуют.

Начали как-то по весне (это я тоже помню) пахать трактором приусадебные участки. Понятно, все торопятся.

А тракторист пашет выборочно: то у родственников, то через всю деревню — к друзьям-приятелям. Тут попашет, там пожужжит. В деревне — недовольство, грех. Бабы ругаются. «Вот бы Сахаров сроду так не сделал! Тот все подряд округит». «Где Сахаров-то, чего не едет?» — раздавались голоса.

А Сахаров был занят срочной работой в мастерской. Так что же — высмотрели-таки, когда вернулся домой, попросили попахать. Ему неудобно подменять товарища. Обидится еще. Мнется мужик. Женщины напирают. Ну, пришлось сесть за рычаги и начать кружить вокруг деревни по загородам — подряд, до самой ночи. Утром в деревне было тихо и радостно. Чего, казалось бы, сделал такого, а запомнилось, в сердце осталось. Подобных примеров было множество...

Все ощутимей тянуло от сохры горьковатой прохладой, все сильнее ломила глаза эта необычная чернота. Вот уже и сама вывороченная земля. Пласты шириной чуть не в метр дыбились, горбатились, тянулись, сколько взгляд охватит. Чувство необыкновенное: стою на новой земле! В ней коричневым слоем, словно медвежья шкура, толстеет и ширится торф, черными прожилками топорщатся в первый раз появившиеся на свет корневища, а там что-то синевато-зеленое. Да ведь это ил, речной ил, нанесенный сюда, быть может, веками.

Так вот оно, золотое дно земли, к которому тянулись старики! Густым перепревшим духом веет оно, исходит силой и загадкой, дивит обнаженно-могучим видом. Не зря, не зря бороды в доколхозной деревне чесали да прищуривались в эту сторону! Нет, не зря!

Сахаров, конечно, оказался здесь. Когда я подошел, он таранил бульдозером осину. Из кабины кепкой помахал, а потом, сбавив в моторе газ, тяжеловато из нее выбрался. Опять такой же — не стареет, черт! — улыбается, потный лоб вытирает рукавом фуфайки, руку подает, крепкую, темную от железа да земли.

— Вот осина проклятая хуже всего, — говорит он, — корни-то заглубит да стоит, что баба на базаре. Елка-то что, хоть какая, а податлива: корни-то у елки поверху, в широту. Нажмешь — только прошумит. И береза — ничего, правда, тоже поупрямится, а ничего, поникнет. Про ольху и думать не стоит — слаба, а вот осина — надо же, какое дерево уродилось! — намает, лоб повытираешь.

Говорит он все это с легкой усмешкой, с доброй приязнью ко всему, что окружает его, — земле, деревьям, всякой живности.

— Зайчишек тут повыгоняли, лис рыжих — смотришь, только в стороны кидаются. Некогда, а то бы за ноги можно схватить, — смеется он. А потом серьезно: — дело-то тяжелое, второй год бьемся.

— А земля-то добра!

— Добра земля. Вот здесь, — обводит рукой, — по обоим берегам Двиницы гектаров сто будет, да вон там, за Нелидовом, около того... Кое-где уже рожь да траву посеяли — посмотрим, что покажет земля.

Я спрашиваю о других трактористах. Вместе с ним работают Александр Кокушков и Александр Боровиков.

— Три Александра.

— Да, три Санка, — живо отзывается Сахаров, — что Кокушков, что Боровиков — хорошие мужики. Вот я двадцать годов уже не вылезая из кабины, с пятьдесят третьего года, а Кокушков — еще более...

Ведь только подумать — двадцать с лишним годов изо дня в день за рычагами, в шуме мотора, в синих выхлопах дыма. За плечами — десятки тысяч гектаров перепаханной земли! А вот еще и новую поднимают, опять же они, эти незаменимые в хозяйстве люди.

В облике трактористов годы труда выковали свои характерные черты. Эта грузная сутулость, тяжеловатая походка, обдуманность в движениях. В лицах, с которых не сходит загар ни летом, ни зимой, спокойное, чуть насмешливое выражение; даже снисходительность к другим, не знающим, что значит стосильный дизель. Тракториста сразу можно выделить в толпе: неуклюже нетороплив, основателен, на собрании молчалив, но молчалив с внутренним сознанием, что последнее слово остается все равно за ним — куда ныне без тракториста денешься?

Настоящие трактористы живут хорошо: и заработки, и почет.

Вот вечером пришел я домой к Александру Сахарову еще кое о чем потолковать, вижу — основательно человек живет. Дом новый, рублен с умом, удобно (сам делал), с модной ныне верандой. В комнатах светло и чисто. Ну, конечно, телевизор, на кухне — газ (в деревню доставляют баллоны). Льется электричество, синее экран телевизора — все, как в городе.

Только тканые половички, очень красивые, напоминают, что ты в деревне. Да жена Катя и мать Людмила Александровна с истинно деревенской приветливостью встречают захожего человека.

Ну, сели мы с хозяином потолковать. Любопытная вещь — кто много работает, тот говорит мало, а кто много говорит, так уж непременно работает мало. Сахаров говорил мало.

— Устаю, — начал он, — годы, видно, сказываются. Жена все уши прожужжала — брось трактор, а как бросишь-то его, трактор-то? Вон стоит под окном — как живой, вроде лошади, только сена не просит. Нет уж, его оставить нельзя. Да и то сказать, прошлым годом сделал на нем больше двух тысяч гектаров, на совещание передовиков в Сокол ездил, вот транзистор дали... Только формальностей всяких еще много. Возьмем соревнование. Весной, можно сказать, весь партком у борозды стоит: «Сколько возьмешься сделать, какое твое обязательство, кого вызываешь на соревнование?» Ну, сказали — взяли. Тем дело часто и кончается. Не знаем мы, как работают в других деревнях, да что в других деревнях — не всегда знаем, сколько у нас и самих-то выходит. Надо, чтобы не только поквартально, а каждый месяц ясность была у каждого. Ясности нет, и это худо...

Слушаю его, усталого, уже немолодого человека, мастера земли, и думаю: Уж если помогать таким людям, так помогать серьезно, а не превращать соревнование в какую-то малопонятную детскую игру с красными бумагами, с громкими словами и т. п. Соревнование должно быть делом, а не пустым словом, делом, полным ясности, страсти и серьезности, под стать серьезности этим мужицким характерам, судьбам и делам. А иначе — зачем? Ведь эти люди и так работают по совести, по душе, силу свою не прячут, не берегут.

И жизнь свою и народную изо дня в день делают так, чтобы она была светлой, разумной, богатой, с золотым дном.

4. НАДЕЖДЫ НАШИ

...И ничего не надо мне,
Лишь только, чтоб она,
Дружной росла посадками,
Родная сторона.
Скорее в люди вышла бы,
Да встала в полный рост,
Да свет несла над крышами
Не только от берез.

Лидия Николаевна Морозова встречает меня, незнакомого ей человека, с приветливым радушным интересом, какой чувствуешь в старых деревенских домах. Она приглашает в большую комнату к столу. И сама садится напротив, внимательно и спокойно ожидая, что скажу. В этом внимании — и любопытство, и то простодушие, которое сразу располагает к откровенному разговору. И когда узнает, что мне надо, смущенно и растерянно улыбается: рассказать о своей жизни и работе — как это не просто! Рассказать — значит пережить заново... Попробуй-ка пережить, что было, коснуться той боли, что отболела, той радости, что улетела...

Судьба у нее крестьянская. Все ее сорок семь зим и весен пронеслись-пролетели в полях да перелесках под Вологдой. Шестнадцатилетней девчонкой пошла на совхозную ферму — полыхала Отечественная война, — работали из последних сил. И после войны было не легче. Все молодые годы — в таком труде, какой редко кому выпадает на веку.

И вот она рассказывает, кратко, словно остерегаясь коснуться той глубины, что в душе, но глаза все равно влажнеют. И я вижу перед собой не только ее взволнованное лицо, словно бы озаренное минувшей молодостью, а много-много других, похожих женских лиц, наплывающих из памяти тех дней. И среди них лицо моей матери, и сходные черты обличья всех солдаток и вдов в родной мне деревеньке Петряево, всех знакомых и незнакомых женщин в бесчисленных городах и селах на российских просторах.

Это они, истинные героини, встали у подножия нашей великой Победы, отдав ей всю молодость свою, все силы, свет своей души, чтоб сияла она в веках нетлен-

но. Но скажи вот так — застесняются, обойдут молчанием высокие слова, лишь вспыхнут на миг тем незабытым, пламенеющим в сердце огнем, и сквозь суровые черты, оставленные временем, проступят вдруг на их лицах и молодость, и былая красота. Вот как сейчас в этом милом русском лице Лидии Николаевны, овеянном чистотой деревенского воздуха. Словно ей и не столько лет, а меньше, потому что вспомнила все свое молодое. Но тут она спохватывается, и лицо становится по-иному уже озабоченным.

Она рассказывает о своих детях — их четверо, — пока что невелики они, но уже сейчас больше думают о городской, нежели деревенской жизни, а дома, в полях и на фермах, дел хоть отбавляй. Особенно теперь, когда партия и правительство приняли постановление о развитии Нечерноземья. «Оно к самому сердцу легло, — говорит Лидия Николаевна, — в самую точку попало».

На мой вопрос, как заинтересовать молодежь работой в сельском хозяйстве, она — в отличие от иных знатоков, которым все ясно, — прежде прикидывает что-то применительно к себе и к нынешним условиям и вместо прямого ответа говорит о своем беспокойном раздумье. «Город ныне помолодел, а деревни постарели. Вот молодежь и тянется к своему кругу. Да и многие родители хотят, чтобы дети были в городах. Родители всегда желают детям лучшей жизни, чем была у них. А в деревне многие годы было трудно, а в городах больше возможности проявить себя. Да и воспитывали мы своих детей годами, с букваря, не просто к жизни, а к разным красивым и героическим делам, далеким от села. А если и упоминали сельские профессии, то всегда во втором ряду, в конце прочих. А молодое сердце чутко. Вот так и получилось...»

Лидия Николаевна даже раскраснелась. От алого с цветочками платья как будто легкий отсвет заиграл на щеках. Поправила темные волосы, вновь руки положила на стол. Порой пишут: тяжелые руки крестьянки, в синих узлах, в мозолях... Ничего подобного! Белые, налитые нежностью и силой, красивые женские руки. Они умеют нянчить детей, легко летать над кухонной плитой, над широким застольем, участливо опуститься на плечо в минуту горя, надежно принять

груз любимых тягот. Одно слово — добрые руки крестьянки-труженицы.

— Ныне надо, — продолжает Лидия Николаевна, — о жизни думать потрезвее. Сельскому хозяйству нужны не случайные люди, а, как и на заводах, из числа лучших да подготовленных. Землю держать в руках надо тоже с высшим образованием. Ну, у стариков не было высшего, так была мудрость и любовь. А чтобы молодые люди шли «держатъ землю» на смену нам, нужна и самая лучшая техника, и государственное расположение. Техника — для успеха и пытливости, расположение — для души и роста. Вот тогда и возникнет интерес. А будет интерес — будет все. Ой, что-то я разговорила...

Лидия Николаевна, не привыкшая вот так, без дела сидеть за столом, встает, прохаживается по чистой комнате, обставленной «по-городскому», начинает собираться на работу.

Идем по деревне Ильинское, где, в общем-то, уже поселковые, почти городские черты. И дома растут каменные, и дороги узорчаты от машинных следов. Здесь располагается ферма госплемзавода «Молочное». Это хозяйство хорошее, но ничем особенным от других совхозов не отличается, разве что целенаправленной племенной работой.

Широко видно с Ильинского угора: и поселок Молочное, где краснеет зданием известной и стариннейшей в России Молочный институт, и окрестные деревни по берегам тихой реки Вологды, и розоватая лента шоссе, летящая к горизонту, подчеркнутому синевой продолговатого Кубенского озера. Раздолье. Исконно обжитые земли, как тут не жить молодым, как не работать во славу!

Конечно, по дороге я задал Лидии Николаевне традиционный вопрос: в чем секрет успехов ильинских доярок? И, разумеется получил ответ, что нет никакого секрета. Может, оно и так. Просто лучше работает тот, в ком больше душевной привязанности к своему делу, заботливости, старания. Ведь условия-то, в общем, для всех работающих одинаковые. А результаты разные — от разного отношения к делу.

Вот и ферма. Служебные помещения, подсобные постройки, дворы. Все так, как везде. Встречает нас Нина

Васильевна Серова, уставшая за смену, но довольная сделанным. Она моложе Морозовой, осанистей, розовой лицом, бойчей в движениях. Но по открытому, озабоченному погляду, по распевному голосу, по какому-то внутреннему к себе расположению во многом походит на свою подругу-сменщицу. Да и судьба у нее, как я потом узнал, похожая, тоже от деревенского корня, из здешних мест. И семья у Иины Васильевны немалая, и заботы те же.

Сдружила их работа. Не уступают они друг другу ни в чем — ни в старании, ни в добросовестности. Как бы, к примеру, ни устала, ни закружилась одна, а свою долю работы выполнит до конца, ни малой малости не перевалит на сменщицу. Наоборот, если понадобится, выручит, с полуслова сделает, вида не подаст, что и самой нелегко.

Доярки показывают мне своих любимиц: Аврору, Роспись, Счастливую, Спесивую... До девяти тысяч килограммов молока дают они в год, а жирность какая — 4,2 процента! Я хочу подойти поближе к коровам, но доярки останавливают меня: увидят незнакомого человека — не все молоко отдадут, а дойка только начинается.

Осыпая иней с дверной притолоки, входят Екатерина Ивановна Макарова, Елена Александровна Разгулова, тоже сменщицы, потом еще доярки и с ними Люба Каталева, зоотехник.

Нет ничего проще деревенского знакомства — сердечное слово, рукопожатие — и вот уже как будто давно знали друг друга. Люба как раз тот человек, какие теперь так нужны нашей деревне. Ей двадцать четыре года, окончила Устюженский сельскохозяйственный техникум и со всем пылом юности пришла на ферму. Сейчас она мать троих дочерей. Муж Леонид работает шофером, может и на тракторе, и на другой какой машине. Живут в отдельном домике, как называет Люба, в особнячке, где газ и водопровод, только отопление печное. Дружно живут, светло. Да и по ней это видно: рослая, сероглазая, так и светится красотой.

И сестра ее младшая Наташа такая же по характеру, только техникум окончила другой, гидромелиоративный, и теперь трудится мастером мелиорации в своих родных местах. Добрая семья!

— Но нас, молодых, — серьезнеет Люба, — мало еще в животноводстве. Казалось бы, и заработки здесь большие, и жилье строится, а девушек очень не хватает. И все потому, думаю, что на ферме ручного труда еще много. Надеемся только на комплекс. Он уже строится. Там будет полная механизация. Легче станет, чище, интереснее — девушки должны прийти. И надо сделать так, чтобы всё поднималось вплотную: и быт, и жилье, и отдых, и... ну, словом, потолок сельской жизни надо поднять куда выше, чем сейчас, чтоб любой труженик здесь смог встать во весь свой личный рост и в крышу головой не стукнулся. Вот что для молодых надо. Ведь задача-то какая — хлеб, мясо и молоко! Пойдемте посмотрим, как оно льется-разливается, — улыбается Люба и ведет меня в молокоприемное отделение.

Стакан свежего молока... Он в руке, как белая прохлада самой жизни. Пьешь — и закипает в крови густой сок здоровья, а перед взором, хотя бы на миг, вспыхнут то ослепительные снега, то лепестковый вихрь ромашек, то белое кручение тумана над дальней, родной тебе речкой. Чистотой, теплом и духом земли враз опахнет. И каждому в этот миг может вспомниться что-то свое.

Тот, кто по месту рождения деревенский, возможно, улыбнется про себя, представив, конечно же, свою мать, как она с подойником поутру или ввечеру входила, довольная, в избу и наливала парного молока сперва в кружки для ребятишек, а потом уже в глиняные крынки — живой пеной оно колыхалось, манило к себе. Ничего, кажется, вкусней на свете не было, чем эта кружка молока да ломоть черного хлеба.

Всякого молока: студеного, вынутого в жаркий полдень во фляге из колодца; топленного в русской печке, с золотистой пенкой, поставленного к пирогам, к чаю; кислого, острого, с розовой шапкой сметаны...

Я смотрю на доярок, слушаю их с внезапно прихлынувшим возбуждением, словно тоже причастен к чему-то огромному, дорогому, трудно выразимому словами, но и без слов, лишь одним общим глубоким чувством соединявшему наши сердца.

Содержание

Горизонты Нечерноземья. (<i>Предисловие С. А. Осьминина</i>)	3
Сергей Викулов. Вторая целина	8
Василий Елесин. Мы живем от земли	35
Владилен Шульгин. Нива мелиораторов	54
Сергей Багров. Великий двор	72
Владимир Степанов. Вологодское масло	90
Дмитрий Кузовлев. Заботы селянина	105
Виктор Королев. Северный мед	129
Александр Романов. Встревожишь душу — жить начнешь	147

ОТ ЗЕМЛИ

Редактор-составитель

В. А. Оботуров

Художник

Э. В. Фролов

Художественный редактор

В. С. Вежливцев

Технический редактор

Н. Б. Буйновская

Корректоры:

Н. К. Галкина, В. И. Пригодина,

С. В. Ширикова

Сдано в набор 10.3.1976 г.
Подписано к печати 13.V.1976 г.
Формат бумаги 80×108/32.
Бум. тип. № 1. Физ. печ. л. 5,5.
Усл. печ. л. 9,24. Уч.-изд. л. 854.
ГЕ01196. Тираж 5000. Заказ 1483.
Цена 29 коп.

Вологодское отделение
Северо-Западного книжного
издательства.
Вологда, Урицкого, 2.

Областная типография,
Вологда, Челюскинцев, 3.

**В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ
КНИЖНОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ**

ВЫШЛИ НОВЫЕ КНИГИ:

Белов В. Утром в субботу. Повести и рассказы.

Коротаев В. Притяжение. Книга новых стихотворений.

Покупайте эти издания в магазинах и киосках
книготорга, выписывайте по адресу:

г. Вологда, ул. Мира, 14, «Книга — почтой».